

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

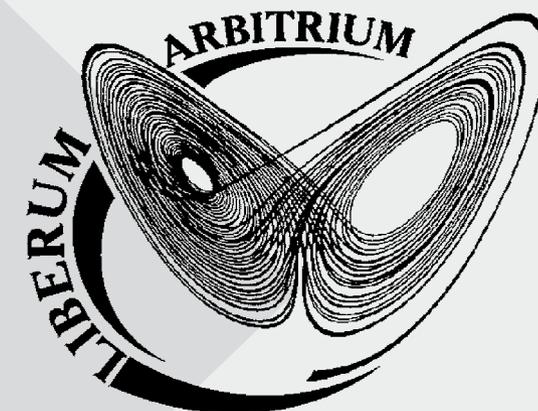
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ / 2021

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 19. Номер 3 (66). ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ / 2021
Volume 19. No. 3 (66). JULY–SEPTEMBER / 2021

УКРОЩЕНИЕ СРЕДЫ МЕГАТРЕНДЫ

- Татьяна Шаклеина** ► Фактор Байдена для миропорядка
- Юрий Голуб
Сергей Шенин** ► НАТО при новой администрации США
- Георгий Мачитидзе** ► Турция и радикальный исламизм

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международников
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

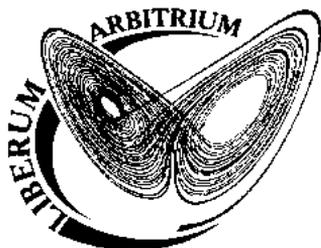
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 19. Номер 3 (66)
ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ **2021**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Mikhail Troitskiy, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728–2756 (PRINT)

ISSN 1811–2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«*International Trends*» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский, Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский, Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США), Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков, Михаил Троицкий, Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич, Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор – первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь – заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Вадим Беленков, Елена Бочкова, Анна Гожина, Евгения Захарова, Наталия Меден, Ирина Николаева

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)
ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2021
© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2021

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

TAMING THE STRUCTURE

Volume 19. No 3 (66). July–September 2021

CONTENTS

REALITY AND THEORY

Tatyana Shakleina	New Stage in the Global Order Formation	6
Kirill Vertyaev	Syrian Kurds as Proto-State Actors	22
Gleb Kotsur	Emotions and International Relations	43

CATCHING A TREND

Yurii Golub	From Trump to Biden: What Will Happen to NATO?	68
Sergei Shenin		
Georgy Machitidze	Turkey's Response to International Terrorism Eastern	85
Pavel Gudev	Mediterranean in a Search of a New Balance of Interests	104
Ibragim Ibragimov		
Yuri Kvashnin		
Lyudmila Samrskaya		
Irina Svistunova		
Nikolay Surkov		
Pavel Timofeev		
Evgeniya Zakharova	Regional Reform and Its Impact on the Electoral Behavior during 2012 and 2017 Presidential Elections in France	123

DISCUSSION CONTINUED

The Global World Post-Covid

Yelena Kalyuzhnova	The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Music Industry: Evidence from Kazakhstan	147
Olena Khlystova		
Assel Imayo		
	<i>Our authors</i>	158

СОДЕРЖАНИЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Татьяна Шаклеина	Новый этап в формировании мирового порядка	6
Кирилл Вертяев	Сирийские курды как протогосударственный субъект	22
Глеб Коцур	Эмоции и международные отношения	43

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Юрий Голуб	От Трампа к Байдену: что ждёт НАТО?	68
Сергей Шенин		
Георгий Мачитидзе	Политика Турции в отношении международного терроризма в контексте внутренней исламизации	85
Павел Гудев	Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов	104
Ибрагим Ибрагимов		
Юрий Квашнин		
Людмила Самарская		
Ирина Свистунова		
Николай Сурков		
Павел Тимофеев		
Евгения Захарова	Влияние административно-территориальной реформы на электоральное поведение во Франции	123

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

	Мир после коронавируса	
Yelena Kalyuzhnova	The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Music Industry:	
Olena Khlystova	Evidence from Kazakhstan	147
Assel Imayo		

	<i>Наши авторы</i>	157
	<i>Our authors</i>	158

НОВЫЙ ЭТАП В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

ПЛАНЫ США ПО УПРАВЛЕНИЮ МЕЖДЕРЖАВНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ

ТАТЬЯНА ШАКЛЕИНА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

После кратковременного периода некоторого замедления активности США в формировании либерального мирового порядка при администрации Д. Трампа пришедшие в Белый дом демократы вернули наступательный формат своей политике, объявив о решимости восстановить и усилить глобальные управляющие возможности США и статус единственного легитимного лидера. Заявления Дж. Байдена и рекомендации ведущих экспертов свидетельствуют о признании Соединёнными Штатами великодержавной конкуренции между США, КНР и Россией. Для достижения преобладания в конкурентной борьбе администрация предлагает военно-дипломатический формат, когда активная и часто декларативная дипломатическая деятельность серьёзно подкрепляется силовыми методами давления (санкции, пропаганда) и использованием преобладающего военного потенциала для проецирования силы в удалённых районах мира. Автор выдвигает следующую гипотезу: хотя великодержавная конкуренция не является чем-то новым в истории международных отношений, современный этап можно охарактеризовать как «новую многоуровневую конкуренцию с элементом программирования со стороны США». Важной особенностью этого этапа можно назвать не только более масштабный формат оппозиционно-конкурентной борьбы трёх ведущих держав, но и новый состав (плотность) и характер международной среды. Так называемые фоновые страны обрели новую субъектность на современном этапе мирового развития и готовы максимально использовать новые возможности в процессе формирования мирового порядка, маневрируя между ведущими державами. Соединённые Штаты стремятся запрограммировать ход, направленность и даже результат конкуренции на всех уровнях, направляя развитие отдельных стран в нужное русло. Цель – лишить или максимально сузить пространство для манёвра у ведущих игроков – КНР и России, предотвратить формирование управляющего «евразийского» центра, а страны среднего уровня поставить в условия, когда их выбор будет заранее предопределён в пользу США/Запада. Несмотря на, казалось бы, благоприятные условия для Америки, остаются риски перенапряжения сил в процессе реализации амбициозной стратегии глобального программирования и наступательного управления. Актуальным

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта МГИМО-Университета «Новая парадигма глобальной и региональной конкуренции в XXI веке: на примере Арктического и Индо-Тихоокеанского регионов» (КМУ-ХИ «Научная идея») / <https://mgimo.ru/about/news/inno/podvedeny-itogi-xi-konkursa-molodykh-uchenykh-mgimo-nauchnaya-ideya/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2021

Дата принятия к публикации: 10.09.2021

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: shakleina.t.a@inno.mgimo.ru

остаётся вопрос о том, сумеют ли Россия и Китай противостоять политике США. Не до конца ясно, как поведут себя как растущие державы, так и малые и средние страны. Грядущие десятилетия станут решающими в деле формирования мирового порядка.

Ключевые слова:

мировой порядок; управляемая конкуренция; великие державы; США; Россия; Китай; администрация Байдена.

Конкуренция остаётся неотъемлемой частью мирового развития и может оказывать как позитивное, побудительное влияние на его формат и содержание, так и дестабилизирующее воздействие, усиливая дезорганизующую конфликтность и тормозя поступательный ход мирового развития. После окончания периода биполярного регулирования возможными казались разные варианты нового порядка; в мире развивался тренд по усложнению международной среды, в рамках которого расширился состав игроков-лидеров глобального уровня, вступивших в новый этап глобальной конкуренции. Параллельно разворачивалась конкуренция второго пространственного уровня (макрорегиональная), когда крупные региональные лидеры инициировали сложную политику соревновательного взаимодействия с разными центрами силы. Более активно действуют малые и средние страны, усложняя ситуацию, приемыкая к тем или иным крупным игрокам.

Перед руководством ведущих мировых держав, в первую очередь США, КНР, России и ЕС, встали серьёзные задачи осмысления новых условий, в которых придётся жить и действовать в обозримой перспективе, и выработки стратегии для оказания влияния на процесс структурной переконфигурации мира и создания наиболее благоприятных условий для реализации своих планов.

Новая американская администрация — новые идеи и подходы?

Дж. Байден уже во время предвыборной кампании отчётливо заявил о том, что США намерены делать. В период деятельности республиканской администрации проблема мироустройства отошла на второй план, хотя совсем она не была снята

с повестки дня, о чём свидетельствовали внешнеполитические документы и действия США в международной сфере. В официальной риторике эта тема звучала более латентно, так как Д. Трампу приходилось «воевать» с вашингтонской элитой, журналистами, экспертами. Его действия часто были хаотичными и сильно лично окрашенными, хотя вряд ли можно сказать, что всё, что он делал и говорил, расходилось с базовыми задачами американской политики, провозглашёнными задолго до него. Практически все ведущие «мозговые центры» занимались критикой президента и его действий, а он в ответ не очень интересовался их рекомендациями [Вольф 2018; Шаклеина 2019а; 2019б]. Наступила своего рода короткая пауза в форсировании задачи формирования основ либерального порядка, которая, впрочем, закончилась со сменой власти в Вашингтоне.

Дж. Байден вернул тему американского лидерства, трансатлантической солидарности, альянсов, международных институтов и, конечно, ценностей в активный политический лексикон. Идея продвижения американских ценностей с опорой на вооружённые силы провозглашалась и до него, оставалась лейтмотивом выступлений деятелей НАТО и в Америке, и в Европе. Североатлантический альянс и при Трампе позиционировался не только как главная опора в обеспечении международной безопасности, но и как локомотив в распространении ценностей и их защите [Стратегии союзничества... 2021; Мегатренды 2021: 83–104]. Вместе с тем, как показали события в США в 2016–2020 годах, ценности американского общества отнюдь не гомогенны, поэтому до конца было неясно, почему демократы принялись вновь с таким рвением продвигать некие «уни-

версальные» ценности, которые и в самой-то Америке не являются ни общепринятыми, ни общепризнанными [Anderson 2017; Deneen 2018; Dionne et al.; Mann 2012; Drezner 2017].

Противоречия в заявлениях Дж. Байдена типичны для либеральных политиков и экспертов: делая акцент на дипломатии, активном взаимодействии, демократических ценностях, таких как свобода, возможность выбора, уважение к универсальным правам и закону, уважение к человеку и его достоинству, американские сторонники преобразования мира в соответствии с провозглашёнными правами ничего не говорили об обязанностях того, кто берёт на себя не только «благожелательную», но и репрессивную функцию, лишаящую целые страны и отдельных индивидов возможности насладиться какими-либо правами. Дж. Байден заявил вполне недвусмысленно, что министр обороны и государственный секретарь США должны сотрудничать в реализации всех задач международной стратегии США, а вооружённые силы должны обеспечивать благоприятные условия для действий дипломатов¹. Это означает, что в арсенале американской политики остаются все методы достижения целей от дипломатических до военных. В таком же формате действовали все администрации после окончания «холодной войны».

Аналогичную мысль высказывали как республиканцы, так и демократы. В частности, политолог Х. Сичерман из престижного Института внешнеполитических исследований (г. Филадельфия) в 1990-х годах в разгар дискуссий о стратегии США, в том числе в Евразии, писал: «Соединённые Штаты могут добиться успеха в Евразии

при условии, что за спиной американской дипломатии будет тень вооружённых сил США (и НАТО)» [Sicherman 1997]. Почти слово в слово то же самое сказал Председатель ОКНШ, генерал Дж. Данфорд в 2019 году, когда заявил, что важнейшая задача НАТО – продвижение и защита американских (западных) ценностей. Провозглашённая Дж. Байденом первоочередная задача по усилению международной активности, вмешательства во все регионы и решение всех проблемных ситуаций с опорой на тандем «дипломатия – вооружённые силы» возвращала международные отношения к тому состоянию, в котором они остались после администрации Б. Обамы: «дестабилизация и неопределённость»².

Снижение эффективности, а не меры активности политической, дипломатической и гуманитарной деятельности Соединённых Штатов можно объяснить не в последнюю очередь тем, что практически все ветви власти, аппарат федеральных органов власти, эксперты, работавшие с администрациями и конгрессом, СМИ объявили войну Д. Трампу, противодействовали ему, стали участниками внутривнутриполитической борьбы. Дж. Байден, у которого нет острого конфликта с либеральными СМИ и аналитическими либеральными центрами, будет работать в более благоприятной атмосфере, что, возможно, позитивно скажется на результативности американской политики. Однако, что касается внешних игроков, прежде всего России, то вряд ли следует ожидать, что действия американских дипломатов, экспертов, журналистов будут сильно отличаться от периода администрации Д. Трампа, так как главная цель политики по продвижению американских

¹ Remarks by President Biden on America's Place in the World. US Department of State. February 4, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/>

² В платформе Демократической партии 2020 г. также записано, что демократы дадут новый импульс политике продвижения ценностей, будут действовать силой примера, дипломатией, при этом добиваться того, чтобы вооружённые силы США не имели конкурентов, а американские военные оставались бы самыми подготовленными и самыми эффективными в мире. 2020 Democratic Party Platform. 31.07.2020. URL: <https://www.demconvention.com/wp-content/uploads/2020/08/2020-07-31-Democratic-Party-Platform-For-Distribution.pdf>

ценностей и установка на сдерживание ведущих держав по всем направлениям сохранится. Оценивая первые заявления президента, известный политолог Дж. Мэтьюс писала, что Дж. Байден хочет вновь «сидеть во главе стола» в мировой политике. Тем не менее она верно заметила, что мир сильно изменился и возврат к гегемонии вряд ли понравится остальному миру. По мнению Дж. Мэтьюс, то, что сделали США за годы после окончания биполярного порядка, можно охарактеризовать как серию катастрофических провалов: иракская операция с последующей дестабилизацией всего региона Ближнего Востока, финансовый кризис и другие события, вина за которые лежит на американском руководстве [Mathews 2021].

Не хотелось бы повторяться, но невольно вспоминается оценка американской международной деятельности, данная профессионалом в сфере разведки и анализа Дж. Фридманом. Он писал, что цель США – дестабилизация отдельных стран и регионов, чтобы те или иные государства не могли успешно развиваться и поддерживать конкуренцию с Америкой, а пространства вокруг особенно успешных стран были бы источником постоянных проблем для крупных держав, тормозящих их развитие и отвлекающих средства и усилия от наращивания лидерского потенциала [Friedman 2009]. Это было сказано более десяти лет тому назад. Дж. Мэтьюс повторяет эту мысль, но к тому, что она упоминает как «провалы», можно добавить ситуацию в Латинской Америке, где долгие годы американских усилий породили перманентную политическую, экономическую и социальную турбулентность, неспособность эффективно решать существующие проблемы. Главное: США очень умело управляют динамикой внутренних ситуаций в разных странах, в том числе опираясь на часть американоориентированной элиты. Не случайно попытки Бразилии повысить свой организационно-управляющий статус в Южной Америке и в мире так и не увенчались успехом, хотя надежды на возобновление тренда к лидерству явно про-

сматривались и по-прежнему остаются [Сударев 2015; 2019; Мегатренды 2021: 393–410].

Можно упомянуть и ситуацию в странах Восточной Европы, где дестабилизационные процессы не утихают, и хотя в этом принимает участие ЕС, как часть трансатлантического сообщества, доля усилий Соединённых Штатов перевешивает. В этом смысле актуальна оценка американского международника Э. Басевича, который назвал действия США по вмешательству в дела других стран и принудительному установлению правил игры в глобальном масштабе постоянной «полувойной», исход которой – также дестабилизация и блокирование успешного развития не только (а часто и не столько) непосредственного объекта операции, но и сопряжённых с ним держав с целью создания проблем и вовлечения в конфликтную ситуацию [Bacevich 2018: 329–404].

Любой случай и любая ситуация являются многомерными и субъектно многоуровневыми, и американский фактор, разумеется, не единственный, оказывающий влияние. Вместе с тем нельзя забывать, что Соединённые Штаты по-прежнему располагают хорошо проработанными инструментами оказания влияния на мировую политику и политику отдельных игроков, у них мощные финансовые и технологические средства, их присутствие в мире всеохватывающее, поэтому и сила воздействия может быть решающей в общем комплексе действий. К этому добавляется неослабевающая решимость действовать и неостанавливаться. Упомянутая выше короткая пауза в порядкостроительстве при администрации Трампа, за что он подвергся жёсткой критике, осталась почти незаметной из-за своей непродолжительности, а скорость, с которой Дж. Байден и его администрация вернулись на трек мироустройства, лишней раз доказывает, что «сами американцы не остановятся никогда», стратегия формирования либерального мирового порядка хорошо проработана и ждать каких-то радикальных изменений в политике США не стоит.

Хотя каждый политический деятель привносит свои особенности в то, как США реализуют международную стратегию и выстраивают отношения с разными игроками, на протяжении тридцати лет после окончания биполярного порядка *радикальных изменений в американской стратегии не произошло*. Основные цели и задачи, предложенные и включённые в стратегические внешнеполитические документы имеют долгосрочный и глобальный характер вплоть до полной победы в достижении американского «золотого века» в формате либерального мирового порядка, организованного и контролируемого США. Идея глобального правительства и глобального регулятора никуда не ушла, хотя её реализация стала более затруднительной [Mandelbaum 2005; Мегатренды 2021: 57–82].

В Белом доме и в либеральной части экспертного сообщества не хотели признавать, что международная среда усложнилась и для достижения цели по формированию западоцентричного порядка Америке придётся действовать более изощрённо, жёстко и жестоко. О возможности такого поворота в американской деятельности свидетельствовали не столько слова Дж. Байдена, постоянно повторявшего постулаты о важности дипломатии, общения, встреч, взаимодействия и т.п., сколько серьёзные аналитико-прогностические материалы по стратегии США, появившиеся начиная с 2018 года, где главной мыслью и *главным постулатом было «активное и манипулятивное управление» всеми процессами и действиями отдельных игроков, прежде всего главных ведущих держав, с тем чтобы мировое развитие шло в нужном направлении и в нужных структурных рамках», когда пространства для манёвра у главных конкурентов Америки или совсем не останется, или будет совсем мало и опасно для США*.

Теоретически это возможно, ведь и концепция, и инструментарий уже хорошо известны. Разные игроки, в первую очередь ведущие державы, заинтересованные в победе, преобладании, продлении своего

влияния и контроля над другими игроками, особенно конкурентами и оппонентами, всегда стремились по возможности повлиять так, чтобы усилия и действия конкурента-оппонента уже не могли быть полностью независимыми, осуществлялись в нужном направлении, запланированном управляющей стороной. Такая тактика использовалась и в военное, и в мирное время. Например, дестабилизация стран Арабского Востока нередко характеризуется как спланированная акция, ход которой управляется извне не только США, но и отдельными их союзниками в регионе. Утверждается, что «цветные революции» и особенно их последствия также были запрограммированы теми, кто их сначала готовил концептуально, а затем и претворял в жизнь, уже используя как свои, так и местные кадры и силы. С этой точкой зрения можно спорить, но невозможно отрицать фактора «создания» отдельных игроков и «управления» ими. Опасность управляющей политики состоит в том, что в какой-то момент ситуация или игрок могут выйти из-под контроля, как это произошло с распространением террористических групп. В то же время если оценивать роль США, то необходимо реально проанализировать планы операций, концепции и последствия их деятельности. В частности, по мнению самих же американских экспертов и политиков, Соединённые Штаты хотели только одного: убрать неудобные режимы, открыть дорогу для дальнейших преобразований, а цель восстановления и помощи в строительстве новой жизни в странах—объектах воздействия не ставилась.

Всё, что произошло и продолжает происходить в Восточной Европе, странах Арабского Востока, других регионах и государствах, укладывается в дестабилизационный принцип американской политики. Такие действия создали тяжёлые условия для России, центральноазиатских государств, входящих в сферу (пространство) российских интересов и планов, Ирана, Сирии и региона в целом, можно добавить и для Европы, которой не удастся отгоро-

даться от происходящих процессов. Вряд ли можно утверждать, что США потеряли контроль над происходящими процессами, ведь президент Дж. Байден и американские военные прямо заявили, что выполнили поставленные задачи в Афганистане и регионе. Какие это были задачи? Именно те, которые мы, к сожалению, вынуждены упоминать. Россия и Китай поставлены в очень сложные условия по нейтрализации последствий американской политики, на что им придётся тратить огромные политические, военные, финансовые ресурсы, не говоря уже о борьбе с террористической угрозой, которую действия Соединённых Штатов только усилили. Неблагоприятному развитию событий и ситуаций в регионах и странах в значительной степени способствовали внутрирегиональные и внутристрановые политические, социальные и экономические проблемы, личностный фактор. Тем не менее «фактор США» не учитывать нельзя, особенно если авторы политики не отрицают важной роли Америки и снимают с себя ответственность за последствия.

Можно вспомнить то, что писали российские специалисты-международники почти двадцать лет назад, хотя их идеи в то время не получили должного внимания из-за чрезмерного увлечения американскими концепциями, которые, кстати, по признанию ряда американских политологов, были частью политической кампании (политического заказа) по созданию своего рода «дымовой концептуальной завесы» для реальной политики США [Mann 2012]. Были забыты очень хорошие работы отечественных авторов, чьи мысли были точными и верными, предвосхитили события последующих лет [Богатуров 1997; Троицкий 2002; 2004].

Речь шла об «управляющем партнёрстве» и «управляющем, программирующем лидерстве». Такая политика предусматривала навязывание повестки дня мировой политики (демократизация, продвижение западных правильных ценностей) и повестки отношений с отдельными странами. Следует признать, что США и ЕС добились

в этом серьёзных успехов, так как без упоминания глобализации и демократизации не писалась почти ни одна статья, в то время как нарастал экономический кризис, проходили политические революции, подготовленные не только идейно, но и всеми доступными иными средствами, рос терроризм, и как результат кризисов и конфликтов с военной составляющей страдали экология, права человека, социально-экономическая сфера, то есть уничтожались условия для реализации провозглашённой задачи по демократизации и повышению благосостояния граждан разных стран, таяли возможности реализовывать хоть какие-то права личности.

ЕС с подачи США взял на себя роль формирования повестки мировой политики, а в дополнение ещё и аналогичное право наказывать всех, кто от неё отклоняется или не выполняет условия ЕС и США (НАТО) [Lebow, Reich 2014]. Нельзя отрицать, что вопросы климата и окружающей среды, борьбы с загрязнением окружающего пространства, переход на возобновляемые источники энергии, эпидемии — очень важные проблемы и они должны стоять на повестке мировой политики. Вместе с тем не менее важными проблемами остаются вопросы выживания в условиях вооружённых конфликтов, постоянных санкций, эксплуатации богатых ресурсами территорий именно теми самыми странами, которые, стараясь сделать экологически «чистыми» и технологически передовыми свои территории и возводя это в ранг жизненно важных проблем, бомбят другие страны, душат их промышленность, способствуют ещё большему обеднению их населения. Для многих стран первыми на повестке становятся совсем другие проблемы, а не езда на электромобилях.

Как верно отмечал М.А. Троицкий, характеризуя «программирующее партнёрство», управляющие страны ставят на повестку вопросы, важные прежде всего для них, позволяющие им успешно их решать и получить наибольшую выгоду, привлекая другие страны; выдвигают те проблемы, которые им решить проще всего, и их уча-

ствие добавит этим державам престижа в общемировом масштабе, позволит сплотить вокруг себя коалицию государств, которые могут вместе с ними выступать в будущем, в том числе и против оппонентов [Троицкий 2004: 49–51].

В мировой политике, таким образом, вырисовываются два трека: первый – западный либерально-демократический, включающий только темы, в которых Запад опережает другие страны и может войти в новую технологическую экологически чистую эпоху; второй – традиционный незападный, ориентированный на решение вопросов стабилизации международных отношений, завершения всех войн, чтобы можно было решать жизненно важные проблемы помимо проблемы войны и мира (неравномерности развития, бедности, экологической деградации и др.).

Когда мы слышим отдельных европейских чиновников, то складывается впечатление, что они живут в мире, оторванном от всего земного, их проблемы и так называемые ценности не являются общемировыми и неясно, станут ли таковыми (может, этого европейцам и не нужно?). Более того, они не отражают насущных потребностей человечества, и действия ЕС в период пандемии показали, что они вовсе не готовы и не хотят действительно бороться с общемировой проблемой или помогать даже своим членам. Тезис «каждый за себя» остался и в политике ЕС, и в политике США. Это означает, что *Европейский Союз не может претендовать на статус признаваемого (легитимного) центра формирования основ мирового порядка или имеющего право заставлять кого-либо подчиняться их диктату кроме своих членов, так как не учитывает озабоченности и вызовы помимо чисто европейских, то есть ведёт себя эгоистично. Потенциал лидерства ЕС, если он и был, похоже, полностью исчерпан, и им остаётся только следовать в фарватере американской политики как часть коллективного Запада, работая фактически на США, а не на жизненно важные интересы своих членов, так как то, что они поддерживают, наносит ущерб сплочённости ЕС и*

отдельным европейским странам [Мега-тренды 2021: 327–350].

Что касается Соединённых Штатов, то на вопрос о легитимности их роли глобального лидера ответить сложнее, так как их роль действительно велика, потенциал ещё остаётся довольно масштабным, у них много союзников, и они не отступаются от идеи консолидации глобального регулирования в своих руках. Администрация Дж. Байдена намерена добиться успеха в выходе на более высокий уровень регулирования, для чего они будут стремиться к обустройству под своим контролем и влиянием многих пространств, регионов и стран, о чём свидетельствуют аналитические рекомендации ведущих экспертов-международников.

Россия и Китай в фокусе стратегии «управляемой конкуренции»

У того, кто систематически изучает Соединённые Штаты, складывается впечатление, что ничего нового в американских концепциях и действиях не просматривается. Всё повторяется: слова, оценки, предложения, рекомендации, идеи. И это несмотря на то, что появляются всё новые и новые аналитические материалы и монографии, особенно если посетить сайты ведущих «мозговых центров», где аналитических и рекомендательных материалов превеликое множество. Главная идея большинства докладов и аналитических материалов – как переиграть основных оппонентов, как сохранить и приумножить глобальное влияние США, построить либеральный порядок и т.д. Нового мало, хотя необходимо было реагировать на изменения в международной обстановке, в политике разных игроков, пытаться разработать новые, более эффективные методы и инструменты для достижения задач разного уровня, ведь в реализации американской стратегии не всё шло гладко и успешно. Оставалась неудовлетворённость итогами деятельности, в первую очередь в закреплении нужных Вашингтону (Западу) основ либерального порядка, придать новый импульс политике демократизации по либе-

ральному сценарию, вновь подтвердить и продемонстрировать статус безальтернативного глобального лидера. В ходе очередного порядкоформирующего этапа в фокусе американской стратегии остаются Китай и Россия, политика в отношении которых пока не дала желаемых результатов, а также очень сложная международная среда (фоновые страны), которая может сыграть как в пользу США, так и против них.

Уже к концу 1990-х годов вряд ли можно было говорить об однополярности (моноцентричности) структуры мирового порядка, акцент только на либеральных институтах, которые активно продвигались США и ЕС, не оправдывал себя, особенно в связи с неподконтрольным ростом активности и роли КНР, России, Турции, Индии, Бразилии, и пришлось признать, что мировое развитие XXI в. будет определяться во всё возрастающей степени деятельностью ведущих держав и сложными отношениями между ними в формате соперничество/конкуренция/противостояние/взаимодействие.

Как отмечалось выше, во время правления администрации Д. Трампа деятельность США в порядкоформирующей сфере несколько затормозилась³. Д. Трамп поставил на первое место те проблемы, которые оставались очень важными для американцев и не были решены, так как глобальная миссия оставалась на первом месте. Авторитетный российский политолог и экономист А.В. Кузнецов, оценивая феномен Д. Трампа, его действия на посту президента, справедливо писал: «Исход преобразований не предопределён, но именно Республиканская партия, поддержав в 2016 г. Д. Трампа, первая отреагировала на запросы избирателей, слабо представленных “элитами” в политической системе страны в 1990–2000-е годы» [Феномен Трампа 2020: 626].

Хотя во время предвыборных кампаний и в платформах партий на первом месте обычно стоят проблемы внутриполитиче-

ские (прежде всего экономика, социальные проблемы), после прихода к власти внешняя политика обычно начинала преобладать над внутриполитическим направлением. Д. Трамп попытался сосредоточиться на решении проблем социально-экономических (миграция, рабочие места, возврат предприятий) и межнациональных, сделать политику США менее затратной, переложив часть расходов на союзников и тех, кто заинтересован в американской помощи, сузить масштабы внешней политики, что советовали сделать в 2000-х годах авторитетные политологи [Mandelbaum 2010]. Хотя в Платформе демократов 2020 г. внутриполитические проблемы заняли большую часть документа, уже первые заявления и действия президента Байдена позволяли сказать, что внешняя политика с самого начала заняла приоритетное положение и Соединённые Штаты будут решительно восстанавливать и наращивать глобальное влияние, пошатнувшееся, по мнению истеблишмента, из-за действий (или бездействия) Д. Трампа.

В 2010-х – 2020-х годах ведущие «мозговые центры» разработали концепцию порядкоформирующей стратегии для будущей администрации, предвидя неизбежный возврат демократов. Можно предположить, что и республиканцы могли бы воспользоваться аналитическими разработками во время второго срока в случае победы, так как обычно именно второй срок администраций становился более внешнеполитическим. Тем более что непримиримых противоречий в вопросе относительно роли США в мировом порядке (миссии Америки) между демократами и республиканцами нет.

Одной из концепций, которую взяла на вооружение администрация Байдена, была разработанная в недрах Центра стратегических и международных исследований концепция «управляемой конкуренции» для всех направлений международной деятель-

³ См., например: *Richey M.* The Tragic Irony of Donald Trump's Foreign Policy. 2019. URL: <https://www.fpri.org/article/2019/03/the-tragic-irony-of-donald-trumps-foreign-policy/>; *Garfinkle A.* The Real Problem with the Trump Foreign Policy. September 2019. URL: <https://www.fpri.org/>

ности США: военной, информационной, разведывательной, технологической, идеологической, экономической, дипломатической [Cordesman 2021a; 2021b]. Указывалось на то, что после длительного перерыва конкуренция между великими державами вернулась, военное преобладание США над оппонентами оказалось под угрозой, и если в прошлом они могли подавлять оппонентов своей силой, когда это было необходимо, на новом этапе конкурентного взаимодействия, прежде всего с Россией и КНР, им придётся использовать более широкий спектр механизмов и возможностей, направляя действия на слабые и наиболее уязвимые места оппонентов, действуя на опережение и неожиданно⁴.

Американские политологи в течение почти тридцати лет отказывались рассуждать в категориях реализма, заявляя, что никогда больше баланс сил не должен заменить или потеснить идеологию. Тем не менее реальные процессы мирового развития невозможно было объяснять и прогнозировать, опираясь только на либеральные теории и идеи. Разворачивался новый этап великодержавной конкуренции, который требовал осмысления и верной стратегической и тактической реакции от США. Откликнулись на реальность мировой ситуации отдельные, надо сказать, немногочисленные американские авторы, а в начале 2020-х годов интересные наработки появились у двух ведущих «мозговых центров» – РЭНД корпорейшн и Центра стратегических и международных исследований [Mearsheimer 2018]. Аналитики уделили основное внимание всё-таки великодержавной конкуренции, то есть соперничеству глобального уровня, но при этом не оставили без должного внимания и сделали акцент на политике в отношении стран среднего уровня.

Задолго до этого обращали внимание на важность средних и малых стран отечественные политологи. В частности, А.Д. Богатуров рассмотрел взаимодействие лидера и субъектов пространства следующим образом, что очень верно характеризует в том числе современное состояние, хотя писалось почти 25 лет назад: «...в его основе не столько ослабление лидеров, сколько консолидация пространства и, как следствие, неспособность лидеров сохранять традиционный тип мобилизационного контроля над ним». Указывая на усложнение международной среды, в которой приходится действовать современным державам, политолог отмечал, что эффективность «импульсов, исходящих от ведущих держав (полюсов), зависит не только от силы и направленности импульсов (действий), но и от того, как эти импульсы преломляются региональной средой». Плотная, активная среда, какой она видится в XXI веке, – это «пространство, которое может играть корректирующую роль, приобретая черты субъектности» [Богатуров 1997: 64–65].

Именно усложнение международной среды, приобретение ею субъектности, осознание странами среднего уровня и малыми странами своей новой акторности и важности на современном этапе формирования основ мирового порядка и разворачивающейся конкуренции между США, Китаем и Россией, заставили американских экспертов переосмыслить формат политики Соединённых Штатов. Это было необходимо для управления этой новой средой, чтобы она работала на интересы Вашингтона, чтобы ни России, ни КНР не удалось закрепить за собой макрорегиональные пространства и установить над ними мобилизационный контроль⁵.

⁴ О «концепции внезапности» в отношениях с великими державами см.: [Cancian 2021].

⁵ Можно отметить интересные работы молодых отечественных политологов. Подробному анализу феномена держав среднего уровня и их роли в формировании мирового порядка XXI в. посвящена диссертация В.В. Вершининой. В работе, в частности, отмечается, что «система международных отношений формируется не только на основе интересов великих держав, но и с учетом влияния других не менее важных субъектов международных отношений, к числу которых относят державы среднего уровня, способные за счёт различных международно-политических инструментов оказывать системное воздействие на развитие мирового порядка». Обращается внимание на то, что

К середине 2010-х годов чётко оформилась великодержавная конкуренция. Стало ясно, что три крупнейшие державы будут участвовать в этой конкурентной борьбе, ни одна из них не готова отказаться от своего видения мирового порядка и роли в нём. Прямого жёсткого противостояния они стараются избежать, хотя торговая и идеологическая война против КНР и многофакторная война против России были начаты Соединёнными Штатами при администрации Б. Обамы (большой акцент на России) и усилены при администрации Д. Трампа (смещение акцента на КНР). Дж. Байден хочет смягчить риторику и, не ослабляя деятельности в отношении двух держав, переключить внимание на политико-дипломатические и экономико-институциональные действия в отношении средних и малых стран.

Это означает усиление политики наступательного сдерживания КНР и России, давление на другие страны, привлечение их в лагерь сторонников либерального мирового порядка. Можно охарактеризовать начатую после 2020 г. политику США как политику, направленную на расширение числа своих сторонников, с тем чтобы создать критическую массу западоориентированных стран, не позволив КНР и России иметь опору для реализации своих интересов, то есть лишить их возможности иметь всё большее число союзников и сторонников.

Активизация противодействия двум державам с одновременной активизацией политики в отношении разных стран в разных регионах мира вызвала сомнения у ряда авторитетных американских аналитиков, усмотревших в риторике прогноз на четырёхлетний период острой конфликтности в действиях США. В частности, авторитетный политолог Ч. Зиглер считает, что Вашингтону необходимо ограничить внешнюю политику и либеральный интервенционизм. Известный международник

Ч. Купчан указал на то, что необходимо избегать ненужных интервенций и сократить военные обязательства в периферийных конфликтах, сохраняя присутствие и влияние в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. «Байдено придётся иметь дело с миром, который уже не так охотно готов следовать за США. ... Россия и Китай уже сформировали квазиальянс для того, чтобы сократить влияние Вашингтона. Россия стремится к созданию многополярного мира, в котором действия США будут ограничены, — писал политолог. — Для решения задач, которые провозгласил Байден, ему придётся взаимодействовать с Китаем и другими странами, которые трудно назвать демократическими. Вашингтону придётся иметь дело с Москвой, если он хочет избежать новой ядерной гонки и восстановить суверенитет Украины» [Kurchan 2021].

Отдельные эксперты отмечали, что войны с участием США продолжаются уже в течение последних двадцати лет, что унесло сотни тысяч жизней и затраты США на которые составили более 6,4 трлн долларов [van den Heuvel 2021]. Такая политика, по мнению экспертов, свидетельствует о том, что Дж. Байден и его окружение «застряли в парадигме конфликтности и стратегической конкуренции, что определяло мышление поколений времен холодной войны». Отмечается, что если президент хочет действительно сделать акцент на дипломатии, то это вполне достижимая перспектива, но для этого нужно пойти на реальные шаги, в том числе в отношении с Россией и Китаем. Иначе, отмечают эксперты, обещание дипломатичности обернётся ростом милитаризма в практической деятельности [Kinzer 2021].

Вместе с тем острая конкуренция остаётся очень привлекательной для многих (можно сказать, большинства) американских экспертов. Так, известный экономист

динамичные процессы регионализма и регионализации, а также формирование международной субъектности регионов и различного рода региональных интеграционных объединений ещё больше способствовали появлению на международной арене новых активных участников международных отношений, не относящихся ни к категории великих держав, ни к группе малых стран [Вершинина 2021: 45–97, 193–200].

А. Аслунд и его коллеги из Атлантического совета рекомендовали президенту активизировать действия в отношении Украины, проводить активную дипломатию в Донбассе, усилить военную помощь Украине и ежегодно выделять на это 500 млн долларов, углубить интеграцию Украины в НАТО, остановить строительство Северного потока-2, продолжить санкции в отношении России, придав им стратегическое значение, обеспечить безопасность в регионе Чёрного моря и в Юго-Восточной Европе. Позиция непримиримая, борьба до полной победы – именно так была сформулирована «доктрина свободы» в конце правления администрации Клинтона, которую её автор М. Макфол и его сторонники с новой силой и энергией вернули в политику США в начале 2020-х годов [Åslund et al. 2021].

В рекомендациях для России предлагается: усилить экономические санкции, что наиболее болезненно для слабой российской экономики; добиваться того, чтобы Европа как можно меньше зависела от поставок российского газа, предлагая иные варианты и транспортные пути, увеличивая долю сжиженного газа; увеличить производство энергоносителей, в том числе возобновляемых источников энергии, поощряя к тому союзников США (ЕС); способствовать эмиграции из России образованной молодёжи и профессионалов высокого уровня, что будет очень полезно для Америки и негативно скажется на России; способствовать ухудшению имиджа России в мире, продолжая информационную кампанию; действовать так, чтобы любые действия России за рубежом были для неё очень затратными, нанося ущерб экономике и политическому режиму; увеличить военную и моральную помощь Украине; проводить меры для ограничения влияния России в Арктике, в Балтийском и Чёрном морях, что потребует от неё новых затрат и пагубно скажется на экономике; вряд ли следует начинать новую ядерную гонку, так как это негативно скажется и на США; нецелесообразно увеличивать военное присутствие США в Европе, в первую очередь

ближе к границам России, так как это приведёт к усилению напряжённости не только в отношениях с Россией, но и усилит разногласия среди членов НАТО [Dobbins et al. 2019].

Больше всего рекомендаций было разработано представителями военных кругов, работающих в разных «мозговых центрах». Они отмечают, что, хотя в СНБ 2017 были выделены два главных оппонента США – Китай и Россия, главное внимание было направлено на КНР, а на российском направлении делалось недостаточно, поэтому администрация Байдена должна кардинально поменять политику в отношении Москвы, сделав именно её приоритетом. Необходимо, указывает, например, отставной генерал Э. Кордесман, максимально открыто говорить об информационных кампаниях России и любых её действиях, подрывающих основы американского государства и демократии в целом, чтобы сформировать общественное мнение в США и других странах в поддержку американской информационной кампании. Он обращает внимание на то, что информационная война может иметь гораздо больший эффект для экономики и политической ситуации в России и Китае, нежели реальная война. Он предлагает серьёзно подорвать действия России и Китая в мире, уделяя особое внимание слабостям их систем [Cordesman 2021b; Sancier 2021].

Новый этап международной деятельности США нацелен на программирование развития стран, как уже находящихся в стане союзников и попутчиков, так и колеблющихся и примыкающих к евразийскому или китайскому проектам, не допустить их успешной реализации. Элемент программирования и управления всегда присутствовал в действиях США, но *современный этап их деятельности характеризуется именно полномасштабно глобальным воздействием, стремлением завершить процесс формирования мирового порядка, определив и зафиксировав место и роль игроков разного уровня, нейтрализовав КНР и Россию и создав условия, при которых появление новых значимых оппонентов станет невозможным*

(своего рода конечность процесса). У правящей американской элиты есть убеждение в том, что будущий статус США в качестве сверхдержавы и глобальное доминирующее положение приняли амбивалентный характер и их необходимо закрепить в новой более сложной международной среде. Сделать процесс необратимым (говоря простым языком – со стороны Соединённых Штатов началась игра ва-банк).

Мощный рост Китая и возрождение России в качестве одной из ведущих мировых держав, несмотря на усилия США и их сторонников в Европе, не устраивают и беспокоят правящую американскую элиту, поэтому ведущие «мозговые центры» уже представили открытую часть стратегии (и надо полагать, есть и закрытая часть), которую администрация Байдена будет реализовывать. Демократы намерены продолжить великодержавную конкурентную борьбу, в которой Китай и Россия остаются главными объектами противодействия. Для достижения желаемого результата демократы формируют максимально широкий фронт из числа союзников США [Biden 2020].

* * *

Необходимо оценить не только ситуацию с действиями Соединённых Штатов, решивших довести до конца реализацию американской модели порядка, но и в целом перспективы реализации идеи либерального мирового порядка. Встаёт вопрос: а возможно ли строительство мирового порядка, предлагаемого и создаваемого Америкой на основе американских ценностей и институтов? С практической точки зрения глобальная программирующая политика даже такой мощной державы,

как США, вряд ли осуществима, так как мир слишком сложен и велик, усиливается тренд политической, экономической и территориальной переконфигурации мира, что вряд ли удастся остановить. Главное внимание уделяется Китаю и России, программированию в первую очередь их будущего, так как после лишения их возможностей оставаться важными конкурентами Америки и препятствиями для достижения ею безальтернативного глобального управляющего статуса, в остальном действовать будет проще (как полагают американские политологи и политики). Предполагается, что дестабилизированные после действий США территории и зависимые, ослабленные страны вряд ли выдвинут новых лидеров-конкурентов.

Конкуренция на современном этапе мирового развития приобретает особенные черты: сложная диверсификация сфер, масштабов, форм конкуренции, технологий и инструментов достижения целей, опасная разбалансировка в сфере безопасности, усложнение внутривнутриполитических состояний и процессов в большинстве ведущих страновых игроков, проблемы в деятельности ряда международных и региональных институтов; вторжение разных игроков в глобальные пространства и регионы, которые исторически оставались сферами преобладающего влияния отдельных игроков или групп стран, – всё это делает не только конкуренцию поистине глобальной, но и глобальной по её возможным результатам. Упорядочение так называемой «новой конкуренции» вряд ли возможно в обозримой перспективе, так как пока не просматривается перспектив достижения консенсуса и взаимоприемлемого баланса в действиях игроков разного типа и статуса.

Список литературы

- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. 352 с.
- Вершинина В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама): Дисс. ... канд. полит. наук (на правах рукописи). М.: МГИМО, 2021. 247 с.
- Волф М. Огонь и ярость. В Белом доме Трампа / Пер. с англ. М.: ЛитРес, 2018. 430 с.

- Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. 3-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2021. 536 с.
- Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментальный международно-политической конкуренции / Под ред. И.А. Истомина, Н.Ю. Силаева, А.А. Сушенцова. М.: МГИМО-Университет, 2021. 371 с.
- Сударев В.П. Латинская Америка. Новые геополитические вызовы. М.: МГИМО-Университет, 2015. 292 с.
- Сударев В.П. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США – Китай – Европейский Союз. М.: МГИМО-Университет, 2019. 136 с.
- Троицкий М.А. Трансатлантический союз. 1991–2004. Трансформация системы американско-европейского партнёрства после распада bipolarности. М.: ИОФМО, 2004. 252 с.
- Троицкий М.А. Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 86–103.
- Феномен Трампа / Под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН РАН, 2020. 642 с.
- Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка». Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. Т. 17. № 4. 2019а. С. 36–48.
- Шаклеина Т.А. Политическая ситуация в Вашингтоне. Последствия для мирового порядка и России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Выпуск 1 (834). 2019b. С. 95–108.
- Anderson C. White Rage. The Unspoken Truth of Our Racial Divide. N.Y.: Bloomsbury, 2017. 288 p.
- Aslund A., Fried D., Haring M., Herbst J. E., Taylor W. B., Vershbow A. Biden and Ukraine: A strategy for the new administration. Russia Analytical Report. March 1-8, 2021. URL: <https://www.russiamatters.org/news/russia-analytical-report/russia-analytical-report-march-1-8-2021> (дата обращения: 09.09.2021).
- Bacevich A.J. Twilight of the American Century. Notre Dame (Indiana): University of Notre Dame Press, 2018. 493 p.
- Biden Jr.J.R. Why America Must Lead Again: Rescuing US Foreign Policy after Trump // Foreign Affairs. 2020. Vol. 99. No. 2. P. 64–76.
- Cancian M.F. Inflicting Surprise. Gaining Competitive Advantage in Great Power Conflicts. Center for Strategic and International Studies. January 29, 2021. URL: <https://www.csis.org/analysis/inflicting-surprise-gaining-competitive-advantage-great-power-conflicts> (дата обращения: 09.09.2021).
- Cordesman A.H. The Biden Transition and Reshaping U.S. Strategy: Replacing “Burden Sharing” with Meaningful Force Planning. Center for Strategic and International Studies. January 11, 2021a. URL: <https://www.csis.org/analysis/biden-transition-and-reshaping-us-strategy-replacing-burden-sharing-meaningful-force> (дата обращения: 09.09.2021).
- Cordesman A.H. The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. Center for Strategic and International Studies. January 6, 2021b. URL: <https://www.csis.org/analysis/biden-transition-and-us-competition-with-china-and-russia> (дата обращения: 09.09.2021).
- Deneen P.J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p.
- Dionne E.J., Jr., Ornstein N.J., Mann Th.E. One Nation after Trump. A Guide for the Perplexed, the Disillusioned, the Desperate, and the Not-Yet Deported. N.Y.: St. Martin’s Press, 2017. 344 p.
- Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F. E., Shatz H. J., Williams B. Extending Russia. Competing from Advantageous Ground. RAND corporation, 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 09.09.2021).
- Drezner D.W. The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas. N.Y.: Oxford University Press, 2017. 360 p.
- Friedman G. The Next 100 years. A Forecast for the 21st Century. N.Y.: Doubleday, 2009. 273 p.
- Kinzer S. Biden promises diplomacy but offers more militarism. Russia Analytical Report. March 1–8, 2021. URL: <https://www.russiamatters.org/news/russia-analytical-report/russia-analytical-report-march-1-8-2021> (дата обращения: 09.09.2021).
- Kupchan Ch. Renewal at Home Requires Restraint Abroad. Russia Analytical Report, March 1–8, 2021. URL: <https://www.russiamatters.org/news/russia-analytical-report/russia-analytical-report-march-1-8-2021> (дата обращения: 09.09.2021).
- Mandelbaum M. The Case for Goliath. How America Acts as the World’s Government in the 21st Century. N.Y.: PublicAffairs, 2005. 274 p.
- Mandelbaum M. The Frugal Superpower. America’s Global Leadership in a Cash-Strapped Era. N.Y.: PublicAffairs, 2010. 224 p.

- Mann J.* The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. N.Y.: Penguin Books, 2012. 392 p.
- Mathews J.T.* Present at the Re-creation? U.S. Foreign Policy Must Be Remade, Not Restored // Foreign Affairs. 2021. Vol. 100. No. 2. P. 10–17.
- Mearsheimer J.J.* The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. New Haven: Yale University Press, 2018. 313 p.
- Reich S., Lebow N.R.* Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System. Princeton: Princeton University Press, 2014. 208 p.
- Sicherman H.* The Revenge of Geopolitics // Orbis. 1997. Vol. 41. No. 1. P. 7–13.
- van den Heuvel K.* Biden ran an ending forever wars. He's already undermining that promise. Russia Analytical Report, March 1-8, 2021. URL: <https://www.russiamatters.org/news/russia-analytical-report/russia-analytical-report-march-1-8-2021> (дата обращения: 09.09.2021).

NEW STAGE IN THE GLOBAL ORDER FORMATION

US PLANS ON MANAGEMENT OF GREAT POWER RIVALRIES

TATIANA SHAKLEINA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

After short slowdown of the US offensive liberal world order formation strategy during the Trump administration, President Biden declared that democrats would pursue offensive strategy of establishing liberal world order. J. Biden's declarations and recommendations prepared by most prestigious think tanks testify to the fact that the United States are ready to start a new decisive great power competition to achieve and consolidate predominance and omnipower status, to stake everything to achieve irreversible results and overplay China and Russia. To fulfill this ambitious task, democrats suggest policy that combines military and diplomatic instruments.

The hypothesis is the following: great power competition is not a new phenomenon in world politics, however contemporary stage of international development can be defined as “new multilevel governable competition” when the United States will try to determine/program world development, development and policies of various countries and organizations. One of the important characteristics of contemporary period is not only new quality and greater scale of competition between three great powers. It is also new quality and density of international milieu: medium range and small countries have got more important status and use new conditions for getting privileges maneuvering among US, China, Russia and some other influential players. The primary aim of the American programming strategy is to restrict as much as possible maneuvering space for China and Russia, preventing formation of “Eurasian center”, to influence the choice of other countries in favor of the West/US. The international situation seems to be rather favorable for the United States, but the danger of overexertion and overextension in fulfilling ambitious task of global offensive and programming governance remains. The “nerve” of the present situation is whether Russia and China can stand against American policy, neutralize its effect. It is not quite clear how other growing powers and medium range countries will act. Coming decades will be decisive for the formation of contemporary world order.

Keywords:

world order; governable competition; great powers; US; Russia; China; Biden administration.

References

- Anderson C. (2017). *White Rage. The Unspoken Truth of Our Racial Divide*. N.Y.: Bloomsbury. 288 p.
- Åslund A., Fried D., Haring M., Herbst J. E., Taylor W. B., Vershbow A. (2021). *Biden and Ukraine: A strategy for the new administration*. Russia Analytical Report. URL: <https://www.russiamatters.org/news/russia-analytical-report/russia-analytical-report-march-1-8-2021> (accessed: 09.09.2021).
- Bacevich A.J. (2018). *Twilight of the American Century*. Notre Dame (Indiana): University of Notre Dame Press. 493 p.
- Bogaturov A.D. (1997). *Velikiye derzhavi na Tikhom okeane. Istorija i teorija mezhdunarodnikh otnosheniy v Vostochnoy Azii (1945–1995)* [Great Powers in Asia-Pacific Region. History of International Relations in Eastern Asia (1945–1995)]. Moscow: Konvert – MONF. 352 p.
- Biden Jr. J. R. (2020). Why America Must Lead Again: Rescuing US Foreign Policy after Trump. *Foreign Affairs*. Vol. 99. No. 2. P. 64–76.
- Cancian M.F. (2021). *Inflicting Surprise. Gaining Competitive Advantage in Great Power Conflicts*. Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/inflicting-surprise-gaining-competitive-advantage-great-power-conflicts> (accessed: 09.09.2021).
- Cordesman A.H. (2021a). *The Biden Transition and Reshaping U.S. Strategy: Replacing “Burden Sharing” with Meaningful Force Planning*. Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/biden-transition-and-reshaping-us-strategy-replacing-burden-sharing-meaningful-force> (accessed: 09.09.2021).
- Cordesman A.H. (2021b). *The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy*. Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/biden-transition-and-us-competition-with-china-and-russia> (accessed: 09.09.2021).
- Deneen P.J. (2018) *Why Liberalism Failed*. New Haven: Yale University Press. 225 p.
- Dionne E.J., Jr., Ornstein N.J., Mann Th.E. (2017). *One Nation after Trump. A Guide for the Perplexed, the Disillusioned, the Desperate, and the Not-Yet Departed*. N.Y.: St. Martin’s Press. 344 p.
- Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F. E., Shatz H. J., Williams B. (2019). *Extending Russia. Competing from Advantageous Ground*. RAND corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (accessed: 09.09.2021).
- Drezner D.W. (2017). *The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas*. N.Y.: Oxford University Press. 360 p.
- Friedman G. (2009). *The Next 100 years. A Forecast for the 21st Century*. N.Y.: Doubleday. 273 p.
- Istomin I., Silaev N., Sushentsov A. (eds.) (2021). *Strategii soyuznichestva v sovremennom mire: voenno-diplomaticheskiy instrumentariy mezhdunarodno-politicheskoy konkurentsii* [Alliance Strategies in Contemporary World: Military-Diplomatic Instruments of International-Political Competition]. Moscow: MGIMO-University. 371 p.
- Kinzer S. (2021). *Biden promises diplomacy but offers more militarism*. Russia Analytical Report. URL: <https://www.russiamatters.org/news/russia-analytical-report/russia-analytical-report-march-1-8-2021> (accessed: 09.09.2021).
- Kupchan Ch. (2021). *Renewal at Home Requires Restraint Abroad*. *Russia Analytical Report*. URL: <https://www.russiamatters.org/news/russia-analytical-report/russia-analytical-report-march-1-8-2021> (accessed: 09.09.2021).
- Kuznetsov V.A. (ed.) (2020). *Trump Phenomenon*. Moscow: INION RAS. 642 p.
- Mandelbaum M. (2005). *The Case for Goliath. How America Acts as the World’s Government in the 21st Century*. N.Y.: PublicAffairs. 274 p.
- Mandelbaum M. (2010). *The Frugal Superpower. America’s Global Leadership in a Cash-Strapped Era*. N.Y.: PublicAffairs. 224 p.
- Mann J. (2012). *The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power*. N.Y.: Penguin Books. 392 p.
- Mathews J.T. (2021). Present at the Re-creation? U.S. Foreign Policy Must Be Remade, Not Restored. *Foreign Affairs*. Vol. 100. No. 2. P. 10–17.
- Mearsheimer J.J. (2018). *The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press. 313 p.
- Reich S., Lebow N.R. (2014). *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press. 208 p.
- Shakleina T. (2019a). Political situation in Washington. Outcome for world order and Russia. *Vestnik MGLU. Obschestvennyye nauki*. 2019a. No. 1 (834). P. 95–108.
- Shakleina T. (2019b). “The US dilemma” in the formation of contemporary world order. Outcome of American policy and formation of “Eurasian center”. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 4. P. 36–48.

- Shakleina T., Baykov A. (eds.) (2021). *Megatrendy. Osnovniye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke* [Megatrends. World Order Evolution in the 21st Century]. 3d edition. Moscow: Aspekt Press. 536 p.
- Sicherman H. (1997). The Revenge of Geopolitics. *Orbis*. Vol. 41. No. 1. P. 7–13.
- Sudarev V. P. (2015). *Latinskaya Amerika. Novie geopoliticheskiye vizovi* [Latin America. New Geopolitical Challenges]. Moscow: MGIMO-University. 292 p.
- Sudarev V.P. (2019). *Latinskaya Amerika v geopoliticheskom treugolnike SSHA – Kitai – ES* [Latin America in geopolitical triangle US – China – EU]. Moscow: MGIMO-University. 136 p.
- Troitskiy M.A. (2004). *Transatlanticheskiy soyuz. 1991-2004. Transformatsia sistemi amerikano-evropeiskogo partnerstva posle raspada bipoliarnosti* [Transatlantic Alliance. 1991–2004. Transformation of American-European partnership after the end of bipolarity]. Moscow: NOFMO. 252 p.
- Troitskiy M.A. (2002). Kontseptsiya “programmiruschego liderstva” v evroatlanticheskoy strategii SSHA [Conception of “Programming Leadership” in the Euro-Atlantic Strategy of the United States]. *Pro et Contra*. Vol. 7. No. 4. P. 86–103.
- van den Heuvel K. (2021). *Biden ran on ending forever wars. He's already undermining that promise*. Russia Analytical Report. URL: <https://www.russiamatters.org/news/russia-analytical-report/russia-analytical-report-march-1-8-2021> (accessed: 09.09.2021).
- Vershinina V.V. (2021). *Regional'nye inteegratsionnye gruppirovki vo vneshnej politike derzhav srednego urovnya (na primere V'etnama)*. *Dissertatsiya na soiskanie uchjonnoj stepeni kandidata politicheskikh nauk* [Regional Integration Groupings in the Foreign Policy of Middle Powers (the Case of Vietnam). PhD in Political Science thesis]. Moscow: MGIMO. 247 p.
- Wolff M. (2018). *Ogon i Yarost. V Belom Dome Trampa. Per. s angl.* [Fire and Fury: Inside the Trump White House]. Moscow: LitRes. 430 p.

СИРИЙСКИЕ КУРДЫ КАК ПРОТОГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ

ОТ ПОВСТАНЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ КОНФЕДЕРАЛИЗМУ

КИРИЛЛ ВЕРТЯЕВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Резюме

Автономная администрация Северо-Восточной Сирии (ААСВС), несмотря на свой непризнанный статус, выступает одним из ключевых игроков в сирийском урегулировании. В то же время она стала политическим заложником ситуации, сложившейся в Сирии в результате гражданской войны, которая характеризуется активным вовлечением во внутрисирийский конфликт внешних политических игроков, доноров и арбитров. Статья сфокусирована на теоретическом концепте протогосударственности в рамках леволибертарианской идеологической программы, реализуемой партией «Демократический союз», в связке с силами самообороны, установившей практически единоличный контроль в самопровозглашённой автономии. В статье выдвигается тезис о характеристиках протогосударственности Сирийского Курдистана, изначально реализованного в рамках концепта «повстанческого государства», но стремящегося к легитимации в форме автономии на принципах пропагандируемого Демократическим союзом «демократического конфедерализма» в рамках Сирии как государства анклавно-конгломератного типа. В статье дан анализ политической системы Сирийского Курдистана (Рожава, Сирийский Курдистан, Федерация Северо-Восточной Сирии, Автономная Администрация Северо-Восточной Сирии) с учётом того, что курдские силы самообороны включают в себя представителей некоторых других этнических групп, когда вкуче с политической структурой территория приобретает протогосударственные характеристики, а сами протогосударственные игроки выходят за рамки определения «сирийского крыла» запрещённой в Турции Партии рабочих Курдистана. Сделан вывод о хрупкости такой политической структуры ввиду наличия легко разжигаемых межэтнических противоречий между курдами и арабами в регионе. Между тем сирийские курды, руководствуясь идеей лидера ПРК Абдуллы Оджалана о том, что для получения международного признания национальное государство не обязательно, пытаются создать политическую структуру, в которой была бы стёрта грань между сепаратизмом и местным самоуправлением.

Ключевые слова:

Сирийский Курдистан; Рожава; демократический конфедерализм; Федерация Северо-Восточной Сирии; Автономная Администрация Северо-Восточной Сирии; протогосударство; YPG.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2020

Дата принятия к публикации: 04.08.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: kitezh@mail.ru

В аналитической и публицистической литературе в отношении Автономной Администрации Северо-Восточной Сирии (ААСВС) часто используется термин «Рожава» (на курдском «Запад», «Западный Курдистан»¹). Речь идёт о следующих территориях: северные части сирийского Заевфратья, самопровозглашённые кантоны Джизре и Кобани, оккупированный (на момент написания статьи) Турцией регион Африн, а также приграничный прямоугольник Тель-Абьяд – Рас эль-Айн, или Серекане. Значительная часть курдов, проживающих в курдских анклавах города Алеппо, также считают себя частью Рожавы. Политическое устройство Рожавы можно охарактеризовать как реализуемый на практике концепт альтернативной государственности (и даже «антигосударственности»), построенный на леволибертарианских принципах осуществления власти «снизу вверх», а также контроля над природными ресурсами в рамках формирующегося протогосударства [Steiner 2009: 1–8]. Научный интерес к этому политическому феномену обусловлен возможным влиянием самого факта существования Рожавы (на момент написания статьи – ААСВС) и имплементируемой там социально-политической модели на дальнейшее обустройство Сирии и баланс политических сил как в самой стране, так и в регионе в целом. Понимание причин и механизмов формирования протогосударственности на северо-востоке Сирии необходимо и с точки зрения прогнозирования развития взаимосвязей и конфликтов между сирийским центром и курдской периферией, и как своеобразное лекало возникновения в современных обществах протогосударств, имеющих свою специфику, отличающую их от традиционных и де-факто обладающих суверенитетом политических образований дотогосударственного типа.

Интерес обусловлен также существующим научным консенсусом по поводу того, что в современном мире феномен протогосударственности объективно присутствует в различных обществах и на различных стадиях становления. Под понятием «протогосударство» обычно подразумевают политический субъект, который не представляет собой полностью институционализованный и/или суверенное государство [Szekely 2016]. В свою очередь, под государством понимают «юридически оформленную и институционально организованную деятельность по осуществлению полномочий верховной власти, направленную на удовлетворение таких потребностей членов общества, которые не могут быть в полной мере удовлетворены ими самими в порядке частной инициативы» [Любашиц, Разуваев 2018: 52]. В данном определении отчётливо видна опора на коммунизм как признак государственности. Феномен может быть рассмотрен также в рамках теории государственной состоятельности. В последнем случае государство должно обладать организационными возможностями для мобилизации ресурсов (в том числе военных), поддержания внутреннего порядка, инструментами регулирующего вмешательства в экономическую и социальную сферы [Bartolini 2005]. В общетеоретическом плане в отношении Рожавы актуален вопрос и о том, является ли вообще данная полития (так же, как, например, древние Афины или Римский цивитас) протогосударством, или она представляет собой особый тип безгосударственных сообществ?

Генеалогический подход к изучению баланса сил, практик и стратегий, реализуемых как в Рожаве, так и на всём курдском политическом пространстве Ближнего Востока (главными характеристиками которого можно назвать внутреннюю конфликтность и слабую институционализиро-

¹ В курдских регионах Ближнего Востока чаще говорят «Западный Курдистан», хотя географически Рожава – это скорее юго-запад Курдистана. Корректнее было бы использовать термин «Сирийский Курдистан», однако под контролем самопровозглашённой автономии, границы которой проходят практически вдоль всей реки Евфрат, находятся и территории расселения арабских племён. Поэтому использование термина «Заевфратье» представляется наиболее уместным.

ванность), выглядит здесь предпочтительным. В рамках теории структуризации Э. Гидденса к подобным политиям применим подход как к «институциональным кластерам», в рамках которого социологи и политологи интерпретируют социальный мир, уже интерпретированный самими агентами, населяющими его [Гидденс 2005]. Выделение агентов подобного кластера входит в число задач настоящей статьи. Насколько Рожавя (Сирийский Курдистан или, в географически более широком смысле, ААСВС) может быть позиционирована в рамках теоретических характеристик протогосударственности? На такую идентификацию оказывают влияние процессы глобализации, участие внешних игроков в сирийском урегулировании, их донорская помощь, отношения с Дамаском в самом широком смысле, а также вариативность теоретических подходов к определению государственности и её практическая реализация в современном мире.

Феномен Рожавы: варианты научной интерпретации

Феномен Рожавы остаётся малоизученным, за исключением объёмного полевого исследования Т. Шмидингера, содержащего подробный анализ структуры и способов осуществления власти в этом образовании [Schmidinger 2018]. Он также затрагивается в публикации С. Хатахета «Политэкономия Автономной администрации Северной и Восточной Сирии»². Значительную часть трудов о Рожаве составляют описательные работы, основанные на полевых исследованиях, наблюдениях, интервью с местными функционерами и представителями различных политических сил. Часть аналитики политически ангажирована, ориентирована на запросы внешних игроков (США, Турции, России, Ирана). Особый интерес для понимания структуры власти в Рожаве представляют материалы о нару-

шениях прав человека в этом регионе, собранные международной организацией *Human Rights Watch*³. При этом осмысление природы Рожавы как политического феномена невозможно без изучения работ функционеров и руководителей Партии рабочих Курдистана (ПРК), чья политическая философия и легла в основу общественно-политической коммунальной модели «безгосударственности» [Флах, Айбога, Кнапп 2016: 14–24; Öcalan 2011; 2014].

Как отмечают отечественные исследователи, в политической теории до сих пор встречается ошибочный взгляд, сторонники которого рассматривают любые негосударственные формы политических образований как догосударственные, полагая, что в процессе развития они неизбежно преобразуются в государства. Этот подход исходит из презумпции, что самое неразвитое государство сложнее любого негосударственного общества, а политические отношения возникают только с появлением государства [Гринин, Коротаев 2009: 429–469]. Как отмечал Л.С. Васильев, подобные теории не смогли объяснить, откуда и за счёт чего возникали те крупные организационные структуры, без которых невозможно было вести успешные войны, приводившие к расширению территорий государств [Васильев 1983: 33–34]. Параллельно с международно признанными государствами существуют политии, которые по уровню развития нельзя отнести к догосударственному типу. Можно сделать вывод, что протогосударства – это сложные политические организации с признаками государства, которые необязательно со временем станут полноценным государством.

В контексте расстановки и баланса политических сил на Ближнем и Среднем Востоке представляет интерес анализ политической природы Рожавы как воплощения модели повстанческого государства [McColl 1969]. Повстанческое государство

² Hatahet S. The Political Economy of the Autonomous Administration of North and East Syria. European University Institute. 2019. URL: <https://op.europa.eu/s/prKS> (дата обращения: 12.07.2021).

³ <https://www.hrw.org/report/2014/06/19/under-kurdish-rule/abuses-pyd-run-enclaves-syria> (дата обращения: 19.07.2021).

МакКола обладает признаками протогосударственности, причём подобные политические образования нередко образуются в результате антиконституционного захвата территорий повстанческими группами, которые берут на себя функции местного самоуправления (к примеру, Хайат Тахрир аш-Шам, запрещённая на территории Российской Федерации), квазиправительства (ХАМАС) и даже претендуют на собственное государственное строительство (как «Исламское Государство», запрещённое на территории Российской Федерации). Такие политические образования опираются на компактно проживающие и политически мобилизованные этнические и религиозные группы. В большинстве своём эти протогосударства, основанные на этническом или ином партикуляризме, недолговечны: Тамил-Илам на Шри-Ланке (1983–2009), государство туарегов Азавад в Мали (2012–2013) и др.

Перечисленные случаи дают примеры политических субъектов, основанных на этническом или ином партикуляризме, представляющем атавистический отголосок национально-освободительных движений, чьё победоносное шествие по миру в XIX – XX веках легитимизировало сложившиеся протогосударства с историческим опытом квазигосударственности (например, Уругвай начала XIX века, Зимбабве – Родезия). Нынешние «силы народной / национальной самообороны» на Ближнем Востоке стремительно обретают характеристики протогосударственных субъектов, чьи действия ведут к возникновению новых квазигосударств⁴. Они не столько стремятся к обретению статуса международно

признанных, самостоятельных государств, сколько добиваются принятия в качестве обладающих той или иной степенью автономии «суверенных анклавов». Такая модель оказывается востребованной в странах анклавно-конгломератного типа, какой и представляется в настоящее время Сирия. В такого рода обществах отдельные группы оказываются способны противодействовать унифицирующему влиянию среды благодаря высокому уровню организованности [Богатуров, Виноградов 2002: 9]. Анклавы образованы этническими (культурно-лингвистическими или конфессиональными) группами с высокой внутренней мобилизационной идентичностью, отвергающие легитимность правящего режима. Они формируют пространство, в рамках которого группа может жить по своим законам и социальным нормам [Szekely 2016: 77].

Согласно марксистской трактовке, протогосударство формируется саморазвитием общественной организации, часто принимающей форму военной демократии. Военная демократия – это горизонтальная политическая структура, в которой существуют три не подчинённых друг другу органа управления: предводитель, совет, народное собрание. В научной литературе военная демократия нередко противопоставляется социально-политической структуре протогосударства, именуемой вождеством (чифдом) [Васильев 1980: 157–175]. Развивая идеи Карнейро [Carneiro 1981: 37–79], Л.С. Васильев писал: «Чифдом (от английского chief – вождь) – это промежуточный этап в процессе политической интеграции от догосударственных форм к государству

⁴ Здесь нужно оговориться о наличии разночтений в самих определениях протогосударственности и квазигосударственности – во всяком случае, в русскоязычной литературе. Несмотря на то что приставка «квази» означает «псевдо», в англоязычной и русскоязычной трактовках существуют разночтения этого термина (англ: «proto-state»). В силу ряда исторических традиций в русскоязычной литературе приставка «квази» имела (и до сих пор иногда имеет) уничижительные коннотации, коренящиеся, скорее всего, ещё в традиции времён СССР, когда под этим термином подразумевались не имеющие как сущностного (т.е. выраженного национального), так и политического обоснования псевдогосударственные образования, искусственно создаваемые явными или мнимыми геополитическими противниками, носителями иной национальной либо классовой идеологии (например, непризнание со стороны СССР и США африканской Родезии («квазигосударства»)). См. подробнее: [Лукичев, Скорик 1994: 132].

и потому является универсальным феноменом, известным и земледельцам, иномадам (которые дальше этого этапа и не шли), что характерно как для древних, так и для современных народов» [Васильев 1983: 32].

В вождествах (и здесь ярким примером может служить Иракский Курдистан, а точнее — пример двух составляющих его политико-территориальных элементов, объединившихся вокруг кланов Барзани и Талабани, также имеющих протогосударственные характеристики), определён просматривается иерархия поселений, их централизация, ярко выражена стратификация общества, развита характерная для протогосударства внутренняя структура власти и становится отчётливым расслоение элит на управленческую и военную. В вождествах также присутствует тенденция к сакрализации персоны верховного правителя, тогда как при военной демократии может иметь место выражение несогласия с решениями и действиями предводителя. В Сирийском Курдистане под контролем аффилированных с Партией рабочих Курдистана сил присутствует именно этот элемент классического вождества — сакрализация Абдуллы Оджалана, лидера и основателя ПРК, который с 1999 г. находится в турецкой тюрьме. При этом элемент возвышения, исключительности своей собственной фигуры присутствует и в самих работах Оджалана [Оджалан 2014: 15–17].

Действительно, на Востоке протогосударства нередко поддерживались за счёт харизмы и авторитета лидера, но они быстро теряли свой мобилизационный потенциал в случае устранения или смерти вождя. Уместно вспомнить самопровозглашённое в условиях гражданской войны Свободное государство Ливан (1979–1984), прекратившее де-факто существование после смерти своего руководителя — христианина-маронита Саада Хаддада. В курдской истории примерами вождеств могут послужить и кочевая конфедерация милли нача-

ла XX века, и королевство Курдистан со столицей в Сулеймании (1922–1924), и Мехабадская Республика (1946). Возникновение и постепенная суверенизация протогосударств, то есть их превращение в национальные либо конгломератные, комплексные образования, зависят от степени различных обстоятельств.

По мнению российского исследователя Т.В. Кашаниной, необходимое условие протогосударственности состоит в возможности производства массы продукта, не только достаточной для удовлетворения собственных потребностей, но и оставляющей излишки для обмена с внешней средой [Кашанина 2004: 44–45]. Рожава располагает соответствующей материальной базой: на севере и востоке Сирии сосредоточены значительные посевы пшеницы, других культур, то есть это «житница» всей страны. На северо-востоке и юге автономии, в районе Дейр-эз-Зора (Хашам, Ат-Табия), находятся крупнейшие (в масштабах небогатой углеводородами Сирии) запасы нефти. Все эти ресурсы на начало 2020-х годов находились под контролем Союза демократических сил (СДС) и США. На продажу нефти приходится около 60% доходов автономии, при том что её транспортировка осуществляется различными путями, в том числе через территории, подконтрольные Дамаску⁵.

В контексте трактовки протогосударственности используются различные категории, объясняющие политическую природу такого политического образования. В случае Рожавы преимущественно доиндустриальный характер хозяйственной жизни консервирует общество на стадии протогосударственности, а в исторической памяти курдов сохраняется образ самостоятельного социального организма с признаками политического суверенитета. К Рожаве (или к Сирийскому Курдистану) вряд ли применимы категории «региона оспариваемой государственности» (contes-

⁵ В апреле 2021 г. администрация автономии направила 200 нефтевозов на нефтеперерабатывающий завод в Хомсе. См. подробнее: North East Syria: The Good, the bad and the Oil. 2021. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/north-east-syria-the-good-the-bad-the-oil/>

ted statehood), характерной, например, для ситуации с Косово [Weller 2009: 8], поскольку самопровозглашённая автономия не оспаривает на данный момент территориальную целостность Сирии: это скорее «регион неполного управления» (incomplete governance), где сирийское государство выполняет только часть своих функций, либо «регион переданного управления» (abdicated governance), где государство оставляет часть своих обязательств местным группам и элитам (как, например, в Иракском Курдистане или в некоторых приграничных районах Саудовской Аравии)⁶. Здесь также допустим термин «параллельная государственность», что, по сути, и означает превращение Сирии в конгломеративное общество.

Негосударственный субъект, изначально сформировавшийся на почве этноконфессионального партикуляризма, нередко представлен парой связанных институтов: силами самообороны и политической организацией. Такие структуры определяются как «несуверенные единицы, которые обладают существенной экономической, политической или социальной силой и влиянием на национальном, а в ряде случаев на международном уровне» [Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте 2018: 301]. Несмотря на политические разногласия, они могут взаимодействовать с центральным правительством, в том числе в рамках консociональной демократии, участвуя в выборах и даже присутствуя в парламенте, что наглядно видно на примере Хезбаллы в Ливане. Негосударственные субъекты могут выполнять и другие функции, бросая вызов власти и легитимности того государства, в рамках которого они существуют. Это, в частности, военные функции (самообороны, контро-

ля территории), контроля границ, дистрибуции внешней донорской помощи. Чаще всего подобные функции актуализируются в условиях военного времени или гражданской войны. Хотя негосударственные субъекты обладают многими характеристиками государства, им не хватает признания как легитимного правительства, даже если оно не способно управлять территорией, на которую претендует [Mampilly 2011: 112]. Группы, сложившиеся на основе общей идентичности и социальной принадлежности, тяготеют к созданию коалиций для сдерживания общего врага. Такие объединения нередко остаются хрупкими и при первой возможности рассыпаются для создания меньшей, но более сплочённой и эффективной коалиции [Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте 2018: 307].

Устойчивость представляется одним из главных признаков протогосударственности, когда общество в рамках протогосударства приобретает элементы политической централизации и выступает, применительно к Сирии, в форме альтернативного антигосударства, бросающего вызов всевластию государственных элит центрального правительства. Этот процесс позволяет объединить ряд территорий вокруг единого центра, который порой первоначально не имеет политического значения. Притяжение к нему объясняется языковой, религиозной, этнической, даже кровной общностью, сходством образа жизни и обычаев, географической близостью⁷. Между тем в рамках демократического конфедерализма сирийских курдов подобный центр отсутствует ввиду формирования протогосударства, в котором этнически разнородное население консолидируется не только за счёт экспансии или

⁶ См. подробнее: [Попов 2011].

⁷ Лукичев П.Н., Скорик А.П. Квазигосударственность: историко-теоретический концепт, 20 лет спустя. Комментарий к ранее опубликованному концепту. 2013. URL: <https://www.npi-tu.ru/index.php?id=2028> (дата обращения: 10.05.2021).

⁸ Официально реципиентом помощи трёх главных и традиционных доноров (США, ФРГ, Великобритания) выступает Сирия. Указанные страны, отказавшись от сотрудничества с режимом Асада, предоставляют помощь напрямую территориям, контролируемым оппозицией. Сирия получает донорскую помощь от 30 стран [Бартенев 2018: 26].

наличия внешнего врага, но и благодаря донорской помощи со стороны США⁸. Здесь нет ни провинции, ни периферии, поскольку каждая территориальная корпорация, объединившаяся вокруг местных советов, считает себя субъектом союза, самостоятельным в пределах своих границ. Общее политическое пространство сохраняется за счёт военного или иного давления (в контексте Сирийского Курдистана – со стороны ПДС–YPG, как военно-политической организации, претендующей на роль объединяющего центра этого социального образования). Власть в подобных политических образованиях нередко носит харизматический, а в дальнейшем – традиционный (традиционно-легитимированный) характер, когда само соблюдение законности обуславливается традицией⁹.

Если абстрактная общность территории зачастую носит нестабильный характер и сама природа организующих территориальное протогосударство образований не способствует их консолидации, то протогосударственный субъект отличается определённым уровнем консолидации, что во многом характерно как для сирийских курдских сил самообороны (курд. YPG: Yekineyen Parastina Gel), так и для политических сил ААСВС, организованных на принципах демократического конфедерализма (Партия «Демократический союз», ПДС), выступающих в качестве организационно-мобилизующего центра протогосударственного образования, о чём было сказано выше. В сущности, самопровозглашённый полиэтничный конгломерат, пытающийся заменить собой и национальное государство в целом и конкретную политическую систему в частности, является универсальной структурой, к которой можно отнести наднациональные организации, протогосударственные образования, антисистемных игроков надгосударственного и альтернативного государству типа [Наумкин, Кузнецов 2020: 109].

Профессор О. Шекели определяет протогосударственных субъектов как негосударственные организации, которые взяли на себя множество функций государства на данной территории и выстраивают внешние отношения независимо от этого государства, оспаривая его легитимность на данной территории. Государственные функции, на которые они претендуют, включают широкий спектр задач, наиболее очевидной из которых остаётся военная (оборонная), когда «присутствие вооружённого ополчения явно бросает вызов центральному правительству, веберовскому эталону государственного суверенитета, монополии на законное применение силы» [Szekely 2016: 75]. Вооружённые подразделения некоторых протогосударственных субъектов сопоставимы по численности и оснащённости с армиями малых государств или даже превосходят их. Для различения протогосударственных субъектов от обычных местных милиций важно то обстоятельство, что эти образования выполняют и ряд невоенных функций, таких как обслуживание инфраструктуры, предоставление образования, медицинского обслуживания, регулирование дорожного движения [Flanigan 2009: 114]. Они могут иметь эффективную бюрократию и сильный административный потенциал, иногда конкурируя с представителями государства, авторитет которого они стремятся вытеснить, что наглядно видно на примере как Сирийского, так и Иракского Курдистана [Stansfield 2013: 60].

Многие протогосударственные субъекты развивают активную дипломатическую деятельность: к примеру, Организация освобождения Палестины имела представительство в Генеральной Ассамблее ООН. В этом смысле показателен международный вояж бывшего сопредседателя ПДС Салиха Муслима в 2013–2015 годах в поисках потенциальных партнёров для заключения политического альянса. Помимо этого, местные элиты использовали усиление своих связей с Дамаском с целью дав-

⁹ Лукичев П.Н., Скорик А.П. Указ. соч.

ления на внешних игроков в лице США, которые не воспрепятствовали захвату турецкими войсками и их туркоманскими прокси сирийского Африна, входившего в состав Рожавы¹⁰. Протогосударственные субъекты выстраивают внешнюю политику в ответ на региональную динамику (в рассматриваемом случае — определяющуюся негативными последствиями Арабской весны), а также в ответ на требования общественного мнения внутри самого образования. Позиция государства-противника также актуальна для настоящего исследования, ведь для курдской автономии Сирии под контролем ПДС—YPG таковым представляется Турция, но для созданных по инициативе США Демократических сил Сирии, куда входят YPG, Турция противником не является.

Если говорить о других протогосударственных образованиях Ближнего Востока, таких как ХАМАС или Хезбалла, то внешнеполитические решения, которые они приняли в контексте Арабской весны, серии восстаний в арабских странах в 2011 г., не только приведших к смене ряда политических режимов, но и «вызвавших хаотические последствия, спровоцировавшие дебаты об обоснованности существующих государственных границ в свете дезинтеграции по этноконфессиональным, племенным признакам в результате гражданской войны не только в Сирии, но и в Ливии и Йемене» [Kwaten 2020: 235], свидетельствуют о том, что они руководствуются не только императивами борьбы за обеспечение национальных или религиозных прав, но и ищут прагматичные ответы на политическое давление извне. Так, на фоне обострения отношений с Израилем в 2021 г. указанные политические акторы проводят внешнюю политику во многом так же, как и государства.

Исходя из предшествующего анализа протогосударственных образований, при-

менительно к Сирийскому Курдистану по-прежнему актуальной представляется сформулированная Р. МакКоллом в 1969 г. теория повстанческого государства. Апеллируя к радикальности происходящих в Сирийском Курдистане социально-экономических и политических преобразований, включая создание политического восходящего народного управления, предоставления максимальных прав женщинам, многие исследователи наделяют их характеристиками революционности [Жизнь без государства: революция в Курдистане. 2017: 117]. МакКолл же утверждал, что революция стремится к увеличению территорий под своим контролем, в результате чего приобретает «территориальный императив». Он отмечал, что в период «холодной войны» национальные революции приняли в качестве основной тактики создание антигосударства (повстанческого государства), конкурирующего с самим смыслом существования (*raison d'être*) международно признанного государства. Такого рода образование устанавливает контроль над территорией и населением, в частности путём создания собственной армии, оформления территории и административных единиц. В этой связи национальные революции целесообразно рассматривать как процесс становления территориально-политического субъекта на политически враждебной территории. МакКолл рассматривает эти фазы с географической точки зрения, полагая, что «каждый этап представляет собой эволюцию повстанческого государства и его способности увеличить территорию под своим политическим и военным контролем» [McColl 1969: 619].

По схеме традиционных повстанческих групп действовали как восставшие иракские курды в 1960-х годах, так и сторонники Абдуллы Оджалана и Партии рабочих Курдистана на территории Турции с 1984 года,

¹⁰ *Mustafa Gurbuz*. False Hopes? Prospects for Political Inclusion in Rojava and Iraqi Kurdistan. Rice University's Baker Institute for Public Policy. Issue brief. 09.05.18. p. URL: <https://www.bakerinstitute.org/media/files/files/28e92444/bi-brief-090518-cme-carnegie-gurbuz.pdf> (accessed: 05.05.2021).

когда установление контроля над территорией и создание повстанческого государства выдвигались в качестве цели вооружённой борьбы. В частности, в своей работе по иракским курдам Г. Стендсфилд ссылается на работы Мао Цзедуна, где эта стадийная тактика формулировалась через схему «конфликт – паритет – контрнаступление – мобильная война – регулярная война» [Stansfield 2003: 21]. На четвертом съезде Партии рабочих Курдистана, в 1990 году, была сформулирована именно такая этапность вооружённой борьбы против турецкого государства – создание стратегических пунктов на «освобождённой территории» с трансформацией мобильной войны в позиционную [Вертяев 2007: 51]. Последовавшая актуализация курдского фактора в Сирии в результате гражданской войны и фрагментирование здесь курдской протогосударственности привели к перетеканию курдских инсургентов и кадров ПРК из Турции в Сирию, учитывая тесные связи между турецкими и сирийскими курдами, говорящими на одном курдском наречии – курманджи.

Создание повстанческого государства имеет ряд требований и ценностей для национально-освободительного движения. *Во-первых*, это – убежище для её лидеров с целью продолжения борьбы, достижения целей национально-освободительного движения, в том числе с точки зрения людских и материальных ресурсов, создавая ауру легитимности для своих последователей [McCull 1969: 614]. И хотя теоретически целью повстанческого государства является постепенное полное установление контроля над территорией и вытеснение или замена центральной власти, согласно точке зрения МакКолла, современные ему в 1969 г. национально-освободительные движения в качестве основной тактики использовали создание территориального антигосударства (мятежного государства) внутри другого государства. Этот механизм предполагает создание территориальных единиц, конкурирующих со всеми или многими атрибутами любого легитимного государства, а его квазигосударственность,

с точки зрения элит такого политического образования, выражается в контроле над территорией и населением, и в том числе в создании собственных территориальных и административных единиц, а также своей партизанской армии.

С 2012 г. основу повстанческого управления в Рожаве (ААСВС) составляли мобилизованные вокруг ПДС сторонники Партии рабочих Курдистана. Политическая доктрина этого движения с момента его появления в 1978 г. до начала XXI века была ориентирована на создание повстанческого государства – политического образования со всеми атрибутами национального суверенитета («Социалистический Курдистан»), под которым элитам этого политического движения представлялся контроль над территорией и населением, наличие сети опорных баз и административных единиц, а также силовой поддержки в лице партизанской армии [Вертяев 2007: 29]. Отечественный исследователь Р.Ф. Туровский также определяет повстанческие государства как территории, контролируемые вооружёнными противниками правящего режима [Туровский 1999: 216]. В современных условиях повстанческое государство можно рассматривать и как контролирующий территорию политический институт, конкурирующий с атрибутами государственности действующего режима и ассоциированными с ним институтами публичной власти. В случае ПРК таким антагонистом выступала и выступает Турция, на территории которой эта политическая сила зародилась и действовала. В этой связи экстраполированная на Сирийский Курдистан доктрина ПРК приобрела качественно новые характеристики, о которых будет сказано ниже.

Формирование повстанческого государства в Сирийском Курдистане

Началом формирования в Сирийском Курдистане повстанческого государства могут считаться события 18–19 июня 2012 года, когда силы самообороны курдов Сирии (YPG) взяли под свой контроль въезд и выезд из Кобани, а в самом городе

сторонники партии «Демократический союз» (ПДС) заняли государственные учреждения. Армия Сирийской Арабской Республики (САР), вынужденная вести борьбу с вооружённой оппозицией в других регионах страны, покинула северные провинции, населённые курдами на основе договорённостей, достигнутых в ходе переговоров с курдскими представителями [Acun, Keskin 2016: 12]. Она сохранила контроль лишь над аэропортом, вокзалом и контрольно-пропускным пунктом на границе с Турцией в главном городе Камышлы.

В 2012 г. в Эрбиле (Иракский Курдистан) был создан временный орган управления Сирийским Курдистаном – Высший курдский совет (ВКС, Desteya Bilind a Kurd, DBK), сформированный на паритетной основе из членов Народного собрания Западного Курдистана (НСЗК), в котором доминировала ПДС, и членов Курдского национального совета в Сирии, ориентированных в основном на Демократическую партию Иракского Курдистана. При этом между курдскими группами сохранялись серьёзные противоречия по вопросам отношений с центральным правительством в Дамаске, необходимости иностранного вмешательства в сирийский внутренний конфликт и объединения со всей сирийской оппозицией, против чего выступали сторонники ПДС. В ноябре 2013 г. под патронатом ПДС в Сирийском Курдистане была создана зонтичная организация «Движение за демократическое сообщество» (TEV-DEM), целью которой провозглашалось построение политической системы «демократического конфедерализма» [Вертяев 2015: 368].

Политическая легитимность образованных под управлением ПДС местных советов происходила исключительно из доминирования группы определённой идеологической ориентации (экоанархисты и представители других левацких групп), имеющих существенную военно-административную подпитку со стороны ПРК, но состоящих в подавляющем большинстве из представителей ПДС, политических сателлитов ПРК, которые отрицали легитим-

ность своих оппонентов – в основном из числа сторонников клана Барзани из Иракского Курдистана, а также мелких курдских партий Курдского национального совета (КНС) в Сирии.

После самопровозглашения в январе 2014 г. курдская автономия Рожавя включала в себя три курдских кантона, значительную часть пространства между которыми контролировали силы квазигосударства ИГ. К июню 2015 г. в результате вооружённой борьбы сил самообороны (YPG-YPJ (женские батальоны)) против радикальных исламистов кантоны были объединены в единое квазигосударственное образование – Рожавя. Провозглашение автономии состоялось 17 марта 2016 г. под названием Федерация Северной Сирии – Рожавя. В конце 2016 г. автономия стала именоваться Федерацией Северо-Восточной Сирии, уже без уточнения «Рожавя» (курд. «Запад», «Западный Курдистан»), поскольку под контроль демократических вооружённых сил Сирии, костяк которых составляли силы YPG, стали переходить южные территории Заевфратья, населённые в основном арабами.

Под контролем СДС в самопровозглашённой Автономной Администрации Северо-Восточной Сирии оказалась территория, на которой проживало около трёх миллионов человек, включая анклав Шахба к северу от Алеппо и находившийся под совместным контролем YPG и Джабхат аль-Акрад район Шейх-Максуд в центре Алеппо (в конце декабря 2017 г. перешедший под контроль правительственных сил).

Как прокурдская партия в Сирии, ПДС смогла привлечь на свою сторону большое число сторонников ПРК с опытом вооружённой борьбы против сил безопасности и армии Турции. ПДС и её вооружённое крыло YPG приобрели известность благодаря военным победам над боевиками ИГ, одержанным во многом благодаря донорской поддержке, которую они получали сначала от Ирана, а затем – от возглавляемой США международной коалиции. В период 2013–2018 годов Сирийские демократические

силы (СДС), поддерживаемые Соединёнными Штатами, установили контроль над всей территорией сирийского Заевфратья на юге до Дейр-Эз-Зора.

На начало 2020-х годов костяк СДС по-прежнему составляли курдские силы народной самообороны (YPG), формально подчинённые Высшему курдскому совету (ВКС), но фактически аффилированные с Партией «Демократический союз» (ПДС). Граница самопровозглашённой автономии, отделяющая её от остальной территории Сирии и от кантона Кобане, в котором были дислоцированы российские войска, стала де-факто проходить по Евфрату.

Летом 2017 года, в условиях широкомасштабного наступления на ИГ, Россия и США достигли договорённости об установлении реки Евфрат в качестве линии, отделяющей отряды СДС (продвигавшиеся по северо-восточному берегу реки) от территорий, контролируемых сирийской армией и иными правительственными и проправительственными вооружёнными формированиями¹¹. Это привело к формированию здесь де-факто квазигосударства с доминированием сторонников запрещённой в Турции Партии рабочих Курдистана (ПРК). По мнению сторонников турецкой оппозиционной Партии демократии народов (ПДН), вскоре после этого правительство Турции стало оказывать давление на реакционные джихадистские организации, подталкивая их к атакам на формирующиеся центры курдского самоуправления на севере Сирии¹². Это во многом соотносится с угрозами самой концепции «повстанческого государства», создание которого под руководством идеологии ПРК является «красной линией» для национальной безопасности Турции [Acun, Keskin 2017: 7–8].

В частности, первая атака состоялась на город Серекане (Рас аль-Айн) в ноябре 2012 года. Атаки на курдские автономии

со стороны ИГИЛ (с 2014 – ИГ), Аль-Нусры, а также некоторых подразделений Сирийской свободной армии продолжались летом 2013-го. Их целями стали самопровозглашённые автономные субъекты (кантоны) Джазира, Кобани и Африн. В условиях атак на самопровозглашённую автономию в Сирийском Курдистане произошло слияние ПДС и вооружённых формирований курдской самообороны (YPG). Тем не менее из-за внутрикурдских разногласий в ноябре 2013 г. КНС вышел из состава Высшего курдского совета, что привело к прекращению его деятельности вплоть до конца 2020 года, когда между КНС и блоком партий «Курдское национальное единство», объединяющим в основном сторонников ПДС, возобновились переговоры.

Одна из очевидных причин возникновения курдского самоуправления на севере Сирии состоит в том, что представители национального движения курдов Сирии не были приглашены в качестве самостоятельных политических сил к участию в переговорах в Женеве («Женева-2»), предпринятых в попытке внешнего дипломатического урегулирования сирийского конфликта. Суверенизация самопровозглашённых кантонов не устранила некоторой зависимости от Дамаска. Сирийская государственность в Рожаве сохраняла и сохраняет формальное присутствие, что выражается, к примеру, в том, что Дамаск поставляет учебники для школ и продовольствие в обмен на нефть, а также осуществляет ряд формальных представительских функций (в том числе охрану аэропорта в Камышлы, куда выполнялись авиарейсы из Дамаска). Самопровозглашённая автономия имеет собственный штамп на сухопутной границе с Ираком, в котором Федерация Северной Сирии обозначена как часть Республики Сирия (а не Сирий-

¹¹ Макаренко Г., Сидоркова И. Новый виток войны: как победа над ИГ изменила сирийский конфликт // rbc.ru. 15 февраля 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2015/5a83fa169a79476fb19e3029>

¹² Dluç H.K. IŞİD'in Türkiye bağlantıları. www.hdp.org.tr [Электронный ресурс]. URL <https://www.hdp.org.tr/tr/isidin-turkiye-baglantilari/13616>

ской Арабской Республики). Таким образом, мы видим признаки протогосударственности, которые выражаются в атрибутивных признаках, характеризующихся оспариванием государственного устройства без посягательства на сирийскую территориальную целостность.

Политическая структура Рожавы

Партия «Демократический союз» была создана в 2003 г. сирийскими сторонниками ПРК как сирийское отделение Союза сообществ Курдистана (КСК) и до гражданской войны находилась под постоянным давлением и преследованием со стороны баасистских режимов Сирии и Ирака. Одна из политических целей КСК как зонтичной структуры заключается в объединении всей территории компактного проживания курдов на принципах демократического конфедерализма при сохранении существующих государственных границ (то есть без подрыва территориальной целостности Турции, Ирака, Ирана, Сирии). В основе такого подхода лежат взгляды американского эконоанархиста Мюррея Букчина, пропагандиста «по-настоящему новой» политической системы, которая, в отличие от модели национального государства, основана как на физической, так и на институциональной децентрализации власти и воплощает концепции либертарианского муниципализма и конфедерации¹³.

Модель Рожавы «подчёркивает концепцию организации сосуществующих сингулярностей множества в соответствии с моделями саморепрезентации и самоорганизации, в которых институты самоорганизации не ограничиваются культурными и этническими категориями» [Кнарр, Jongerden 2014: 88–90]. Такая организация, в которой чрезвычайно сильны и влиятельны силы самообороны, имеет черты военной демократии, что с точки зрения популярного среди сторонников Рожавы марксизма также считается одним из признаков протого-

сударственности. Политическая система Рожавы представляет собой попытку воплотить в жизнь концепцию «демократической автономии, конфедерализма и демократической республики на небольшой территории» [Флах, Айбога, Кнапп 2016: 101].

По мнению американского исследователя М. Гюнтера, имплементируемые в Рожаве местные советы на практике не имеют полномочий для принятия важных решений. В действительности все рычаги власти находятся в руках руководства ПРК и лично Абдуллы Оджалана, находящегося в турецкой тюрьме [Gunter 2014: 120]. Тем не менее ряд политических решений принимают ключевые командиры, такие как Мазлум Кобани Абди (главнокомандующий вооружёнными силами СДС) и Мурат Карайылан (главнокомандующий силами Народной самообороны – партизанской армии ПРК). Между тем система советов играет важную роль в функционировании власти на местах, в принятии решений, затрагивающих повседневную жизнь жителей автономии [Schmidinger 2018: 221]. Советы занимаются экономическими вопросами, обеспечивают обратную связь на местах и организацию управления, будучи ещё и важным пропагандистским инструментом социальной модели, применяемой ПДС. Реформированию патриархального уклада курдского общества способствует введение на местах женского самоуправления, обеспечение гендерного равенства в исполнительных органах власти и силах самообороны.

Начиная с 2000-х годов в ПРК, с которой идеологически аффилирована ПДС, произошёл стратегический сдвиг в сторону более демократического курса с целью создания на Ближнем Востоке федеральных и конфедеративных образований [Оджалан 2014: 457]. В 2011 г. А. Оджалан писал, что чрезмерный упор на нациестроительство на Ближнем Востоке можно преодолеть с помощью «демократической ав-

¹³ Bookchin M. Libertarian Municipalism: An Overview. 1991 [Электронный ресурс] URL: <http://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-libertarian-municipalism-an-overview> (дата обращения: 11.05.2021).

тономии» [Оджалан 2011: 18–20]. Курдское движение, ассоциированное с ПРК, ослабило акцент на праве на самоопределение через формирование независимого курдского государства, склоняясь к концепции, основанной на самоуправлении, демократической автономии и демократическом конфедерализме.

Основополагающим документом (своеобразной конституцией) самоуправляемых автономных территорий Северо-Восточной Сирии (ААСВС) стал так называемый общественный договор, провозглашающий идеи демократической автономии и демократического конфедерализма краеугольным камнем региональной политической структуры¹⁴. Основным институт, воплощающий в Рожаве демократический конфедерализм, — это Демократическая автономная администрация, которая состоит из законодательного совета (парламент), исполнительного совета (правительство) с министерствами (курд. *deste*, правление) и муниципалитетов (местные органы власти, «народные муниципалитеты»). Радикальные / прямые демократические структуры в Рожаве называются Народным советом Западного Курдистана (Meclisa Gel a Rojava ya Kurdistane, MGRK). Основу восходящей модели «снизу вверх» в рамках демократического конфедерализма составляет коммуна (собрание, состоящее из домашних хозяйств), за которой следуют кварталы — деревни, состоящие из коммун, районных народных советов, координируемых Движением демократического общества (TEV-DEM), состоящим из политических партий, общественных движений и гражданских организаций. В этом, как представляется некоторым исследователям, заложен «проект радикальной демократии для Ближнего Востока, который имеет три главные составляющие: антинационализм, антигосударственность и гендерное освобождение» [Флах, Айбога, Кнапп 2016: 101–102].

Одним из признаков протогосударственности представляется отделение аппарата управления от общества как имманентное свойство политической власти на стадии формирования бюрократического государства. В Рожаве первичной организацией такой коммунальной системы является деревенский совет или совет городского района. Коммуны состоят из нескольких комиссий по 5–19 членов, в ведении которых находятся различные сферы — экономика, оборона и др. Делегаты нескольких коммун формируют районный или деревенский совет, который, по аналогии с коммунами, состоит из нескольких комиссий. Такие районные (деревенские) советы избирают региональные советы, также состоящие из нескольких комиссий. Эти советы избирают Народный совет Западного Курдистана. Все советы имеют двух сопредседателей — мужчину и женщину. В их структуре есть отдельный женский совет [Schmidinger 2018: 219]. Высшим органом власти в автономии выступает Ассамблея демократической Сирии.

Значительная часть сирийских курдов мобилизуется вокруг ПДС и их сил обороны, пытаясь распространить свой социальный эксперимент на весь конгломерат проживающих здесь национальностей. Эта крайне идиосинкразическая для соседней Турции теория демократического конфедерализма, ориентированная на создание автономии сирийских курдов при отрицании идеи национального государства, позволяет местным элитам, поддерживающим требования об автономии в Сирии, утверждать, что курды не представляют реальной угрозы территориальной целостности страны, поскольку они не стремятся к полной независимости от Дамаска.

Необходимость консоциального устройства Рожавы дала о себе знать ещё в 2012 году, когда был сформирован Высший

¹⁴ Полный текст доступен по ссылке: Social Contract of the Democratic Confederation of Northern Syria. 29.12.2016. URL: <https://internationalistcommune.com/social-contract/> (дата обращения: 11.05.2021).

курдский совет и стали видны признаки нациестроительства, основанного на этническом партикуляризме. Поэтому политическую парадигму ПДС можно определить как «некурдоцентричность», основанную на максимальной инклюзивности некурдского этнического элемента в лице ассирийцев, езидов, арабов и др. И наоборот, определённая «курдоцентричность» входивших до 2013 г. в ВКС курдских партий, близких иракской Демократической партии Курдистана (ДПК), вызвала отторжение в Рожаве. Местный демократический конфедерализм гораздо гибче даже в сравнении с консоциональными демократиями, что важно с точки зрения способности зарождающейся политической системы разрешать разногласия и конфликты, вызванные этнолингвистическим и идеологическим плюрализмом. Согласно принятой в декабре 2016 г. временной конституции Демократической Федерации Северной Сирии, это простогосударство строилось на принципах «демократического социализма, либертарианского муниципализма, прямой демократии, анархизма и гендерного равенства»¹⁵.

Одной из серьёзных проблем Рожавы остаётся отсутствие авторитетного лидера, ответственного за принятие и воплощение политических решений, а также недостаточная поддержка такой политической системы конкурирующими курдскими политическими организациями. Главкомандующий СДС Мазлум Кобани Абди в качестве такого лидера не устраивает курдов, близких к Курдскому национальному совету Сирии. До сих пор не реализовано Дохукское соглашение, заключённое между ПДС и КНС при посредничестве США 21 октября 2014 года, которое подразумевало создание новых советов с равным распределением представительских функций между сторонниками ПДС, с одной стороны, и КНС – с другой. Это соглашение предполагало создание совместных вооружённых сил курдов (чего добивались

США), но политические силы внутри Курдского национального совета оказались не в состоянии договориться по этому вопросу между собой, не говоря уже о силах самообороны сирийских курдов (YPG), не желавших вливаться в вооружённые формирования (пешмерга) Иракского Курдистана. Таким образом, провозглашённые в январе 2014 г. на севере Сирии автономные курдские кантоны Джизре, Кобани и Африн стали не совместной политической структурой курдских политических сил, а политическим образованием под единым руководством ПДС в условиях военной демократии.

Тем не менее в июне 2020 г. состоялись успешные переговоры двух основных курдских организаций, постоянно соперничавших в автономии: это Курдский национальный совет Сирии, близкий клану Барзани из Иракского Курдистана, и зонтичная организация «Движение за демократическое общество» (TEV-DEM) – идейные сторонники демократического конфедерализма.

Другая зонтичная организация – Сирийские демократические силы (СДС), созданная при участии США, включает в себя представителей курдов, арабов, туркоманов и ассирийцев. После падения террористического оплота ИГ в Ракке в 2017 г. в качестве идеологического партнёра ПДС в арабо-суннитских районах под контролем СДС была создана Партия «Будущая Сирия» (2018), вобравшая в себя сторонников идеологии демократического конфедерализма, в основном из числа арабов. Наиболее близкими к ПДС некурдскими силами выступают: Силы ас-Сассанид (племени шаммар), Ассирийский военный совет, Джейш ас-Сувар («Путь революционеров»). Все эти организации отличаются жёсткой оппозицией к официальному Дамаску. На конец 2019 г. в группировках, аффилированных с СДС, состояли около 40 тысяч бойцов, причём группировка контролировала около 70% нефтедобычи реги-

¹⁵ Social Contract of the Democratic Confederation of Northern Syria. 29.12.2016. URL: <https://internationalistcommune.com/social-contract/> (дата обращения: 11.05.2021).

она¹⁶. Руководство ПДС ещё в 2017 г. заявляло, что намерено использовать свой контроль над нефтегазовыми ресурсами северной и восточной Сирии как аргумент на переговорах с сирийскими властями по поводу будущей судьбы Сирийского Курдистана.

На этом фоне в автономии по-прежнему сохраняется проблема легитимации власти, особенно на территориях проживания арабов, освобождённых от власти ИГ. Среди арабского населения, находящегося под контролем Сирийских демократических сил (СДС), зреют антикурдские настроения, участились случаи кровной мести. В начале августа 2020 г. был убит шейх арабского крупного племенного конгломерата аккидат Ибрагим Халиль аль-Джадаан аль-Хифли, похороны которого переросли в столкновения арабов с курдами. Центром бунта стали поселения Дибан и Эль-Хавейдж, но вскоре беспорядки распространились до Дейр-эз-Зора и были поддержаны арабским племенем хасаки¹⁷. В начале июня 2021 г. произошли столкновения в г. Манбидже, где силы СДС открыли огонь по демонстрантам, выступавшим против службы в рядах СДС под курдским руководством, что привело к гибели четырёх человек¹⁸.

Подобные конфликты позволяют предположить, что в случае прекращения поддержки Вашингтоном ААСВС вряд ли сохранится как единое политическое целое, а скорее распадётся на арабскую и курдскую части. Сложно установить, насколько антагонистичны противоречия между курдами и арабами не только в южных, но и в северных районах автономии. Зачастую попытки сил самообороны и ПДС в рамках Демократической ассамблеи Сирии (выс-

шего органа власти самопровозглашённой автономии) насаждать принципы демократического конфедерализма в арабских областях северо-востока Сирии вызывают отторжение населения. Тем не менее руководство ПДС и аффилированные с ними политические силы не прекращают усилия, настаивая на том, что в политической системе демократического конфедерализма нет места сепаратизму.

Причины противоречий ПДС с частью арабских племён, в основном клерикальной направленности, заключаются во многом в том, что политическая культура арабской уммы Ближнего Востока долгое время препятствовала введению многопартийности, поскольку традиционному исламскому миропониманию свойственна дихотомия, противопоставление единственной истины (ниспосланной Аллахом) миру войны (Дар аль-Харб), или партии (хизб) Шайтана [Звягельская, Кузнецов 2017: 9]. ПДС, а также сплотившийся вокруг неё межпартийный конгломерат (с 2020 г. Партия Курдского национального единства, бывшая TEV-DEM) имеют больше шансов наладить отношения с неклерикальным сегментом арабской уммы. Этому способствует тесная связь Рожавы (равно как и ААСВС) с левым, ультралевым, экологическим, неомарксистским, анти- или постклерикальными движениями как на Ближнем Востоке, так и на мировой арене, обеспечивающая протогосударству идейную поддержку и легитимацию в глазах многих европейских и американских левых активистов. Таким образом, сформировавшаяся де-факто политическая система Рожавы имеет свою специфику, которая при внешнем донорстве имеет тенденцию сохранять свою политическую стабильность.

¹⁶ Francis E., Perry T. Syrian Kurds outgunned but vow to inflict toll on Turkish army. Reuters. 10.10.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-syria-security-turkey-sdf/syrian-kurds-outgunned-but-vow-to-inflict-toll-on-turkish-army-idUSKBN1W02VX> (accessed: 11.05.2021).

¹⁷ Вертяев К. Ситуация в Рожаве: Автономная администрация Северо-восточной Сирии (ААСВС) в условиях пандемии (2020 г.) 25.11.2020. URL: <https://riataza.com/2020/11/25/situacziya-v-rozhave-avtonomnaya-adminis/> (дата обращения: 21.06.2021).

¹⁸ Курдские формирования открыли огонь по демонстрантам в сирийском Манбидже. Россия сегодня. 01.06.2021. URL: <https://ria.ru/20210601/siriya-1735151217.html>. (дата обращения: 21.06.2021).

Перспективы стабильности Рожавы как протогосударства

Сравнивая движение сирийских курдов под руководством ПДС с сепаратистами Южного Йемена (Южный Переходный Совет), можно заметить ряд аналогий. Голландский исследователь Л. Квартен отмечает, что динамика гражданской войны мобилизовала население в Южном Йемене в 2017–2020 годах вокруг политических сил, которые использовали внешнюю для них угрозу в виде атак хуситов с целью суверенизации подконтрольных южных регионов, попытки отделения от Йемена [Kvarten 2020: 236]. Здесь можно высказать предположение, что и курдские протогосударственные субъекты в Сирии возникли в качестве реакции скорее на Арабскую весну, а также на приближение сил ИГИЛ (ИГ) к границам территорий компактного проживания курдов, нежели собственно на гражданскую войну в Сирии. Если эта гипотеза верна, то анализ ситуации в Сирии станет основанием для предположений относительно потенциальных альянсов, в которые могут вступать такие протогосударственные субъекты на всём Ближнем Востоке.

В 2011–2013 годах вспышка гражданской войны в Сирии и временная победа поддерживаемых Турцией исламистских правительств в Тунисе и Египте тем не менее вызвали серьёзные сдвиги баланса сил в ближневосточном регионе как по линии актуализации исламского фактора, так и по линии смены политических и клерикальных элит региона, когда был брошен вызов ранее существовавшим протогосударственным субъектам, таким как Хезбалла и ХАМАС, и одновременно возникли новые курдские силы самообороны YPG в связке с созданной в 2003 г. Партией «Демократический Союз» и, возможно, в перспективе с Высшим курдским советом. После начала гражданского конфликта в Сирии ХАМАС разорвал отношения с официальным Дамаском, а Хезбалла, наоборот, приняла непосредственное участие в сирий-

ской гражданской войне, невзирая на людские и имиджевые (для Ливана) потери. Курдские силы самообороны и их политические сателлиты в сирийском конфликте сохраняли нейтралитет.

Такое решение ПДС-YPG опосредовано широкими региональными нарративами и внутривнутриполитическими вызовами, а не просто основано на императивах обеспечения национальных прав курдов в Сирии. Рожава, как политическая система повстанческого типа, имеет возможность приобретать такую меру инклюзивности, которая позволяет говорить об её дистанцировании от этнического партикуляризма. В этой связи ПДС-YPG стремились к созданию альянсов, ориентируясь не только на реалии конфликта с Турцией или с соперничающими курдскими политическими силами, но также и на изменение в свою пользу регионального баланса сил, сумев привлечь на свою сторону в качестве донора США, в том числе и с целью легитимации своего политического статуса как протогосударства. Росту его легитимности в глазах местного неклерикального населения способствовали успехи в противостоянии с ИГИЛ, с Турцией (где ПРК и ПДС признаны террористами), с Фатх-Халеб (до 2016 года), Ахрар аш-Шам, фронтом Аль-Нусра и отчасти с центральным сирийским правительством в Дамаске. Подобная многовекторность военного сопротивления до настоящего времени обеспечивала стабильную мобилизованность такого повстанческого государства перед лицом антагонистических сил, в первую очередь – в лице ИГИЛ (ИГ).

Анализируя историю автономного управления и стратегии ПДС на севере Сирии в период начиная с 2012 года ряд исследователей утверждают, что ПДС продемонстрировала сочетание приверженности к демократии и нарушений в своей практике демократических методов управления [Özçelik 2020: 690–691]. О том же самом свидетельствуют наблюдения Human Rights Watch¹⁹. На примере Рожавы мы ви-

¹⁹ <https://www.hrw.org/report/2014/06/19/under-kurdish-rule/abuses-pyd-run-enclaves-syria> (дата обращения: 05.08.2021).

дим, как инструменты насилия и вооружённого сопротивления также являются одним из способов попытки политической легитимации, что характерно для многих протогосударственных воинствующих организаций, таких как YPG-ПДС (Сирия), Хезбалла (Ливан), ХАМАС (Палестина), фронт ПОЛИСАРИО (Западная Сахара) или, к примеру, движение сапатистов в Мексике. Постоянная военная мобилизованность повстанческих государств является одной из важных предпосылок их выживания и возможной легитимации при опоре на внешнее донорство.

* * *

Складывающееся на северо-востоке Сирии протогосударство, на момент написания статьи именуемое ААСВС, не является курдским в этническом смысле. Оно имеет черты военной демократии, где в качестве основной силы выступает военный альянс Сирийских демократических сил, значительную часть которых составляют силы курдской самообороны (YPG). При этом СДС не располагает полным контролем над населением и не обладает монополией на насилие на следующих территориях: населённых в основном арабскими племенами; находящихся под контролем Турции по итогам военной операции «Источник мира»; подконтрольных сирийским правительственным силам в Хасеке и Камышлы, где в качестве миротворцев присутствуют российские вооружённые силы.

Вместе с тем Сирийский Курдистан (Рожава) представляется даже не прото-, а антигосударством, в рамках которого сирийские курды, близкие к ПДС, используют идеи Абдуллы Оджалана (почерпнутые им у М. Букчина) о том, что национальное государство не обязательно для получения международного признания, и о том, что грань между сепаратизмом и местным самоуправлением стирается. В частности, Оджалан утверждает, что курды не должны

стремиться к созданию независимой национально-государственной структуры, потому что национальное государство по своей сути есть отмирающий институт, основанный на гомогенизации и ассимиляции – именно от этого курды и пострадали в новейшей истории [Öcalan 2010: 195]. Как феномен исторической памяти, раздела с 1921 г. границами Сирии и Турции говорящего на языке курманджи единого курдского народа, такой политический посыл находит отклик и понимание у значительной части курдского населения и создаёт основу для сохранения территориальной целостности Сирии [Vertyaev 2018: 448]. Автономная Администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС), заявляющая себя как часть Сирии, имеет две перспективы. Первая – официальное вхождение в республику Сирия (что, возможно, потребует внесения конституционных изменений, в том числе и в официальное название страны), к чему стремятся силы, сплотившиеся вокруг ПДС. Обязательным условием руководство ААСВС считает официальное закрепление автономного статуса в составе Сирии. Альтернативой видится постепенный распад ААСВС на два квазигосударства – арабское и курдское, что в случае ухода США, то есть при исчезновении внешнего донорства, неминуемо приведёт к возрождению на этой территории исламского квазигосударства (ИГ или его аналога).

Что касается начавшегося в 2020 г. политического диалога между конкурирующими политическими группами Курдским национальным советом и TEV-DEM (с 2020 г. Партия Курдского национального единства) в рамках ААСВС²⁰, то его успех и переподчинение сил самообороны от ПДС к Высшему курдскому совету приведёт к дальнейшей суверенизации ААСВС в качестве элемента сирийского конгломеративного государства. Вместе с тем договороспособность участников переговоров продолжает вызывать сомнения.

²⁰ *van Wilgenburg W.* Syrian Kurdish parties agree on Supreme Kurdish Reference. Kurdistan24. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/news/ba899219-46d4-4ff5-8bf1-465bb634a967> (дата обращения: 17.05.2021).

На основании вышеизложенного можно предположить, что Рожава — это протогосударственное образование с «низким уровнем стрессоустойчивости из-за отсутствия внутреннего консенсуса по вопросам осуществления властных функций и распределения общественных благ» [Бар-

тнев 2018: 22]; стабильность восстановлена здесь под влиянием эндогенных политических процессов, допускающих содействие со стороны внешних сил, а донорство США стало одним из ключевых элементов стабильности ААСВС как протогосударства.

Список литературы

- Бартенев В.* Помощь «хрупким государствам» сквозь призму риск-менеджмента. Лабиринт объяснительных гипотез // Международные процессы. Т. 16. № 4 (55). 2018. С. 20–41.
- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / Под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М.: ИВ РАН, 2018. 555 с.
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия: Сб. статей. К 70-летию академика Н.А. Симони. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.
- Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1980. №6. С. 157–175.
- Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. 320 с.
- Вертяев К.В.* Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XXI века). М.: ИБВ, 2007. 254 с.
- Вертяев К.В.* Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015. С. 361–374.
- Гидденс Э.* Устроение общества. Очерки теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
- Звягельская И.Д., Кузнецов В.А.* Государство на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера // Международные процессы. Т. 15. №4 (51). 2017. С. 6–19.
- Кашанина Т.В.* Происхождение государства и права. М.: Высшая школа, 2004. 325 с.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М.: Наука, 1997. 287 с.
- Лукичев П.Н., Скорик А.П.* Квазигосударственность // Полис. Политические исследования. 1994. № 5. С. 139–142.
- Любашиц В.Я., Разуваев Н.В.* Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель. М.: ИОРП: ИНФРА-М, 2018. 533 с.
- Наумкин В.В., Кузнецов В.А.* К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 104–113.
- Оджалан А.* Проблемы преодоления капиталистического модернизма и демократизация. Цивилизация. Эпоха божеств в масках и завуалированных царей. Т. 1. М., 2011. 280 с.
- Оджалан А.* Манифест демократического общества. Социология свободы. Т. 3. М.: Зебра Е., 2014. 479 с.
- Попов Ф.* От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2(26). С. 16–28.
- Жизнь без государства: революция в Курдистане / Под ред. Д. Окреста, Д. Петрова, М. Лебского. М.: Common Place, 2017. 366 с.
- Флах А., Айбога Э., Кнапп М.* Курдистан. Реальная демократия в условиях войны и блокады. М.: РТП, 2015. 350 с.
- Acun C., Keskin B.* The PKK's branch in Northern Syria. PYD-YPG. 2016. Ankara: SETA. 74 p.
- Bartolini S.* Restructuring Europe. Centre formation, System building and Political Restructuring between the Nation State and the European Union. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 415 p.
- Carneiro R.L.* The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / ed. by G. D. Jones, R. R. Kautz. Cambridge: Cambridge University Press. 1981. P. 37–79.
- Flanigan S.T.* For the Love of God: NGOs and Religious Identity in a Violent World. Lynne Rienner Publishers. 2009. 184 p.
- Gunter M.* Out of nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War. London: C Hurst & Co, 2014. 120 p.
- Kwarten L.* Redrawing the Lines in the Sand? Quests for Decentralisation, Regional Autonomy and Independence Among Syrian Kurds and South Yemeni Separatists // Stabilising the Contemporary Middle East and North Africa: Regional Actors and New Approaches / ed. by V. Gervais, S. van Genugten. Palgrave Macmillan, 2020. P. 233–257.

- Mampilly Z.C.* Rebel Rulers: Insurgent governance and civilian life during war. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 320 p.
- McColl R.W.* The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution // *Annals of the American Association of Geographers*. 1969. Vol. 59. No. 4. P. 613–631.
- Öcalan A.* Demokratik Uygurlik Manifestosu: Ortadoğu'da Uygurlik Krizi ve Demokratik Uygurlik Çözümü. [Manifesto of the Democratic Civilization: The Crisis of the Civilization in the Middle East and Democratic Civilization Solution]. Mezopotamya Yayınları, 2010. 195 p.
- Öcalan A.* Özgür İnsan Savunması. İstanbul: Çetin Yayınları, 2003. 41 p.
- Özçelik B.* Explaining the Kurdish Democratic Union Party's Self-Governance Practices in Northern Syria, 2012–18 // *Government and Opposition*. 2020. Vol. 55. No. 4. P. 690–710.
- Schmidinger Th.* Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds. London: Pluto Press, 2018. 300 p.
- Stansfield G.* Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy. Routledge, 2013. 280 p.
- Steiner H.* Left Libertarianism and the Ownership of Natural Resources // *Public Reason*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 1–8.
- Szekely O.* Proto-State Realignment and the Arab Spring // *Middle East policy*. 2016. Vol. 23. No. 1. P. 75–91.
- Vertyaev K.V.* Kurds Within the Borders of New States Under the Sevres (1920) and Lozanne (1923) Treaties // *The Kurds: Legend of the East* / ed. by V. Naumkin, I. Popova. M., 2019. P. 242–258.
- Weller M.* Contested Statehood: Kosovo's Struggle for Independence. Oxford University Press, 2009. 328 p.

SYRIAN KURDS AS PROTO-STATE ACTORS FROM THE INSURGENT STATE TO THE DEMOCRATIC CONFEDERALISM

KIRILL VERTYAEV

Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia

Abstract

The self-proclaimed Kurdish autonomy in the Northeastern Syria has already being estimated as one-third of the country, and, despite its unrecognized status, appears to become one of the key players in the Syrian peace settlement and, at the same time, a political hostage to the situation that has developed in Syria as a result of the civil war. The article explores the formation of the self-proclaimed autonomy in the Northeastern Syria (aka Rojava, Syrian Kurdistan, Federation of Northeastern Syria, Autonomous Administration of Northern and Eastern Syria (AANES)) and puts forward the thesis of Rojava's emergence as an insurgent state. The first part of the study analyzes its political system by implementation of the concept of proto-state actors for the Kurdish Self-Defense Forces (YPG) and the Democratic Union Party (PYD). Due to the inclusiveness of the Kurdish Self-Defense Forces the Kurdish non-state actors (PYD-YPG) have acquired the proto-state features, going beyond the definition of the “Syrian wing” of the Kurdistan Worker's Party (PKK). The article focuses on the complex and diversified ethnic composition of the local population within the boundaries of the de facto autonomy. It is manifested by the presence of various political actors and movements, including those based on ethnic particularism. It is concluded that such a political structure is a fragile one due to the interethnic contradictions between the Kurds and the Arabs in the region.

Keywords:

Syria; Syrian Kurdistan; Rojava; democratic confederalism; Federation of Northern and Eastern Syria; Autonomous Administration of Northern and Eastern Syria; proto-state; YPG.

References

- Acun C, Keskin B. (2016). *The PKK's branch in Northern Syria. PYD-YPG*. Ankara: SETA. 74 p.
- Bartenev V. (2018) Pomosh' "khrupkim gosudarstvam" skvoz' prizmu risk-menedjmenta. Labirint ob'yasnitelnykh gipotez [Aiding Fragile States Through the Lens of Risk-management. Labyrinth of explanatory Hypotheses]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 16. No. 4(55). P. 20–41.
- Bartolini S. *Restructuring Europe. Centre formation, System building and Political Restructuring between the Nation State and the European Union*. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 415 p.
- Baranovsky V.G., Naumkin V.V. (eds) (2018). *Blizhniy Vostok v menyayuschemsya global'nom kontekste*. [The Middle East in a Changing Global Context]. Moscow: IV RAN. 555 p.
- Bogaturov A.D, Vinogradov A.V. (2002). Anklavno-konglomeratnyj tip razvitiya. Opyt transsistemnoy teorii [The "enclave-conglomerate" type of development. Approach to the trans-system theory]. *Vostok-Zapad-Rossiya. Sbornik statey. K 70-letiyu akademika N.A. Simonii*. Moscow: Progress-Traditsiya. P. 109–128.
- Carneiro R. L. (1981). The Chieftdom: Precursor of the State. In: Jones G. D., Kautz R. R., (eds.) *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge &c. P. 37–79.
- Flach A., Ayboğa E., Knapp M. (2015). *Kurdistan: Realnaya demokratiya v usloviyah vojni i blokady* [Kurdistan: The Real Democracy in Conditions of War and Blockade]. Moscow. 350 p.
- Flanigan S.T. (2009). *For the Love of God: NGOs and Religious Identity in a Violent World*. N.Y. 184 p.
- Giddens A. (2005). *Ustroyeniye obschestva. Ocherki teorii strukturatsii* [Organization of the Society. Essays on the Theory of Structuration]. Moscow. 528 p.
- Gunter M. (2014). *Out of nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War*. L.: C.Hurt &Co. 120 p.
- Kashanina T.V. (2004). *Proiskhozhdeniye gosudarstva i prava* [Origins of the State and the Law] Moscow: Vysshaya shkola. 325 p.
- Knyazeva S.N. (2009). *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of the state and law of foreign countries]. Moscow. 128 p.
- Kwarten L. (2020). Redrawing the Lines in the Sand? Quests for Decentralisation, Regional Autonomy and Independence Among Syrian Kurds and South Yemeni Separatists. In: Gervais V., van Genugten S. (eds.) *Stabilising the Contemporary Middle East and North Africa: Regional Actors and New Approaches*. Palgrave Macmillan. P. 233–257.
- Lijphart A. (1997). *Demokratiya v mnogogosostavnykh obshchestvakh* [Democracy in Plural Societies] Moscow: Nauka. 287 p.
- Lyubashits V.Ya, Razuvayev N.V. (2018). *Evol'utsiya gosudarstva: Istoricheskaya dinamika I teoriticheskaya model* [Evolution of the State. Historical Dynamics and Theoretical Model. Moscow. 533 c.
- Lukichev P.N., Skorik A.P. (1994) Kvazigosudarstvennost' [Quasi-Statehood]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 5. P. 139–142.
- McCull R.W. (1969) The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution. *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 59. No. 4. P. 613–631.
- Mampilly Z. C. (2011) *Rebel Rulers: Insurgent governance and civilian life during war*. NY and London: Cornell University Press. 320 p.
- Naumkin V.V, Kuznetsov V.A. (2020). K voprosu o tipologizatsii negosudarstvennykh aktorov na Blizhnem Vostoke [On the Issue of Classification of Non-State Actors in the Middle East]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 64. No. 6. P. 104–113.
- Öcalan A. (2003) *Özgür İnsan Savunması* [Defense of a Free Human]. Çetin Yayınları, İstanbul. 21 p.
- Öcalan A. (2010). *Demokratik Uyarılık Manifestosu: Ortadoğu'da Uyarılık Krizi ve Demokratik Uyarılık Çözümü* [Manifesto of the Democratic Civilization: The Crisis of the Civilization in the Middle East and Democratic Civilization Solution]. İstanbul. Mezopotamya Yayınları. 342 p.
- Öcalan A. (2011). *Problemy preodoleniya kapitalisticheskogo modernizma i demokratizatsiya. Tsvilizatsiya. Epoha bojestv v maskah i zavalirovannih tsarey* [The Problems of Overcoming Capitalist Modernism and Democratization. Civilization. The Era of Masked Deities and Veiled Kings]. Vol. 1. Moscow, 280 p.
- Öcalan A. (2014). *Sotsiologiya svobody* [Sociology of the Liberty]. Vol. 3. Moscow. Zebra E. 479 p.
- Okrest D., Petrov D., Lebskij M. (eds) (2017). *Zhizn bez gosudarstva: Revolyutsiya v Kurdistane* [Life without a State: the Revolution in Kurdistan]. Moscow: Common Place. 312 p.
- Özçelik B. (2020). Explaining the Kurdish Democratic Union Party's Self-Governance Practices in Northern Syria, 2012–18. *Government and Opposition*. Vol. 55. No. 4. P. 690–710.
- Popov F. (2011). Ot «bezigosudarstvennoy territorii» k "gosudarstvu de-fakto" [From the "stateless territory" to the "de facto state"]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 9. No. 2(26).
- Schmidinger Th. (2018). *Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds*. London. 300 p.
- Stansfield G. (2003). *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. Routledge. 280 p.

- Steiner H. (2009). Left Libertarianism and the Ownership of Natural Resources. *Public Reason*. Vol. 1. No. 1. P. 1–8.
- Szekely O. (2016). Proto-State Realignment and the Arab Spring. *Middle East policy*. Vol. 23. No. 1. P. 75–91.
- Vasil'yev L. S. (1983). *Problemy genezisa kitayskogo gosudarstva* [Problems of the genesis of the Chinese state] Moscow: Nauka. 327 p.
- Vasil'yev L. S. (1980). Protogosudarstvo-chifdom kak politicheskaya struktura [Chieftdom as a political structure]. *Narody Azii i Afriki*. No. 6. P. 157–175.
- Vertyaev K.V. (2007). *Kurdskiy vopros v politike Turtsii (konets XX – nachalo XIX veka)* [Kurdish question in Turkish politics (late XX – early XIX centuries)]. Moscow. 254 p.
- Vertyaev K.V. (2018). Kurds within the borders of new states under the Sevres (1920) and Lozanne (1923) Treaties. In: Naumkin V., Popova I. (eds) *The Kurds: Legend of the East*. Moscow. P. 242–258.
- Vertyaev K.V. (2015). Spetsifika kurdsikogo natsional'nogo dvizheniya i ego sovremennaya aktualizatsiya v Turtsii i Sirii [Specifics of the Kurdish National Movement and its acualization in medern Turkey and Syria]. *Natsii i Natsionalizm na musul'manskom Vostoke*. Moscow: IV RAN. P. 361–374.
- Weller M. (2009). *Contested Statehood: Kosovo's Struggle for Independence*. Oxford University Press. 328 p.
- Zvyagel'skaya I.D., Kuznetsov V.A. (2017). Gosudarstvo na Blizhnem Vostoke. Budushcheye nachalos' vchera [State in the Middle East. The future began yesterday]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 15. No. 4 (51). P. 6–19.

ЭМОЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ГЛЕБ КОЦУР

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

В фокусе внимания статьи находится эмоциональный поворот последних десятилетий в социальных науках, в рамках которого их представители уделяют внимание изучению общественного и политического измерения коллективных эмоций, чувств и аффектов. Прежнее доминирование биологической и эссенциалистской парадигмы сменилось культуроцентричными подходами на базе социального конструктивизма благодаря работам в двух дисциплинах — антропологии эмоций и истории эмоций. Наследием подобной научной революции стало акцентированное изучение уникальных особенностей в ущерб попыткам исследований общих повторяемых феноменов, потому что эмансипироваться от биологической парадигмы означало показать множественность эмоциональных паттернов во времени и пространстве. Наука о международных отношениях также оказалась затронутой эмоциональным поворотом, что выразилось в начале 2000-х годов в оформлении соответствующей области конструктивистских исследований. Объектом данной работы выступила транснациональная структурная общность — коллективные эмоциональные паттерны, которые обладают повторяемостью и функционируют поверх государственных границ. Отсутствие концептуализации данного феномена объясняется наследием интеллектуальной традиции антропологии и истории эмоций, а также особенностями постпозитивистской онтологии, в рамках которой коллективный субъект каждый раз конституируется новым взаимодействием. Цель статьи — восполнить эпистемологический вакуум и наметить пути концептуализации транснациональной структурной общности, так как именно наука о МО представляется профильной для этого областью знания. Примером транснациональной структурной общности является кризисное реагирование после террористических атак, которое автор исследует через теоретико-методологическую рамку эмоциональной культуры С. Кошута в сочетании с понятием эмотивов У. Редди. Речи лидеров Израиля, США, России, Индии и Франции после шести терактов с 1972 по 2015 г. позволяют выявить единую троичную эмоциональную структуру, неизменно наблюдаемую в каждом рассматриваемом случае. Она включает в себя эмотив сожаления; компенсаторную конструкцию, состоящую из эмотивов борьбы со страхом через ответную решимость; наконец, эмотив солидарности. Данная дискурсивная конструкция функционирует и обладает устойчивостью благодаря тому, что эмоциональный код соединяет тип события (теракт) с культурным сценарием (троичная структура). Автор предлагает в будущем продолжать изучение транснациональной структурной общности через концепцию эмоциональной культуры, а также при необходимости прибегать к эпистемическим интервенциям из смежных областей, например социологического институционализма с его фокусом на исследовании изоморфизма.

Ключевые слова:

эмоциональный поворот; социальный конструктивизм; постпозитивизм; дискурс; эмоциональная культура; эмоциональные коды; культурные сценарии; международный терроризм; борьба с террором.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.03.2021

Дата принятия к публикации: 27.05.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: glebk17@gmail.com

Введение

С конца XX в. представители социальных наук фиксируют эмоциональный поворот в изучении общественных процессов [Lemmings, Brooks 2014], который характеризуется повышенным вниманием к культурному измерению в исследовании эмоций, чувств и аффектов¹. Он пришёл на смену биологической парадигме с её эссенциализацией эмоций, где последние рассматривались как природная, врождённая характеристика субъекта, изучать которую призваны естественные науки. Поворот стал возможным благодаря прорывным работам в двух дисциплинах начиная с 1980-х годов: антропологии и истории эмоций. Они показали, что эмоции имеют культурное происхождение и отличаются от социума к социуму. Также в научный оборот были введены ключевые концепции и обозначены центральные проблемы изучения влияния эмоций на социальные отношения. Наука о международных отношениях не осталась в стороне от эмоционального поворота, хотя и восприняла его с некоторым запаздыванием по сравнению с другими дисциплинами в 2000-х годах [Crawford 2000]. За последние 20 лет исследования эмоций в МО превратились (впрочем, не в России) в бурно развивающуюся область знания, в которой количество работ только увеличивается [Hutchison 2019].

Досадной особенностью социальных исследований эмоций стала концентрация на выделении уникальных особенностей чувствования в различных обществах в ущерб изучению общих повторяемых феноменов. Подобный акцент, характерный для постнеклассического этапа развития науки с его фокусом на единичном, генеалогически объяснялся обстоятельствами зарождения дисциплин: на первом этапе антропологии и истории эмоций необходимо было эмансипироваться от биологической пара-

дигмы, доказать своё право на существование, показав культурное измерение эмоций. В практическом плане это означало выявить множественность эмоциональных паттернов в пространстве и времени. Если эмоции детерминируются природой, то они должны быть везде одинаковыми (с отличиями лишь в форме выражения), а если социумом — то различные, так как формируются в рамках непохожих друг на друга обществ и культур.

Наука о международных отношениях продолжила тенденцию, заложенную в смежных областях исследований. Э. Хатчисон и Р. Блейкер выделяют две составляющие эмоционального поворота: микроподходы фокусируются на уникальных эмпирических кейсах, а макроподходы отвечают за абстрактный уровень теоретического обобщения [Hutchison, Bleiker 2014]. При этом от внимания исследователей ускользало то, что в настоящей работе будет называться транснациональной структурной² общностью³ — коллективными эмоциональными паттернами, которые обладают повторяемостью и функционируют поверх государственных границ. Эти паттерны содержатся, передаются и репрезентируются дискурсивно. Внутри биологической парадигмы наличие общности можно объяснить врождёнными реакциями, но социальные науки требуют культуроцентричного ответа. В исследованиях эмоций в международных отношениях транснациональная структурная общность практически игнорируется из-за фокуса на уникальном и особенностях постпозитивистской онтологии, когда коллективный субъект каждый раз конституируется новым взаимодействием. Тем не менее именно международные исследования лучше других направлений общественно-научного знания подходят для её фиксации. Историки концентрируются на темпоральных изменениях, антропологи и

¹ В данной статье мы не будем касаться терминологических дебатов о соотношении категорий «эмоции», «чувства» и «аффекты», используя их синонимически, а также необъятных междисциплинарных дискуссий об определении эмоций, следуя их рабочей дефиниции У. Редди как «активированного когнитивного материала, который направлен на некоторую цель и обрабатывается со скоростью, превышающей порог внимания» [Reddy 2001: 128].

социологи работают со слишком малыми социальными группами, а политические компаративисты не ставят задачей исследовать влияние международной среды на национальные случаи.

Цель данной статьи – восполнить существующий пробел и наметить пути концептуализации транснациональной структурной общности в науке о международных отношениях. Для этого в первом разделе мы проследим, как антропология и история эмоций пересмотрели доминировавшие в рамках биологической традиции представления относительно эмоций. Во втором разделе проведём обзор исследований эмоций в международных отношениях через призму оси «уникальное – общее». В третьем разделе представлены случаи кризисного реагирования на теракты с акцентом на выступлениях национальных лидеров как свидетельство существования транснациональной структурной общности. Для их концептуализации выбрана категория эмоциональной культуры С. Кошута [Koschut 2017]. Наш подход дополняется на методологическом уровне понятием эмотива У. Редди [Reddy 2001: 63–112] для нужд прикладного дискурсивного исследования. Совмещение вышеупомянутых концепций позволяет не только осмыслить рассматриваемый феномен, но и наметить пути развития дискуссии о политических эмоциях в России и мире.

От биологии к культуре:

диалектика общего и уникального

Оставив в стороне перипетии философского осмысления вопроса [Nussbaum 2013: 27–82], заметим, что роль эмоций в общественной жизни попала в поле внимания представителей социальных наук уже в XX веке. Ещё один из лидеров школы

«Анналов», историк Л. Февр, в 1941 г. опубликовал статью «Чувствительность и история», в которой заявил о необходимости изучения истории эмоций, выражение которых и сам их спектр разительно отличались в Средние века и в позднее Новое время [Плампер 2018: 66]. Вторым важным теоретиком эпохи выступил исторический социолог Н. Элиас. В работе «О процессе цивилизации» он сформулировал подход к изучению механизмов функционирования европейского модерна, в том числе в области аффектов [Elias 2000]. Согласно Элиасу, вся история современности Старого Света – это линейное движение в сторону всё большего контроля личности над собой и другими, не в последнюю очередь в эмоциональной сфере.

Работы Февра и Элиаса приобрели статус классических, но долгое время оставались едва ли не единственными примерами культуроцентричного подхода к исследованию эмоций. Наследие логоцентризма эпохи Просвещения, бихевиоризм и господство теории рационального выбора в послевоенных социальных науках привели к эссенциализации эмоций, восприятию их как природного явления и вынесению за пределы исследовательских моделей. Ситуацию изменили приход постмодернизма, постпозитивистская революция и экспансия социального конструктивизма в науках об обществе. Сначала Ж. Деррида [Derrida 2016] и М. Фуко [Foucault 1988] деконструировали рациональную часть субъекта; затем очередь дошла и до эмоций. На острие культуроцентричной атаки на биологическую парадигму в 1980-х годах находились две дисциплины – антропология эмоций и история эмоций. Задача у них была общей: показать не единство, а множественность эмоциональных паттернов

² Под «структурой» в работе понимается культурная конструкция, обеспечивающая повторяемость паттернов коллективных политических эмоций благодаря наличию связи между типом события и публичным образом чувствования.

³ «Общность» в данном контексте означает повторяемость, которая не является случайной, так как обусловлена культурой (а именно вышеуказанной связкой). «Общее» («common») здесь следует отличать от «универсального» («universal»). Второе внутри исследований эмоций принято соотносить с биологическими эмоциональными характеристиками человека, в то время как за первым стоят механизмы культурного воспроизводства.

в пространстве и времени. Ведь если эмоции детерминируются не универсальной биологией человеческого организма, а культурными установками, то в разных обществах аффективные реакции будут значительно отличаться.

Обратимся к антропологии эмоций. Общая логика наиболее значимых работ выглядела следующим образом: исследователи-конструктивисты, среди которых выделяются М. Розалдо, Л. Абу-Лаход и К. Латц [Rosaldo 1980; Abu-Lughod 2016; Latz 1988], отправлялись в незападные сообщества – север Филиппин, запад Египта, атолл Ифалик в юго-западной части Тихого океана. Их полевые исследования позволили констатировать: то, что называется эмоциональной сферой на Западе и в этих локальных сообществах, существенно различалось. Одни чувства вообще не имели привычных западных аналогов, а другие были бы восприняты как комбинация нескольких эмоций одновременно. В результате Латц пришла к выводу, что даже использовать категорию «эмоции» означает проявлять европоцентризм, так как это западное понятие. В других обществах оно по-другому связано с тем, что мы бы назвали рациональностью внутри субъекта [Latz 1988: 56–73].

Не меньшее внимание уникальным особенностям придавали представители и другой дисциплины – истории эмоций. Например, супруги Питер и Кэрол Стернзы предложили изучать не эмоции как таковые, а эмоциологию – устойчивые нормативные предписания относительно надлежащих чувств для отдельных социальных групп в разные исторические периоды [Stearns, Stearns 1985]. Преимущественно на эмпирическом материале сборников по этикету они показали, что эмоциональные стандарты претерпевали изменения от эпохи к эпохе. В ядре другой важнейшей теории дисциплины оказалась концепция эмоциональных сообществ Б. Розенвейн, разработанная на материале раннего Средневековья. Уже существовавшие социальные сообщества: семьи, кварталы, парламенты, цеха, монастыри,

церковные приходы – могли разрабатывать собственные системы чувствования, объединённые прежде всего тем, что члены считали вредным/ценным, какие оценки давали эмоциям других и каковы были аффективные связи между членами [Rosenwein 2006: 1–31].

Центральную роль в развитии исследований истории эмоций сыграла книга британского историка У. Редди «Навигация чувств», посвящённая эпохе сентиментализма и Великой французской революции [Reddy 2001]. Изложенная им модель предполагает, что на низовом уровне существуют множество эмоциональных стилей, которые появляются из разных источников и потом эволюционируют в ходе практического использования. В целях властвования государство устанавливает эмоциональный режим – поощряет один из стилей и вводит наказание (от общественного порицания до уголовного преследования) за демонстрацию других. Это вызывает у людей конфликт целей, когда эмоциональные стили переименовываются. Например, революционное государство после 1789 г. требовало от каждого публичного осуждения «врагов народа», что противоречило гуманистическим установкам, а зачастую родственным или дружеским чувствам и проводило к эмоциональному страданию. Изучать эмпирический материал Редди предлагал через мотивы – речевые акты в широком смысле, связанные с выражением эмоций [Reddy 2001: 331].

Все перечисленные теории отличаются диалектичностью перехода от общего к уникальному. В подходе Стернзов эмоциология отражает единство эмоциональных установок в отдельный период у некоторой части общества, но исследователи фокусируются на изменчивости таких норм в хронологическом разрезе. Аналогично и эмоциональные сообщества существуют исключительно благодаря гомогенности чувствования внутри них. Вместе с тем теория Розенвейн – это гимн партикулярности, когда в социуме сосуществует, перескакивается, конфликтует множество эмо-

циональных сообществ, которые при этом внутренне меняются. Наконец, модель эмоциональных режимов Редди подразумевает унификацию государством эмоциональных установок на больших территориях, но только в ходе исследования Франции 1780–1820 годов режим изменился не менее четырёх раз. Я. Плампер, систематизировавший историю эмоций, отмечал, что, «похоже, словосочетание «эмоциональный режим» надо последовательно употреблять во множественном числе» [Плампер 2018: 426]. Иными словами, как и в антропологии, ключевые теории истории эмоций представляют собой акцентирование изменчивости и разнородности эмоционального восприятия.

С учётом написанного возможно сделать два вывода. *Во-первых*, исследователи обозначили потенциал концептуализации структурной общности. Если мы более не верим в идею детерминации нашего эмоционального отношения к неким участкам действительности исключительно физиологическими процессами в долях головного мозга, то эта общность должна объясняться через культуру. Представляется, что ключевым значением здесь обладает элемент связи между ситуацией в жизни, её оценкой и тем, что американский антрополог К. Гирц называл «публичным образцом чувствования» [Geertz 1973: 82]. Иными словами, люди сталкиваются с некоторыми событиями/ситуациями, декодируют их в культурных терминах, оценивают и связывают с надлежащим образцом чувствования

— тем, какие эмоции человек должен испытывать в подобный момент в принципе [Frijda, Mesquito 1994: 54]. Повторяемость, «структура» в структурной общности работает благодаря наличию такой связки. Наиболее отчётливо эта логика выражена в работах Редди, когда государство через эмоциональный режим предписывает людям испытывать определённые эмоции в конкретной ситуации. Вместе с тем перенести данную теорию в политологию и международные исследования можно только в редуцированном или рамочном виде: рассмотренные модели из истории эмоций слишком прочно укоренены в исторической науке. Например, в одном из трудов Редди написал о различиях эмоциональных режимов либеральных демократий и автократий [Reddy 1999: 273–275], но его мысль не получила дальнейшего развития.

Во-вторых, благодаря истории эмоций и антропологии эмоций сегодня становится возможным разговор о теме без привязки к биологии⁴. Это отнюдь не значит, что другие дисциплины остаются вне эмоционального поворота [Vericat 2016]. Тем не менее именно благодаря пионерским работам двух вышеуказанных дисциплин исследование не только выражения эмоций, но и их самих через культуру и общество стало парадигмальным в терминах Куна. В следующем разделе будет показано, каким образом данный импульс и проблема структурной общности нашли отражение в науке о международных отношениях⁵.

⁴ Начиная с 1990-х годов наблюдается лавинообразный рост популярности применения нейронаук в исследованиях эмоций, в том числе и в социальных науках. Однако мы не будем использовать их результаты в данной работе по двум причинам. Во-первых, эссенциализм, на котором основаны подобные исследования, прямо противоречит ядру научно-исследовательской программы социального конструктивизма в терминах И. Лакатоса. Некритическая комбинация элементов двух парадигм в рамках прикладных эмпирических моделей возможна, но на более глубоком уровне рассмотрения конструктивистская и эссенциалистская эпистемологии кардинально противостоят друг другу. Во-вторых, при внимательном ознакомлении с результатами исследований нейронаук применительно к эмоциям приходится согласиться со скептическими выводами Я. Плампера: ключевые гипотезы, на которых во многом опирались соответствующие дисциплины, впоследствии подверглись сокрушительной критике со стороны коллег по естественным наукам [Плампер 2018: 343–363]. Таким образом, взаимные заимствования (если они вообще возможны) следует осуществлять с осторожностью.

⁵ В данной работе мы не имеем возможности рассматривать традицию исследования эмоций в конвенциональной политологии, ограничившись сферой МО.

Эмоции в исследованиях международных отношений

Ещё классики теории международных отношений принимали во внимание роль эмоций в политике: реалисты писали о значении страха в условиях анархии, либералы — о доверии при выстраивании совместных институтов, а представители марксистской традиции — о жадности правящих классов [Sasley 2013]. Внимание эмоциям уделялось и в моделях анализа внешней политики с фокусом на внутреннем мире лиц, принимающих решения. Эта тематика нашла отражение в работах Р. Джервиса по восприятию [Jervis 2017]. Тем не менее до пост-позитивистской революции эмоции почти всегда были вынесены из ядра концептуальной модели и не становились самостоятельным объектом изучения. Это объяснялось стигматизацией эмоций в онтологии господствовавшей тогда теории рационального выбора и позитивизма вообще; чувства как иррациональный фактор вторгались в международные отношения и принятие решений, нарушая «нормальный» ход политического процесса.

С некоторым запозданием исследовательская дискуссия в теории международных отношений по данной теме сформировалась уже в рамках социального конструктивизма. Начало ей положила Н. Кроуфорд [Crawford 2000]. Исследовательница наметила основные направления, по которым может развиваться новая область знания: необходимо было прояснить вопросы определений/терминов, основных концепций, проблему субъектности и др. Последние

двадцать лет оказались плодотворными эпистемологически, область знания «встала на ноги» [Hutchison 2019], а ось общего и уникального нашла отражение в разделении на микро- и макроподходы⁶.

Макроподходы концентрируются на изучении индивидуальной специфики. Они были призваны «избежать риска гомогенизации эмоций, сведения воедино эмоциональных феноменов, которые в действительности куда более комплексные и различные...» [Hutchison, Bleiker 2014: 497–498]. Иными словами, это конкретные прикладные исследования эмоций на эмпирическом материале из разных точек планеты с единым лейтмотивом плюральности и гетерогенности. Например, Х. Фаттах и К. Фирке находят причины антагонизма некоторых исламских обществ по отношению к США в унижении их достоинства [Fattah, Fierke 2009]. В картине мира, связанной с исламом, стыд и унижение после арабо-израильских войн, операции в Заливе, экономических санкций требовали автоматической компенсации. Один из главных исследователей этой области знания, Э. Хатчисон, показала, как взрывы в ходе теракта на Бали 2002 г. способствовали конституированию национальной австралийской идентичности [Hutchison 2010]. Позиционировав в качестве Другого исламский терроризм, медиа и политики добились консолидации общества через выражение публичной скорби. Аналогичным образом манифестировалась эмоция солидарности через скорбь после цунами 2004 г. в Юго-Восточной Азии, но уже на транснацио-

⁶ Оси общего/уникального и микро/макроподходов на интуитивном уровне имеют параллели с проблемой агент-структурных (системных) отношений в социальных науках. Тем не менее данные оси едва ли можно смешивать при анализе полностью. Пара общего и уникального фокусируется на динамике повторяемости и различий эмоциональных паттернов. Разделение на микро- и макроподходы отражает функционирование теоретического и эмпирического уровней исследования. Наконец, дихотомия агента и структуры призвана решить проблему того, какая из данных инстанций обладает первичной значимостью в ходе их интеракции. Оси пересекаются между собой, но не совпадают полностью. При этом сложно однозначно локализовать позицию, которой придерживаются большинство исследователей эмоций в МО применительно к агент-структурным отношениям. Вышеуказанная инстанция структуры/системы в этой области не осмысливается как таковая. Её суррогатом выступает культура в широком понимании, которая во многом детерминирует содержание эмоциональной сферы агентов. Однако на глобальном уровне наличие культуры так и не было доказано. Вопрос о соотношении транснациональной культуры и глобальной системы в эмоциональной сфере нуждается в дополнительном изучении.

нальном уровне [Hutchison 2014]. В монографии 2016 г. Хатчисон исследует разные способы реагирования на историческую травму: если ЮАР добилась национального примирения через проработку режима апартеида, в результате чего трагедия осталась в прошлом, то Китай раз за разом актуализировал «столетие унижения», укрепляя идентичность посредством resentment [Hutchison 2016]. Э. Росс на примере событий 11 сентября 2001 г. продемонстрировал, как аффект способен синтезировать современный опыт с прошлым, когда атака на башни-близнецы в публичном дискурсе освещалась в параллели с Пёрл-Харбором и соответствующим эмоциональным набором — скорбью, гневом, яростью [Ross 2006]. Отдельно можно выделить коллективную монографию под редакцией Л. Охэлль и Т. Грегори, посвящённую проявлению эмоций во время войн с рассмотрением большого числа случаев о роли разных чувств от горя до скуки и страха [Ahäll, Gregory 2015]. В свою очередь, А. Цыганков на примере президентских речей 2008–2012 годов Д. Медведева выделяет в них разные эмоциональные регистры по отношению к Западу: страх—надежда—разочарование [Tsyganov 2016]. Говоря об отечественных исследованиях эмоций, отмечаем отсутствие большого интереса к теме в русскоязычной литературе. Исключение составляет статья В. Аванской, где содержится блестящий обзор основных теорий, методов и подходов конструктивистских исследований эмоций в международных отношениях [Аванская 2018], а также её работа о месте эмоций в противостоянии двух лагерей «холодной войны» [Аванская 2019].

Итак, микроподходы концентрируются на уникальном. Большинство исследований посвящены разбору отдельных случаев в масштабах национального государства или социальной группы внутри него с некоторым международным участием. Транснациональная общность представлена прежде всего примером сообщества скорби после цунами 2004 года, но и данный пример малопродуктивен в теоретическом отношении (об этом ниже). По логике раз-

вития области знания можно было бы ожидать анализа транснациональной структурной общности в рамках макроподходов. Тем не менее последние понимаются как абстрактный теоретический уровень исследования, дискуссия о том, как эмоции в международных отношениях работают вообще, а не исследование неких больших транснациональных феноменов. По сути, все макроподходы могут быть разделены на три группы.

Первая группа посвящена вопросу о том, как осуществляется переход от индивидуальных эмоций к коллективным. Ряд влиятельных специалистов связывают ответ на него с репрезентацией в публичной сфере, когда индивидуальная эмоция становится видимой и воспринимаемой большим количеством людей. В частности, Э. Хатчисон и Р. Блейкер показывают, что цунами в Индийском океане в 2004 г. потому и обрело общественную значимость, что медиа распространили визуальные изображения трагедии. Для сравнения через несколько месяцев в Пакистане произошло аналогичное землетрясение, но из-за отсутствия широкого резонанса в СМИ событие не получило внимания международного сообщества [Hutchison, Bleiker 2008]. После взрывов на Бали 2002 г. подобную роль сыграли выразительные изображения жертв и разрушений на первых полосах газет [Hutchison 2010]. Пути репрезентации могут быть самыми разными: это и речь, и письмо, и визуальные изображения, и даже телесные движения (жесты и не только) [Hutchison 2019]. В некоторых случаях репрезентация несёт репрессивный потенциал. Например, после цунами в 2004 г. граждане пострадавших развивающихся стран изображались через десоубъективацию локальных агентов в колониальном ключе — как грязные нецивилизованные жители, ждущие спасения от «белого человека» [Hutchison 2014]. Несколько другой ответ на вопрос о переходе индивидуального в коллективное даёт Б. Сасли и межгрупповая теория эмоций. Его модель включает три стадии: люди рассматривают себя как часть некой социальной группы, поэ-

тому при наличии триггера идентичность может активироваться; затем происходит оценка данной ситуации в связи с триггером; наконец, следует возникновение межгрупповой эмоции [Sasley 2013].

Вторая группа работ касается связи эмоций с другими субстанциями (в том числе дискурсом, идентичностью, нормами). Уже упоминавшиеся Э. Хатчисон и Р. Блейкер говорят о необходимости изучения эмоций через дискурс, так как и то и другое является культурным/социальным явлением [Hutchison, Bleiker 2017]. С. Кошут обращает внимание на эмоциональный фундамент властного измерения любого дискурса – он потому и работает, что в нём присутствует составляющая аффекта [Koschut et al. 2017]. Эмоции влияют через дискурс на социальную структуру общества. Одни эмоциональные категории (гордость, стыд) укрепляют уже существующую иерархию, другие же, наоборот, изменяют её (страх и resentment) [Koschut 2018]. Отдельного упоминания заслуживает уже затронутая выше работа Э. Росса о связи эмоций и идентичности, показывающая, как события 11 сентября 2001 г. были поставлены политиками в один ряд с началом Второй мировой войны для достижения большего аффекта [Ross 2006]. Исследователи более или менее едины во мнении, что эмоциональные реакции возникают благодаря идентичности и могут её консолидировать. Похожим образом построена и связь эмоций с нормами. Дж. Мерсер утверждает, что эмоции поддерживают те или иные нормы, а их нарушения вызывают эмоциональный ответ [Merсер 2006]. Тот, кто на-

рушил норму, должен чувствовать смущение, вину или стыд, а наблюдатели – гнев и негодование.

Третья группа макроподходов – это дебаты о концепциях и терминах. Например, Т. Холл предлагает концепцию «эмоциональной дипломатии» как «координируемого поведения, проецирующего образ эмоционального ответа на другие страны» [Hall 2015: 2]. Наиболее показательно она репрезентируется в выражениях сочувствия государств друг другу после катастроф, терактов. Э. Хатчисон ввела в научный оборот понятие «аффективных сообществ» как формы объединений вокруг коллективно понимаемой формы чувствования (в её случае – в связи с травмой) [Hutchison 2016]. Это дискурсивно-социальные феномены, которые образовались после взрывов на Бали или цунами в Индийском океане, разные по объёму от локального до транснационального. С. Кошут представил концепцию «эмоциональных сообществ безопасности», соединяя вольно трактуемые им теории «сообществ безопасности»⁷ (security communities) и «эмоциональные сообщества» Б. Розенвейн. Для него это различные группы (от Аль-Каиды⁸ до НАТО), в которых люди придерживаются единых норм эмоционального выражения и ценят/поризуют одни и те же сходные эмоции [Koschut 2013]. Отдельного упоминания заслуживает фуколдианская концепция «режима эмоционального управления», отождествляемая с неолиберализмом. Суть подхода А.-М. Д'Ауст состоит в традиционном для последователей Фуко взгляде на эмоции через правительственность⁹ и биополитику

⁷ В ходе переосмысления сообществ безопасности в качестве эмоциональных С. Кошут сделал фокус лишь на некоторых элементах теорий К. Дойча, Э. Адлера и М. Барнетта, которые были необходимы для его собственной концептуальной рамки: эмоциональной связи при построении идентичности сообщества; совместном опыте и доверии при коммуникации; центральном месте символов; связи знания и власти; роли властных групп при утверждении норм сообщества; значимости постоянно воспроизводимых практик для конституирования последнего; важности границ сообщества [Koschut 2013].

⁸ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁹ «...система, образованная институтами, процедурами, анализом и рефлексией, расчётами и тактиками, которая позволяет осуществлять весьма специфическую и чрезвычайно сложную форму власти, имеющую в качестве главной цели население, политическую экономию как главный вид знания, а аппарат безопасности как ключевой технический инструмент...» [D'Аoust 2014: 268–269].

с фокусом на власти государства и капитализма [D'Aoust 2014].

Ни одно из вышеуказанных направлений не внесло большого вклада в осмысление проблемы транснациональной структурной общности. В первую очередь, область организована таким образом, что микроподходы фокусируются на уникальном, но макроподходы не на общем. Это следствие влияния бинарной оппозиции внутри оси из антропологии и истории эмоций. Рассмотренные выше концепты почти не нацелены на анализ общего, а если нацелены – то не структурной общности. Для этого исследователям вслед за У. Редди пришлось бы уделять внимание тому, что мы назвали связкой между ситуацией/событием и публичным образом чувствования как базису структурной общности. Тем не менее теоретики эмоций в международных отношениях заняты другим. Например, аффективные сообщества Э. Хатчисон и похожие на них модели фокусируются на транснациональной общности (случай цунами в Юго-Восточной Азии), но упускают структуру. Данные сообщества представляют собой *ad hoc* объединения, возникающие исключительно благодаря конкретной конфигурации дискурса и исчезающие после события. Подобный подход детерминирован особенностями постпозитивистской онтологии, когда субъект возникает уже после взаимодействия и существует только внутри него [Edkins 1999: 21–40]. Описание структурной общности как устойчивой части системы могло бы позволить учесть факт повторяемости (хотя вопрос изучения эмоциональной системы и её соотношение с понятием культуры является сложным с теоретической и эмпирической точек зрения), но при позиционировании через коллективную субъектность это невозможно. Когда социальные отношения конституируются каждый раз заново, а системным (повторяемым и воспроизводимым) характеристикам эмоций не уделяется должного внимания, это неминуемо влечёт за собой аналитический фокус на уникальном.

Концепция эмоциональных сообществ безопасности ещё меньше подходит для анализа структурной общности. В их изначальном виде у Розенвейн сообщества отсылают к очень небольшим социальным группам, и даже в интерпретации Кошута концепция предназначена для изучения множественных пересекающихся партикулярных групп. Термин эмоциональной дипломатии плодотворен, но в силу элитарности подхода описывает узкий участок межгосударственного взаимодействия. Необходимо признать, что измерение структурности может быть охвачено фуколдианским инструментарием с его фокусом на системе. Вместе с тем подобные подходы обладают значительной специфичностью и обособленностью. Следование данной теории превратит самобытную область изучения эмоций в подотрасль исследований правительственности и биополитики и навяжет нехарактерный для предыдущей традиции акцент на экономике, рассеянной власти и др.

Исключение на общем фоне составляет концепция, которая не была приведена в общем списке терминов. Это концепция «**эмоциональной культуры**», введённая С. Кошутом и означающая *комплекс стандартизированной эмоциональной лексики, норм и верований относительно отдельных эмоциональных выражений, которые способствуют культурному конструированию власти, сообщества и идентичности*. Данная модель состоит из двух частей – эмоциональных кодов и культурных сценариев. Первые означают стандарты надлежащего эмоционального выражения внутри социальной группы, а вторые – словесные или визуальные репрезентации, посредством которых эмоциональные коды артикулируются и принимаются членами группы [Koschut 2017: 179]. Эмоциональные коды предписывают, какое поведение необходимо в том или ином случае, а сценарии содержат модель поведения. Иными словами, эмоциональная культура описывает связку между событием/ситуацией и публичными образцами чувствования.

Хотя Кошут и рассматривает случай национального уровня (японские камикадзе), он утверждает, что эмоциональная культура может быть любой по масштабу: например, активисты прав человека своими действиями конституируют глобальный эмоциональный сценарий [Koschut 2017: 180]. Кошут также обращает внимание на связи концепции с властью и идентичностью. Эмоциональные культуры воспроизводят и утверждают властные иерархии, неравенство, так как именно привилегированные члены сообщества обладают большей способностью определять эмоциональные коды/культурные сценарии, а низшие — вынуждены им следовать.

Лишь понятие эмоциональной культуры обладает характеристиками для концептуализации транснациональной структурной общности — аналитическим фокусом на повторяемости эмоциональных паттернов, вниманием к связке между типом события и публичным образом чувствования, к системному измерению проблемы, укоренённостью в конструктивистской традиции. Следующий раздел посвящён эмпирическому примеру кризисного реагирования на террористические атаки, где будут продемонстрированы возможности подобной концептуализации.

При этом заметим, что эмоциональная компонента специфически локализована внутри современной политической системы. Гендерно связанный с маскулинностью идеал рационального гражданина, заложенный ещё в эпоху Просвещения, привёл

к стигматизации эмоций в большей части политической сферы и их отождествлению с женским подчинённым началом. Эмоции внутри логоцентричной картины мира Запада зачастую воспринимаются как фактор, искажающий рациональный политический процесс. Исключение столь важной части индивидуальной и коллективной субъектности привело к появлению нескольких лакун в системе, где данная компонента обретает легитимный и даже гипертрофированный статус. Репрезентация эмоций во время неожиданных трагических событий (теракты, катастрофы, стихийные бедствия), уличного протеста, важных рубежных моментов истории страны, а также в политике памяти обладает критической значимостью для массовой аудитории и тем самым влияет на политический процесс. Локализация эмоций в отдельных ключевых лакунах системы и их стигматизация в остальной части, с одной стороны, облегчает исследования, а с другой — по законам постструктуралистской онтологии вызывает парадоксы внутри системы: исключить центральную компоненту современной субъектности всё равно невозможно.

Транснациональная структурная общность как эмоциональная культура: кризисное реагирование на террористические атаки

В качестве эмпирического материала для рассматриваемого случая выбраны обращения к нации лидеров государств после крупнейших терактов¹⁰ как яркий пример

¹⁰ Подобные речевые акты внутри позитивистской картины мира могли бы восприниматься как набор риторических спичрайтерских практик, которыми пользуются политики для манипуляции аудиторией, но конструктивистский взгляд противоречит такой постановке вопроса. Во-первых, проблема искренности спикера и авторства при конструктивистском дискурс-анализе снимается. «Нас не интересует ни то, что действительно думают отдельные лидеры, ни то, в чём состоят представления, распространённые среди населения (хотя последнее ближе [к сфере наших интересов]), — нас интересуют коды, которые субъекты используют, когда обращаются друг к другу», — пишет по этому поводу О. Вэвер [Waever 2002: 26–27]. Именно поэтому дискурс-анализ отличается от психологического подхода, исследований представлений и образов. Во-вторых, автор концепта эмотива У. Редди подчёркивает, что сама природа данных речевых актов противоречит возможности их инструментализации исключительно в манипулятивном ключе. Одним из ключевых свойств эмотива является его перформативный эффект, причём по отношению как к субъекту, так и реципиенту [Reddy 2001: 101–105]. Сам факт артикуляции эмотива приводит к одному или нескольким из четырёх исходов: подтверждение, опровержение, усиление или ослабление той эмоции, о которой идёт речь. Всё это делает отстранённую субъект-объектную диспозицию затруднённой.

структурной общности, которая обладает повторяемостью в глобальном масштабе. Анализ охватывает шесть эпизодов: выступление израильского премьер-министра Г. Меир перед парламентом после теракта на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году¹¹; заявления американского президента У. Клинтона по поводу взрывов посольств США в Кении и Танзании 1998¹²; речи Дж. Буша-младшего после атак 11 сентября 2001¹³; обращение к нации президента Российской Федерации В. Путина после теракта в Беслане 2004¹⁴; телевизионное выступление премьер-министра Индии М. Сингха как реакция на серию терактов в

Мумбаи 2008¹⁵; и речь президента Франции Ф. Олланда на совместном заседании парламента после атак в Париже 2015 года¹⁶. Эти эпизоды подобраны таким образом, чтобы, с одной стороны, охватить длительную хронологическую перспективу, показать устойчивость и эволюцию эмоциональной структуры во времени. С другой стороны, будет продемонстрировано пространственное разнообразие с целью избежать европоцентристского взгляда на проблему. Кроме того, для нужд прикладного исследования дискурса мы включим в модель эмоциональной культуры понятие эмотивов У. Редди – речевых актов, свя-

¹¹ 39 Statement to the Knesset by Prime Minister Meir. Israel Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. 1972. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/mfadocuments/yearbook1/pages/39%20statement%20to%20the%20knesset%20by%20prime%20minister%20meir.aspx> (accessed: 11.02.2021). В сентябре 1972 г. во время Олимпийских игр в Мюнхене члены палестинской террористической организации совершили захват спортсменов израильской команды. В результате неудачной операции спасения жертвами оказались 17 человек, в том числе 11 израильских спортсменов.

¹² Radio Address by the President to the Nation. U.S. Department of State Archive [Электронный ресурс]. 1998. URL: https://1997-2001.state.gov/www/regions/africa/bombing_clinton_980808.html (accessed: 11.02.2021); Transcripts of President Clinton's Two Speeches Following the U.S. Air Strikes against Sudan and Afghanistan. SpringerLink [Электронный ресурс]. 1998. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&src=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewi76awy9zuAhVypYsKHWF2B7YQfjAAegQIAhAC&url=https%3A%2F%2Flink.springer.com%2Fcontent%2Fpdf%2Fbbm%253A978-0-230-10122-7%252F1.pdf&usq=AOvVaw1nhBlt04yX1cFXjJ3MZnBB> (accessed: 11.02.2021). 7 августа 1998 г. в столицах Кении и Танзании произошли взрывы, целью которых стали здания американских посольств. Организацию терактов принято связывать с Аль-Каидой. Более 200 человек погибло и более 4000 ранено (включая и сотрудников посольств, и местных жителей).

¹³ Address to the Nation on the Terrorist Attacks. Public Papers of the Presidents of the United States: George W. Bush (2001, Book II). the U.S. Government Publishing Office [Электронный ресурс]. 2001. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2001-book2/html/PPP-2001-book2-docpg1099.htm> (accessed: 11.02.2021); President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021). 11 сентября 2001 г. члены террористической организации Аль-Каида захватили четыре пассажирских самолёта, два из которых были направлены в здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, один – в здание Пентагона и ещё один упал в поле предположительно в результате борьбы между пассажирами/членами экипажа и террористами. В результате было убито около 3000 человек.

¹⁴ Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021). 1 сентября 2004 г. чеченские боевики захватили здание школы №91 в Беслане. Ответственность взяла на себя организация, руководимая Ш. Басаевым. 334 человека погибло, большинство из них – дети.

¹⁵ Prime Minister's statement on Mumbai attack. Reuters [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-36741320081127?edition-redirect=in> (accessed: 11.02.2021). С 26 по 29 ноября 2008 г. в Мумбаи произошла серия террористических нападений, организованная исламистской организацией из Пакистана. 166 мирных жителей были убиты и более 300 пострадало.

¹⁶ 16 November 2015 – François Hollande's Speech Before a Joint Session of Parliament. Permanent mission of France to the United Nations in New York [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://onu.delegfrance.org/Francois-Hollande-s-Speech-Before-a-Joint-Session-of-Parliament> (accessed: 11.02.2021). 13 ноября 2015 г. в нескольких точках Парижа в местах большого скопления людей произошла серия террористических нападений, организованная ИГИЛ. 130 человек погибли и более 400 оказались ранены.

занных с отражением и конституированием эмоций¹⁷.

Соединять концепцию С. Кошута с теорией У. Редди допустимо по следующим причинам. *Во-первых*, в концепции эмоциональной культуры отсутствует инструментарий для прикладной работы с текстами, поэтому некоторая её модернизация неизбежна. *Во-вторых*, концепция эмотивов относительно автономна внутри теории У. Редди. Если остальные её части — концепции эмоциональной свободы, страдания, режима и проч. — функционируют таким образом, чтобы одна вытекала из другой, то идея эмотивов изначально создана для целей дискурс-анализа эмоций и соединена с другими частями теории скорее на онтологическом уровне.

При этом отметим, что единого перечня эмоций не существует, ведь сама идея нескольких базовых эмоций, укоренённых в человеческой физиологии, характерна для универсальной биологической парадигмы, с которой и полемизируют конструктивистские исследования эмоций. Тем не менее в процессе обзора статей в данной области мы можем заметить, что наиболее значимые работы содержат фокус на изучении достоинства, гнева, скуки, сострадания, скорби [Ahäll, Gregory 2015], сожаления [Hutchison 2014], страха [Hutchison, Bleiker 2008], доверия [Koschut 2013], надежды, разочарования [Tsygankov 2016], ресентимента [Demertzis 2006]. Аналогичным образом не существует по определению и никакого канона слов-маркеров эмоций. Задача дискурс-анализа как раз

состоит в том, чтобы соотносить всё многообразие речевых актов с интересубъективными конвенциями, принятыми в обществе. Доля субъективности здесь не больше, чем в любом исследовании, где присутствует этап интерпретации (то есть в любом, в том числе количественном). Когда президент России В. Путин говорит: «Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага»¹⁸, — сложно обозначить данный речевой акт как репрезентацию какой-либо иной эмоции, кроме солидарности. Смешанные кейсы встречаются, но их меньшинство. В свою очередь, надеяться, что большинство специалистов будут строить свои модели на основе единой базы данных, созданной их коллегами — не приходится. Такого не наблюдалось ни на одном этапе развития теории международных отношений, включая даже позитивистский период 1970-х — 1980-х годов.

Применительно к рассматриваемым случаям эмоциональные коды служат для взаимосвязи между типом события (тракт) и надлежащим культурным сценарием — трюичной структурой «сожаление — компенсация — солидарность» (рис. 1). Её содержание можно описать следующим образом. Каждый из текстов кризисного реагирования располагает эмотивами, отвечающими за публичное выражение сожаления по поводу произошедшего, компенсаторный механизм, в соответствии с которым дискурсивный субъект отвергает возможность поддаться страху и демонстрирует решительность перед лицом врага, наконец, призывает к национальной или междуна-

¹⁷ В ещё «молодой» модели С. Кошута отсутствует чётко операционализированный инструментарий для работы с текстами. Согласно классическому определению У. Редди, эмотив — это «тип речевого акта, отличный и от перформативных, и от констативных утверждений, который одновременно и описывает (как констативы), и изменяет (как перформативы) мир, потому что эмоциональное выражение обладает объяснительным и самоизменяющим эффектом применительно к активированному когнитивному материалу эмоций» [Reddy 2001: 128]. Дальнейшая интеллектуальная традиция сложилась таким образом, что эмотивами профильные исследователи стали считать речевые акты, объектом которых являются эмоции (или объектом публичной репрезентации, если мы выходим за рамки речевых актов). Иными словами, эмотивы в дискурсе предполагают говорение об эмоциях, этим первые отличаются от других речевых актов помимо свойства соединять в себе перформатив и констатив. Если наблюдаются устойчивые повторы эмотива в сходных ситуациях, он может стать частью культурной связки между типом события и публичным образцом чувствования.

¹⁸ Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021).

Рисунок 1
 Схема транснациональной эмоциональной культуры (террористическая атака)

Источник: составлено автором.

родной солидарности. Данный набор является обязательным для любого выступления. Ниже мы рассмотрим каждый элемент этого культурного сценария диахронно, переходя от теракта к теракту.

Начнём с эмотива сожаления, который состоит из утверждения положительных характеристик жертв (чаще всего – невинность), их персонификации с целью придать трагедии человеческое лицо и демонстрации скорби как наиболее концентрированной и демонстративной формы сожаления¹⁹. Например, лидер Израиля после мюнхенского теракта на Олимпийских

играх в обращении к Кнессету использовала эмоционально-насыщенное словосочетание «[не удалось] освободить наших родных», говоря об убитых израильских спортсменах, а развязку в аэропорту назвала «горькой, трагичной»²⁰. Также скорбь внутри эмотива сожаления фиксируется в речи У. Клинтона по поводу атак на американские посольства в Африке в 1998 году: «Семьям и друзьям убитых я могу сказать только, что понимаю их боль. Надеюсь, вам будет спокойнее, зная, что ваши близкие отдали свои жизни во имя высшей цели...»²¹. В данном пассаже скорбь, выража-

¹⁹ Автор в данном случае следует традиции, заложенной классиком конструктивистских исследований эмоций в МО Э. Хатчисон. В английском языке присутствует несколько слов, отсылающих нас к соответствующему эмоциональному регистру: «pity», «sorrow», «grief», «mourning». Строго говоря, только последнее отсылает нас непосредственно к скорби в русскоязычном варианте, в то время как остальные также могут ситуативно использоваться в этом качестве, однако призваны обозначить другие оттенки неагрессивно-негативного отношения к событию и сочувствия жертвам. Хатчисон концептуализировала это как «politics of pity», где «pity» – это скорее сожаление, а не скорбь. Иными словами, скорбь является частным случаем, наиболее концентрированной и демонстративной формой данного эмоционального регистра, в то время как сожаление служит более общей эмоциональной категорией. Например, слова «очень жаль, что это произошло» у представителя аудитории при просмотре новостной сводки о теракте ещё нельзя назвать полноценной репрезентацией скорби, однако включает зрителя в общую «politics of pity» в терминах Хатчисон в качестве её реципиента.

²⁰ 39 Statement to the Knesset by Prime Minister Meir. Israel Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. 1972. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/mfadocuments/yearbook1/pages/39%20statement%20to%20the%20knesset%20by%20prime%20minister%20meir.aspx> (accessed: 11.02.2021).

²¹ Radio Address by the President to the Nation. U.S. Department of State Archive [Электронный ресурс]. 1998. URL: https://1997-2001.state.gov/www/regions/africa/bombing_clinton_980808.html (accessed: 11.02.2021).

емая главой государства, эффектно сочетается с героической жертвой невинных людей ради общего блага. Эмоциональный накал достигает пика в речах Дж. Буша после событий 11 сентября 2001 года: «Сегодня вечером я прошу ваших молитв за всех тех, кто скорбит, за детей, чьи миры были разрушены...»²². Образ невинных жертв («Секретари, бизнесмены и женщины... Мамы и папы. Друзья и соседи») дополняется героическим пафосом и стратегией персонификации: «Мы видим это в мужестве пассажиров, которые бросились к террористам, чтобы спасти других [людей] на земле. Пассажиры обратили внимание на исключительного человека по имени Тодд Бимер... поприветствуем его жену Лизу Бимер... это полицейский щит человека по имени Дж. Ховард, который погиб во Всемирном торговом центре, пытаюсь спасти других...»²³.

Российский президент В. Путин воспринял и использовал тот же эмотив после теракта в Беслане в 2004 г. В первую очередь, это скорбь: «Говорить трудно. И горько. И сейчас я прежде всего обращаюсь со словами поддержки и сопереживания к людям, потерявшим самое дорогое в жизни – своих детей, своих родных и близких»²⁴. Как и Дж. Буш, Путин соединяет жертвенный образ пострадавших с тематикой героического преодоления: «В Беслане – бук-

вально пропитанном горем и болью – люди ещё больше заботились и поддерживали друг друга. И не боялись рисковать собой во имя жизни и покоя других»²⁵. Эмотив нашёл отражение и в совершенно другой части планеты – в Индии. Премьер-министр этой страны М. Сингх после терактов в Мумбае 2008 г. выразил «свои глубокие соболезнования семьям погибших и сочувствие пострадавшим», а также говорил о «потере многих драгоценных жизней и ранениях многих других людей, которые потрясли нацию»²⁶. Вновь мы отмечаем героизацию жертв, когда премьер «приветствует храбрость и патриотизм полицейских... которые отдали свои жизни в борьбе с террористами»²⁷. Мало что изменилось и во время терактов ИГИЛ²⁸ в сравнении с эпохой борьбы с терроризмом в 2000-х. В первую очередь, Ф. Олланд после серии атак в Париже в 2015 г. выразил скорбь по жертвам: «Сегодня наша страна в трауре. Мы думаем о ни в чём неповинных людях... мы думаем об их семьях, которые испытывают самую безутешную боль...»²⁹. Сожаление вновь дополняется персонализацией: «Большинство погибших были моложе 30 лет. Их звали Матиас, Квентин, ... [перечисление]. В чём было их единственное преступление? Быть живыми»³⁰. Образ ни в чём неповинных жертв становится ещё более горьким из-за того, что ими ока-

²² Address to the Nation on the Terrorist Attacks. Public Papers of the Presidents of the United States: George W. Bush (2001, Book II). the U.S. Government Publishing Office [Электронный ресурс]. 2001. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2001-book2/html/PPP-2001-book2-doc-pg1099.htm> (accessed: 11.02.2021).

²³ President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021).

²⁴ Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021).

²⁵ Там же.

²⁶ Prime Minister's statement on Mumbai attack. Reuters [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-36741320081127?edition-redirect=in> (accessed: 11.02.2021).

²⁷ Ibid.

²⁸ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

²⁹ 16 November 2015 – François Hollande's Speech Before a Joint Session of Parliament. Permanent mission of France to the United Nations in New York [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://onu.delegfrance.org/Francois-Hollande-s-Speech-Before-a-Joint-Session-of-Parliament> (accessed: 11.02.2021).

³⁰ Ibid.

зались молодые люди, ассоциирующиеся в массовом сознании с генофондом нации.

Эмотив сожаления в троичной структуре реализуется за счёт трёх частей. *Во-первых*, это положительная характеристика жертв. Они предстают невинными мирными людьми, оказавшимися на войне. При этом в сложившихся обстоятельствах они проявляют героизм и сопротивление. *Во-вторых*, сочувствие жертвам зачастую достигается персонификацией, что придаёт происходящему человеческое лицо. *В-третьих*, лидеры выражают скорбь, свою боль, которая становится для аудитории всеобщей. Сочетание трёх вышеупомянутых частей обеспечивает эффективный эмоциональный отклик у аудитории и направляет её возмущение на второй элемент структуры – компенсацию.

Компенсаторная конструкция включает в себя две взаимосвязанные части. Первая предполагает отрицание влияния теракта на политику и ценности страны – борьбу со страхом как целью террористов. Вторая часть является публичной демонстрацией решительности и ответных жёстких мер. Подобная конструкция присутствовала в речи Г. Меир в 1972 г. после теракта в Мюнхене. В первую очередь она отрицала возможность уступить нападавшим: «Мы не будем разрывать многочисленные связи с нашими гражданами за рубежом и с другими странами. Мы не перестанем принимать участие в международной жизни...»³¹. Меир признаёт, что «террористическая деятельность... по своей природе непредска-

зума... невозможно обеспечить полную защиту израильских граждан...»³². Тем не менее: «[преследовать террористов] – это наша обязанность перед собой и миром. И мы должны исполнять её бесстрашно... только благодаря мужеству мы сможем преодолеть и победить опасность»³³.

Показательным образом рассматриваемая конструкция была артикулирована и после взрывов американских посольств в Африке в 1998 году. *Во-первых*, в речи президента США важен эмотив страха, а именно борьба со страхом: «Мы поможем людям всех вероисповеданий во всех частях мира, которые хотят жить без страха и насилия...»³⁴. *Во-вторых*, он говорит о неуклонности и решимости как единственно возможном ответе США на атаку: «Самое мощное оружие в нашей борьбе с терроризмом – это наша решимость никогда не сдаваться... мы не уступим этой угрозе... ослабить наше сопротивление терроризму – это дать ему победу, которую он не должен получить и не получит»³⁵.

Первая половина связки (эмотив борьбы со страхом) остаётся и в речах Дж. Буша после 11 сентября 2001 года: «С каждой их жестокостью они надеются, что Америка начнёт бояться... Я знаю, что многие жители испытывают страх этим вечером, но я прошу вас быть спокойными и решительными даже перед лицом непрекращающихся угроз...»³⁶. Реакцией США, по мнению Буша, должно стать возникновение совершенно иных эмоций, и здесь на первый план выходит традиционный для США

³¹ 39 Statement to the Knesset by Prime Minister Meir. Israel Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. 1972. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/mfadocuments/yearbook/1/pages/39%20statement%20to%20the%20knesset%20by%20prime%20minister%20meir.aspx> (accessed: 11.02.2021).

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Transcripts of President Clinton's Two Speeches Following the U.S. Air Strikes against Sudan and Afghanistan. SpringerLink [Электронный ресурс]. 1998. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&src=js&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewii76awy9zuAhVypYsKHWf2B7YQFjAAegQIAhAC&url=https%3A%2F%2Flink.springer.com%2Fcontent%2Fpdf%2Fbbm%253A978-0-230-10122-7%252F1.pdf&usq=AOVvaw1nhBlit04yX1cFXj3MZnBB> (accessed: 11.02.2021).

³⁵ Ibid.

³⁶ Text: President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021).

эмотив гнева в сочетании с решимостью: «Картина самолётов, врезающихся в здания... наполнила нас неверием, ужасной грустью и тихой, непоколебимой яростью. Эти массовые убийства были направлены на то, чтобы напугать нашу страну и заставить отступить. Но они потерпели неудачу... Наше горе превратилось в гнев, а гнев — в решимость... И наша решимость не должна исчезнуть»³⁷. Иными словами, речь идёт не о разрушительном гневе, проявляющемся во вспышках ярости, но о разновидности пассионарности, которая должна помочь людям не сойти с намеченного пути и мужественно двигаться по нему.

По аналогии с американским коллегой Президент Российской Федерации В. Путин после теракта в Беслане определил цели террористов в связи со страхом: «Те, кто послал бандитов на это ужасное преступление, ставили своей целью сравнить наши народы, запугать граждан России, развязать кровавую междоусобицу...»³⁸. Он признал, что российское государство и общество «...проявили слабость. А слабых — бьют»³⁹, следовательно, необходимо продемонстрировать силу и решительность. «...в действительности никакого выбора у нас просто нет. Потому что стоит нам позволить себя шантажировать и поддаваться панике, как мы погрузим миллионы людей в нескончаемую череду кровавых конфликтов... Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности... Мы были и всегда будем сильнее их...»⁴⁰ — такой вывод делает российский лидер, исполь-

зуя устоявшуюся компенсаторную связку «борьба со страхом — решимость».

Следовал ей и премьер Индии М. Сингх после терактов в Мумбаи 2008 года. Он указывал: «Хорошо спланированные и реализованные атаки... были направлены на то, чтобы посеять чувство паники...»⁴¹. А реакцией должны стать «самые решительные меры, чтобы подобные террористические атаки не повторились... Мы будем преследовать этих людей и позаботимся о том, чтобы каждый преступник... заплатил высокую цену...»⁴².

Выступление Ф. Олланда семь лет спустя также было выстроено по рассматриваемой модели. Цель террористов, согласно французскому президенту, состояла в стремлении посеять страх, но ответом будет решительность и продолжение существующей политики, даже её усиление: «Террористы верят, что свободные люди позволят устрашить себя ужасом. Это не так... их цель вполне ясна: посеять страх, чтобы разделить нас... те, кто заказал атаки в Париже, должны знать, что они не только не подорвали решимость Франции, но и укрепили нашу решимость уничтожить их...»⁴³. Далее Олланд говорил об интенсификации операции против ИГИЛ на Ближнем Востоке в качестве доказательства эмоционального режима, конституируемого через дискурс.

Рассмотренный эмпирический материал демонстрирует, что компенсаторный механизм в троичной структуре включает два аспекта. Первый — это эмотив с фокусом

³⁷ Text: President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021).

³⁸ Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Text — Prime Minister's statement on Mumbai attack. Reuters [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-36741320081127?edition-redirect=in> (accessed: 11.02.2021).

⁴² Ibid.

⁴³ 16 November 2015 — François Hollande's Speech Before a Joint Session of Parliament. Permanent mission of France to the United Nations in New York [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://onu.delegfrance.org/Francois-Hollande-s-Speech-Before-a-Joint-Session-of-Parliament> (accessed: 11.02.2021).

на отрицании страха, акцент на том, что главная цель террористов не будет достигнута. Вместо этого дискурсивные агенты призывают ответить решимостью, которая составляет второй аспект механизма компенсации. В случае США это дополняется эмотивом гнева, который тем не менее функционирует в общей описанной выше рамке и не изменяет бинарной оппозиции «борьба со страхом – ответная решимость». Примечательно, что рассматриваемая конструкция почти не изменилась за сорок лет. Наконец, сожаление и компенсация становятся полноценной структурой эмоциональной культуры во многом потому, что ведут к необходимости реализации её третьего элемента – солидарности.

Последний элемент структуры – эмотив солидарности – также включает в себя две потенциальные части. *Во-первых*, это призывы к общенациональному единству. Терракты описываются как атака на всю страну, на каждого её жителя, на общие разделяемые ценности. *Во-вторых*, в определённых случаях может наблюдаться выражение международной солидарности⁴⁴. Обе эти составляющие присутствуют в речи Г. Меир 1972 года: «Мы должны продолжать организовываться и сплываться, чтобы встретить новые испытания... ради безопасности за границей нам потребуются добровольные усилия и готовность со стороны всех израильских субъектов – организаций, учреждений и частных лиц – вы-

езжающих за границу...»⁴⁵. Помимо единения на национальном уровне израильский лидер не забывает упомянуть и солидарность других государств, прежде всего ФРГ, в которой произошёл теракт: «Правительство Израйла полностью ценит решения властей Германии о применении силы для спасения заложников, когда не осталось другой альтернативы... Правительство США работает над разработкой и активизацией практических мер по предотвращению терроризма... Израиль приветствует эти первоначальные действия различных государств в данной области и надеется, что они будут продолжаться и активизироваться и в других странах»⁴⁶.

Атака на общие ценности более показательно выражена в речи У. Клинтона после взрывов американских посольств в Африке в 1998 году: «Американцы являются мишенью терроризма потому, что мы несём уникальную ответственность за лидерство в мире, потому что мы продвигаем мир и демократию и потому что мы едины против терроризма»⁴⁷. Согласно Клинтону, теракты касаются каждого члена общества: «Бомбы, убивающие невинных американцев, не нацелены только на них, но на сам дух нашей страны и дух свободы. Потому что террористы – враги всего, во что мы верим...»⁴⁸. Клинтон не забывает и о международном измерении, когда говорит, что террористы «убили американцев, бельгийцев и палестинских миротворцев... они

⁴⁴ Эмпирически свидетельства международной солидарности присутствуют в подавляющем большинстве случаев при террористических атаках, причём как по линии официальных каналов, так и на низовом уровне гражданского общества. Тем не менее лидеры далеко не всегда упоминают это в своих выступлениях. Здесь ключевым нюансом оказывается ситуативный политический контекст, когда лидеры в рамках первого элемента трюичной конструкции (демонстрация скорби в эмотиве сожаления) и второго элемента компенсаторной конструкции (ответная решимость) стремятся придать произошедшему международное измерение, в том числе обосновать необходимость определённого реактивного проекта (глобальная война с террором, построение антитеррористической коалиции, проведение операций вне государственных границ).

⁴⁵ 39 Statement to the Knesset by Prime Minister Meir. Israel Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. 1972. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/mfadocuments/yearbook1/pages/39%20statement%20to%20the%20knesset%20by%20prime%20minister%20meir.aspx> (accessed: 11.02.2021).

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Radio Address by the President to the Nation. U.S. Department of State Archive [Электронный ресурс]. 1998. URL: https://1997-2001.state.gov/www/regions/africa/bombing_clinton_980808.html (accessed: 11.02.2021).

⁴⁸ Ibid.

планировали убить президента Египта и Папу»⁴⁹.

Эмоциональным пиком выражения солидарности можно назвать выступления Дж. Буша после событий 11 сентября 2001 года. *Во-первых*, он отмечал общенациональное единение страны: «Мы отреагировали... отвагой наших спасателей, заботой о незнакомцах и соседях, которые пришли сдать кровь... это день, когда американцы всех слоёв общества объединяются... республиканцы и демократы объединились на ступенях Капитолия и поют «Боже, благослови Америку...»⁵⁰. *Во-вторых*, Буш особенно выделял международную поддержку: «Благодарю многих мировых лидеров, которые позвонили, чтобы выразить свои соболезнования и предложить помощь... произносятся молитвы на английском, иврите и арабском языках... Американцы никогда не забудут звуки нашего государственного гимна, исполненного в Букингемском дворце, на улицах Парижа и у Бранденбургских ворот...»⁵¹. Впоследствии этот эмоциональный порыв конвертировался в глобальную антитеррористическую коалицию.

Дискурсивная конструкция, связанная с эмотивом солидарности, не является исключительно западной, что видно из речи В. Путина в 2004 г. после теракта в Беслане. Как и его коллеги, российский лидер позиционировал трагедию в качестве всеоб-

щей: «Это не вызов Президенту, парламенту или Правительству. Это вызов всей России. Всеми нашему народу. Это – нападение на нашу страну»⁵². Он акцентировал внимание на взаимовыручке людей: «В Беслане... люди ещё больше заботились и поддерживали друг друга. И не боялись рисковать собой во имя жизни и покоя других»⁵³. По мнению президента, это столкновение ценностей: «Мы были и всегда будем сильнее их – и своей моралью, и мужеством, и нашей человеческой солидарностью»⁵⁴. Речь заканчивается прямым призывом к солидарности: «Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага»⁵⁵.

Аналогичным образом выстраивал свою речь и М. Сингх после терактов в Мумбаи 2008 года. В первую очередь, он благодарил полицейских, спецслужбы и «мужчин, которые пожертвовали своими жизнями в борьбе с террористами...»⁵⁶. Затем он обратился к международному измерению, замечая, что среди жертв были «гости из других стран»⁵⁷. Премьер заверил, что все ведомства будут «работать сообща, эффективно и решительно», а в конце подвёл аудиторию к необходимости солидарности: «Я призываю людей сохранять мир и согласие... Я уверен, что народ Индии объединится, чтобы противостоять этой серьёзной угрозе безопасности и целостности нации»⁵⁸.

⁴⁹ Transcripts of President Clinton's Two Speeches Following the U.S. Air Strikes against Sudan and Afghanistan. SpringerLink [Электронный ресурс]. 1998. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewii76awy9zuAhVypYsKHWF2B7YQFjAAegQIAhAC&url=https%3A%2F%2Flink.springer.com%2Fcontent%2Fpdf%2Fbbm%253A978-0-230-10122-7%252F1.pdf&usq=AOvVaw1nhBlt04yX1cFXjJ3MZnBB> (accessed: 11.02.2021).

⁵⁰ Text: President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021).

⁵¹ Ibid.

⁵² Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Text – Prime Minister's statement on Mumbai attack. Reuters [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-36741320081127?edition-redirect=in> (accessed: 11.02.2021).

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid.

Ярким примером функционирования конструкции в периоды борьбы с ИГИЛ можно назвать речь Ф. Олланда после терактов в Париже 2015 года. *Во-первых*, он призвал к общенациональной солидарности: «Я хотел бы выступить на совместном заседании парламента, чтобы продемонстрировать наше национальное единство»⁵⁹. Олланд тут же увязал теракты с борьбой против французских ценностей: «Они [атаки] являются актом агрессии против нашей страны, её ценностей, молодежи и её образа жизни...»⁶⁰. По мнению Олланда, принципиально наличие международной поддержки: «Я получаю послания солидарности от глав государств и правительств всего мира. А три цвета французского флага украсили самые известные достопримечательности»⁶¹. Таким образом, мотив солидарности с его двумя опциональными компонентами — общенациональной и международной — внёс вклад в формирование рассматриваемой автором эмоциональной структуры.

* * *

Транснациональная структурная общность может быть, таким образом, концептуализирована через понятие эмоциональной культуры С. Кошута. Исследование показало, что в случае теракта все вышеперечисленные лидеры говорили почти об одних и тех же эмоциях. Это не означает, что все политики в любой точке мира делают то же самое. Задача работы состояла не в том, чтобы представить рассмотренную выше культуру как единственно доминирующую, но в концептуализации транснациональной структурной общности, что было бы невозможным, если сам факт её существования не доказан. Исследование подтвердило эмпирическое наличие транснациональной структурной общности в разных частях планеты и, сверх того, опро-

бовало инструментарий её деконструкции. Иными словами, работа показала, что определённая эмоциональная культурная конструкция существует, и эти выводы выведены на уровень обобщения, как минимум, шести рассмотренных случаев. Общность функционирует, так как определённый эмоциональный код соединяет событие теракта с публичным образцом чувствования, содержание которого находится внутри культурного сценария. Он состоит из трёх частей: мотив сожаления; компенсаторная конструкция, включающая в себя мотивы борьбы со страхом через ответную решимость; наконец, мотив солидарности.

В рассмотренных примерах присутствуют не только общие черты, но и уникальные характеристики. Например, в политической культуре США важное место занимает артикуляция эмоции гнева, слабо проявленная в других случаях. Тем не менее упомянутая троичная структура зафиксирована везде, дискурсивные агенты не опускают ни один элемент при её артикуляции. Дискурсивные агенты осознают роль эмоций в кризисные политические моменты после террористических актов. Представляется, что понятие мотивов У. Редди наилучшим образом подходит для дополнения концепции Кошута инструментарием прикладной работы с текстами. Редди показал свойства мотива как перформативного и констативного речевого акта одновременно [Reddy 2001: 63–112]. Кроме того, британец продемонстрировал, как дискурс-анализ эмоций работает применительно к словам, но сам Редди указал, что мотив может быть репрезентирован через телесные проявления [Reddy 2001: 331], и впоследствии этот тезис был поддержан его последователями [Bloomhall 2017: 7–10]. Сочетание концепций эмоциональной культуры и мотивов ещё не предо-

⁵⁹ 16 November 2015 – François Hollande's Speech Before a Joint Session of Parliament. Permanent mission of France to the United Nations in New York [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://onu.delegfrance.org/Francois-Hollande-s-Speech-Before-a-Joint-Session-of-Parliament> (accessed: 11.02.2021).

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid.

ставляет все ответы относительно функционирования структурной общности, но вооружает общей теоретической рамкой для базового осмысления данного важнейшего феномена международных отношений.

Развитие области изучения эмоций в социальных науках определялось сложной диалектикой при анализе общего и уникального с акцентом на последнем. Подобное положение отражает наследие периода эмансипации от биологической парадигмы в 1980-х годах, когда доказать право на существование культуроцентричных исследований в антропологии и истории эмоций означало показать множественность эмоциональных паттернов в пространстве и времени. Фокус на уникальном также предполагал трудности с фиксацией структурной общности. У. Редди увидел ядро проблемы, обратил внимание на связку между ситуацией/событием и публичным образом чувствования и концептуализировал это в виде эмоционального режима. Соотношение общего и уникального при репрезентации эмоциональных переживаний отразилось в международных исследованиях эмоций в виде разделения на микро- (частные случаи) и макроподходы (абстрактный теоретический уровень). Следствием этого стало отсутствие внимания к структурной общности. Кроме того, исследователи склонны рассматривать общности на основе эмоций как коллективный субъект, а не часть системы в постпозитивистской онтологии, в результате чего повторяемость в качестве базиса структуры ускользает от анализа.

Если структурная общность внутри национального государства может быть осмыслена через теорию У. Редди, то транснациональная – через концепцию эмоциональной культуры С. Кошута. В эмпирическом разделе мы продемонстрировали её потенциал на примере кризисного реагирования после крупнейших терактов лидеров разных стран в 1970-х – 2010-х годах. Публичные образцы чувствования проявляются в разных участках транснациональной среды благодаря существованию социетальной общности – эмоциональной культуры.

Эмоциональные коды соединяют тип события (теракт) с надлежащими стандартами выражения коллективных эмоций – культурными сценариями. Рассмотренная структура трансляции эмоциональных переживаний состоит из трёх частей: мотив сожаления, компенсация (борьба со страхом через решимость) и мотив солидарности. Каждый из элементов структуры наблюдается в каждом из шести рассмотренных случаев, несмотря на то, что они относятся к различным периодам и странам. Со временем могла варьироваться степень насыщенности текстов эмоциональными категориями, но структура оставалась единой, культурный сценарий не менялся. Эмоциональная культура схватывает ядро проблемы – связку события с образом чувствования, которая обеспечивает повторяемость реакции. На практическом уровне концепция может быть дополнена понятием мотива У. Редди для осуществления работы с текстами в широком смысле, включая не только речевые акты.

Концепция эмоциональной культуры ещё находится в стадии становления и не может объяснить всех сторон работы транснациональной структурной общности. Например, остаётся туманным, как конкретно эмоциональная культура перемещается от одной страны к другой. Наша работа даёт основания предполагать, что, возможно, культура движется от ядра мир-системы к полупериферии и периферии. В дальнейшем возможны два пути исследований в данной области. Первый состоит в том, чтобы продолжить изучение эмоциональных культур и других концепций в конструктивистских исследованиях эмоций, идя индуктивным путём анализа случаев и делая последующие синтетические выводы на теоретическом уровне. Особого внимания заслуживает проблема изучения эмоциональной системы на глобальном уровне. Существует ли она? Как доказать её наличие? И главное – как она соотносится с транснациональной эмоциональной культурой? Второй же путь связан с эпистемическими интервенциями из смежных наук и дисциплин. Применительно к про-

блеме транснациональной структурной общности обращает на себя внимание потенциал социологического институционализма и исследований изоморфизма (феномен повторяемости схожих черт внутри разных организаций, включая государства). Одним из главных механизмов изоморфизма выступает мимезис – подражание одной организации другой в условиях неопределённости и нехватки альтернативных моделей поведения [DiMaggio, Powell 1983: 151]. Теракт и другие случаи манифестации структурной общности часто являются эксклюзивными событиями, поэтому можно говорить об эмоциональном миметическом изоморфизме. Модели социологического институционализма активно применяются в теории международных отношений (исследования норм в конструктивизме [Finnemore 1996] как яркий, но не единственный пример). Область изучения эмоций в международных исследо-

ваниях также может обогатиться за счёт эпистемических интервенций.

Наконец, в то время как в мировой академической среде исследования эмоций в международных отношениях бурно развиваются, в русскоязычных исследованиях внимание к данной проблематике практически отсутствует. Работы В. Аванской остаются почти единственными в своём роде, хотя Россия не может существовать вне эмоционального поворота, который наблюдается во всём мире. Эмоции имеют значение, в том числе в политике и международных отношениях. Настоящая статья призвана стимулировать академические дебаты в этой области знания. В рамках эмоционального поворота остаётся ещё много вопросов, каждый из которых обладает колоссальной значимостью как для развития теории международных отношений, так и для повседневного политического праксиса.

Список литературы

- Аванская В.А. История холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 4. С. 10–22.
- Аванская В.А. Методология изучения эмоций в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 3 (13). С. 42–60.
- Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 561 с.
- Abu-Lughod L. Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society. Berkeley: University of California Press, 2016. 384 p.
- Ahäll L., Gregory T. (eds). Emotions, Politics and War. New York: Routledge, 2015. 239 p.
- Bericat E. The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress // Current Sociology. 2016. Vol. 64. No. 3. P. 491–513.
- Broomhall S. (eds). Early Modern Emotions: An Introduction. New York: Routledge, 2017. 386 p.
- Crawford N.C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // International Security. 2000. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
- D'Aoust A.M. Ties That Bind? Engaging Emotions, Governmentality and Neoliberalism: Introduction to the Special Issue // Global Society. 2014. Vol. 28. No. 3. P. 267–276.
- Demertzis N. Emotions and Populism // Emotion, Politics and Society / ed. by S. Clarke, P. Hoggett, S. Thompson. Palgrave Macmillan, London, 2006. P. 103–122.
- Derrida J. Of Grammatology. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press; Corrected edition, 2016. 456 p.
- DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.
- Edkins J. Poststructuralism & International Relations: Bringing the Political back in (Critical Perspectives on World Politics). Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999. 161 p.
- Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Hoboken: Blackwell Publishing; Revised edition, 2000. 586 p.
- Fattah Kh., Fierke K.M. A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15. No. 1. P. 67–93.
- Finnemore M. Norms, Culture, And World Politics: Insights from Sociology's Institutionalism // International organization. 1996. Vol. 50. No. 2. P. 325–347.

- Foucault M.* Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. New York: Vintage, 1988. 320 p.
- Frijda N.H., Mesquita B.* The Social Roles and Functions of Emotions // Emotions and Culture / ed. by H. R. Markus, S. Kitayama. New York, 1994. P. 51–87.
- Geertz C.* The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
- Hall T.* Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2015. 248 p.
- Hutchison E.* A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami // International Political Sociology. 2014. Vol. 8. No. 1. P. 1–19.
- Hutchison E.* Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 378 p.
- Hutchison E.* Emotions, Bodies, and the Un/Making of International Relations // Millennium. 2019. Vol. 47. No. 2. P. 284–298.
- Hutchison E.* Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing // International Relations. 2010. Vol. 24. No. 1. P. 65–86.
- Hutchison E., Bleiker R.* Emotions, Discourse and Power in World Politics // International Studies Review. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 501–508.
- Hutchison E., Bleiker R.* Fear no More: Emotions and World Politics // Review of International Studies. 2008. Vol. 34. No. 1. P. 115–135.
- Hutchison E., Bleiker R.* Theorizing Emotions in World Politics // International Theory. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 491–514.
- Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics: New Edition. Princeton: Princeton University Press, 2017. 544 p.
- Koschut S.* Emotional (Security) Communities: The Significance of Emotion Norms in Inter-Allied Conflict Management // Review of International Studies. 2013. P. 1–26.
- Koschut S. et al.* Discourse and Emotions in International Relations // International Studies Review. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 481–508.
- Koschut S.* The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR // Journal of International Relations and Development. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 495–522.
- Koschut S.* The structure of Feeling – Emotion Culture and National Self-Sacrifice in World Politics // Millennium. 2017. Vol. 45. No. 2. P. 174–192.
- Lemmings D., Brooks A.* The Emotional Turn in the Humanities and Social Sciences / Emotions and Social Change. Historical and Sociological Perspectives // In Lemmings D., Brooks A. (eds). New York: Routledge, 2014. P. 3–18.
- Lutz C.A.* Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and their Challenge to Western Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 281 p.
- Mercer J.* Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics // Journal of International Relations and Development. 2006. Vol. 9. No. 3. P. 288–303.
- Nussbaum M.C.* Political Emotions. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2013. 457 p.
- Reddy W.M.* Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions // Cultural anthropology. 1999. Vol. 14. No. 2. P. 256–288.
- Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p.
- Rosaldo M.Z.* Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self & Social Life (Cambridge Studies in Cultural Systems). Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 286 p.
- Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca & London: Cornell University Press, 2006. 228 p.
- Ross A.A.G.* Coming in from the Cold: Constructivism and Emotions // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. No. 2. P. 197–222.
- Sasley B.E.* Emotions in International Relations // E-International Relations. 2013. URL: <http://www.e-ir.info/2013/06/12/emotions-in-international-relations> (accessed: 11.02.2021).
- Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. No. 4. P. 813–836.
- Tsygankov A.* The Frustrating Partnership: Honor, Status, and Emotions in Russia's Discourses of the West // Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. No. 3. P. 345–354.
- Waever O.* Identity, Communities and Foreign Policy: Discourse Analysis as Foreign Policy Theory / European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States // In Hansen L., Waever O (eds.). London; New York, 2002. P. 20–49.

EMOTIONS AND INTERNATIONAL RELATIONS

GLEB KOTSUR

Saint – Petersburg State University, Saint – Petersburg, 191060, Russia

Abstract

This article is the part of the recent emotional turn when the scholars of social science are paying more attention to the study of collective emotions in international affairs. The former dominance of the biological and essentialist paradigms in this field were replaced by a number of culture-centered approaches based on social constructivism, which were elaborated within two pioneering disciplines – anthropology of emotions and history of emotions. The influence of such a scientific revolution included the key axis of the common – unique with an emphasis on the latter. The IR has been also affected by an emotional turn when the field of constructivist emotional studies had been established in the early 2000s. The object of this work is the transnational structural common – collective emotional patterns that have recurrent nature and emerge beyond state borders. This part of reality has not been conceptualized by scholars. Therefore, the aim of the article is to fill an epistemological vacuum and outline the ways for conceptualization of transnational structural common. It is IR that seem to be the most suitable field to do this. The empirical case of the crisis response after terrorist attacks are analyzed as the example of the transnational structural common. This case is explored by the author through the framework of "emotion culture" by S. Koschut in combination with the concept of "emotives" by W. Reddy. Speeches by the leaders of Israel, the United States, Russia, India and France after six terrorist attacks from 1972 to 2015 allow to identify an integrated tripartite emotional structure, which is observed in each of the cases. This structure includes an emotive of pity; compensatory structure with the emotives of fighting fear through reciprocal determination; finally, an emotive of solidarity. This discursive structure functions in a stable way because the emotional code connects the type of event (terrorist attack) with the cultural script (tripartite structure). Finally, some approaches in sociological institutionalism would enrich future studies of emotion culture.

Keywords:

emotional turn; social constructivism; postpositivism; discourse; emotion culture; emotional codes; cultural scripts; international terrorism; fight against terror.

References

- Abu-Lughod L. (2016). *Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society*. Berkeley: University of California Press. 384 p.
- Åhäll L., Gregory T. (eds.) (2015). *Emotions, Politics and War*. New York: Routledge. 239 p.
- Avanskaja V. A. (2018). Metodologija izuchenija jemocij v mezhdunarodnyh otnoshenijah [Methodology for the Study of Emotions in International Relations]. *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 3 (13). P. 42–60.
- Avanskaja V. A. (2019). Istoriya kholodnoj vojny kak istoriya jemotsij: na primere gonki yadernykh vooruzhenij [The History of the Cold War as a History of Emotion: The Case of the Nuclear Arms Race]. *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 4. P. 10–22.
- Bericat E. (2016). The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress. *Current Sociology*. Vol. 64. No. 3. P. 491–513.
- Broomhall S. (ed.) (2017). *Early Modern Emotions: An Introduction*. New York: Routledge. 386 p.
- Crawford N. C. (2000). The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships. *International Security*. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
- D'Aoust A. M. (2014). Ties That Bind? Engaging Emotions, Governmentality and Neoliberalism: Introduction to the Special Issue. *Global Society*. Vol. 28. No. 3. P. 267–276.

- Demertzis N. (2006) Emotions and Populism. In: Clarke S., Hoggett P., Thompson S. (eds) *Emotion, Politics and Society*. Palgrave Macmillan, London. P. 103–122.
- Derrida J. (2016). *Of Grammatology*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press. 456 p.
- DiMaggio P. J., Powell W. W. (1983). The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.
- Edkins J. (1999). *Poststructuralism & International Relations: Bringing the Political back in (Critical Perspectives on World Politics)*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 161 p.
- Elias N. (2000). *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Hoboken: Blackwell Publishing. 586 p.
- Fattah Kh., Fierke K. M. (2009). A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East. *European Journal of International Relations*. Vol. 15. No. 1. P. 67–93.
- Finnemore M. (1996). Norms, Culture, And World Politics: Insights from Sociology's Institutionalism. *International organization*. Vol. 50. No. 2. P. 325–347.
- Foucault M. (1988). *Madness and civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. New York: Vintage. 320 p.
- Frijda N. H., Mesquito B. (1994). The Social Roles and Functions of Emotions. In Markus H. R., Kitayama S. (eds.) *Emotion and Culture: Empirical Studies of Mutual Influence*. New York: American Psychological Association. P. 51–87.
- Geertz C. (1973). *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books. 470 p.
- Hall T. (2015). *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 248 p.
- Hutchison E. (2014). A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami. *International Political Sociology*. Vol. 8. No. 1. P. 1–19.
- Hutchison E. (2016). *Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma*. Cambridge: Cambridge University Press. 378 p.
- Hutchison E. (2019). Emotions, Bodies, and the Un/Making of International Relations. *Millennium*. Vol. 47. No. 2. P. 284–298.
- Hutchison E. (2010). Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing. *International Relations*. Vol. 24. No. 1. P. 65–86.
- Hutchison E., Bleiker R. (2017). Emotions, Discourse and Power in World Politics. *International Studies Review*. Vol. 19. No. 3. P. 501–508.
- Hutchison E., Bleiker R. (2008). Fear no More: Emotions and World Politics. *Review of International Studies*. Vol. 34. No. 1. P. 115–135.
- Hutchison E., Bleiker R. (2014). Theorizing Emotions in World Politics. *International Theory*. Vol. 6. No. 3. P. 491–514.
- Jervis R. (2017). *Perception and Misperception in International Politics: New Edition*. Princeton: Princeton University Press. 544 p.
- Koschut S. (2013). Emotional (Security) Communities: The Significance of Emotion Norms in Inter-Allied Conflict Management. *Review of International Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 1–26.
- Koschut S. (2018). The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 21. No. 2. P. 495–522.
- Koschut S. (2017). The Structure of Feeling – Emotion Culture and National Self-Sacrifice in World Politics. *Millennium*. Vol. 45. No. 2. P. 174–192.
- Koschut S., Hall T. H., Wolf R., Solomon T., Hutchison E., Bleiker R. (2017). Discourse and Emotions in International Relations. *International Studies Review*. Vol. 19. No. 3. P. 481–508.
- Lemmings D., Brooks A. (2014). The Emotional Turn in the Humanities and Social Sciences. In Lemmings D., Brooks A. (eds.) *Emotions and Social Change. Historical and Sociological Perspectives*. New York: Routledge. P. 3–18.
- Lutz C. A. (1988). *Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and their Challenge to Western Theory*. Chicago: University of Chicago Press. 281 p.
- Mercer J. (2006). Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 9. No. 3. P. 288–303.
- Nussbaum M. C. (2013). *Political Emotions*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press. 457 p.
- Plamper Y. (2018). *Istoriya jemotsij [The History of Emotions: An Introduction]*. Moscow. 561 p.
- Reddy W. M. (1999). Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions. *Cultural Anthropology*. Vol. 14. No. 2. P. 256–288.
- Reddy W. M. (2001). *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press. 380 p.

- Rosaldo M. Z. (1980). *Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self & Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press. 286 p.
- Rosenwein B. H. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca & London: Cornell University Press. 228 p.
- Ross A. A. G. (2006). Coming in from the Cold: Constructivism and Emotions. *European Journal of International Relations*. Vol. 12. No. 2. P. 197–222.
- Sasley B. E. (2013). Emotions in International Relations. *E-International Relations*. URL: <http://www.e-ir.info/2013/06/12/emotions-in-international-relations> (accessed: 11.02.2021).
- Stearns P. N., Stearns C. Z. (1985). Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *The American Historical Review*. Vol. 90. No. 4. P. 813–836.
- Tsygankov A. (2014). The Frustrating Partnership: Honor, Status, and Emotions in Russia's Discourses of the West. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 47. No. 3. P. 345–354.
- Waever O. (2002). Identity, Communities and Foreign Policy: Discourse Analysis as Foreign Policy Theory. In Hansen L., Waever O (eds.) *European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States*. London; New York: Routledge. P. 20–49.

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ОТ ТРАМПА К БАЙДЕНУ ЧТО ЖДЁТ НАТО?

ЮРИЙ ГОЛУБ
СЕРГЕЙ ШЕНИН

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу процесса трансформации НАТО в постбиполярный период и прогнозированию перспектив альянса. В контексте эволюции блока, а также с учётом различных подходов к внешней политике США со стороны двух ведущих партий и наиболее влиятельных политико-идеологических групп авторы исследуют причины ухудшения трансатлантических отношений, в том числе то, как Вашингтон использовал потенциал альянса для решения своих стратегических задач в прошлом и настоящем. Отмечается, что после окончания «холодной войны» все американские лидеры, хотя и в различной степени, были склонны к одностороннему подходу для достижения национальных интересов Соединённых Штатов с помощью НАТО, что способствовало аккумуляции недовольства в Европе американским доминированием в альянсе и стремлению к автономии в сфере обороны и безопасности. Фактически президент Д. Трамп продолжил консервативную политику Б. Обамы в отношении НАТО, которая должна была обеспечить реализацию стратегии «поворота в Азию». Использование республиканцем жёсткой риторики и угроз серьёзно подорвало трансатлантическую солидарность. Хотя консервативные политико-идеологические группы в США поддерживали подход Трампа как «эффективный», большинство группировок в обеих партиях (либералы, реалисты и неоконсерваторы) по разным причинам считали, что такая политика не отвечает американским интересам и необходимо рассмотреть возможность предоставления ЕС большей самостоятельности в сфере обороны и безопасности. Поскольку после победы Дж. Байдена инициатива по вопросу о политике НАТО перешла в руки представителей либеральных группировок, президенту в рамках внутрипартийной конкуренции придётся искать пути для синтеза точек зрения прогрессистов, реставраторов и реформистов. Делается вывод о том, что в контексте нового баланса сил в мире администрация Байдена, скорее всего, будет вынуждена отказаться от традиционного видения роли НАТО в пользу реформистской концепции стратегической автономии Европы.

Ключевые слова:

НАТО; Дональд Трамп; Джозеф Байден; Барак Обама; Европейский Союз; Россия; Китай; «поворот в Азию»; «стратегическая автономия»; консерваторы; либералы; реалисты; неоконсерваторы; реставраторы; реформисты.

Организация Североатлантического договора (НАТО) сыграла огромную роль в деле консолидации Запада во времена «холодной войны». После её окончания центро-

стремительные силы внутри альянса стали ослабевать. Тем не менее организация остаётся столпом евроатлантической солидарности. Постбиполярная история НАТО

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.03.2021

Дата принятия к публикации: 15.07.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: goloub@info.sgu.ru

характеризуется попытками со стороны США как лидера западного мира предотвратить дезинтеграцию объединения и адаптировать его к новым условиям. При этом политика Вашингтона выглядит противоречиво, поскольку ведущие партии, сменяющие друг друга во власти, имеют неодинаковые представления о путях трансформации НАТО.

В 2021 г. демократ Дж. Байден, отвергнув политику республиканца Д. Трампа «Америка прежде всего», провозгласил курс «Америка вернулась», предполагающий стремление укрепить трансатлантическую солидарность¹. Как долго этот курс просуществует и сможет ли снять противоречия внутри альянса, сказать трудно. Несмотря на публичный оптимизм европейских союзников, в стратегическом смысле НАТО остаётся на распутье.

В исследованиях российских специалистов обстоятельно показан многомерный характер взаимодействий внутри альянса. Отечественные авторы обращают внимание на ряд фундаментальных альтернатив, перед которыми стоят лидеры НАТО. Наиболее значимая проблема заключается в том, должно ли сохраниться традиционно жёсткое лидерство Вашингтона, или европейские участники могут получить некоторую автономию [Истомин и др. 2020; Арбатова 2015; Тимакова 2017]. Отсюда вытекает и вопрос о том, будут ли Соединённые Штаты нести на себе основное бремя затрат в альянсе, или нужно активнее распределять его между союзниками [Надточей, Христенко 2019; Истомин и др. 2020]. Кроме того, ряд исследователей подчёркивают, что альянс серьёзно страдает от противоречия между стремлением США придать активности НАТО глобальный характер и желанием европейцев ограничиться действиями на региональном уровне [Войтоловский 2017; Надточей 2014]. Российские авторы анализируют также неоднозначный вопрос о состоянии атланти-

ческой солидарности и её влиянии на стабильность альянса [Воронов 2017; Данилов 2019]. Наконец, отмечается важность стоящей перед НАТО дилеммы, связанной с тем, какие методы и инструменты должны использоваться союзниками — только военные или более широкого профиля [Войтоловский 2017; Манойло 2020].

Из приведённых оценок ведущих российских специалистов видно, что проблема трансформации НАТО на современном этапе изучается интенсивно и всесторонне. Тем не менее здесь можно выделить малоисследованный, но крайне важный для прогнозирования аспект, связанный с влиянием на эволюцию альянса американской «партийной многовекторности», которая отражается в политико-идеологических конструкциях ведущих групп влияния и отчётливо проявляется в историко-стратегическом контексте.

Частично указанную нишу заполняют зарубежные исследования. Например, С. Слоан и М. Мастандуно [Sloan 2008; Mastanduno 2008] дали глубокую и комплексную картину эволюции политики США в отношении НАТО с учётом фактора «партийной многовекторности», однако этот анализ касается только ранних этапов постбиполярной трансформации НАТО. Современные трактовки роли партийного фактора зачастую несут на себе отпечаток жёсткого внутриполитического противостояния элит и дают весьма поляризованные представления о будущем альянса [Kaufman 2017; Schrank et al. 2017; Sayle 2019; Burton 2018]. Что касается проблемы влияния отдельных групп интересов на американскую политику в отношении НАТО, то её зарубежные авторы касаются лишь фрагментарно [Wright 2020a].

Исходя из сказанного, в данной статье ставится цель определить общее и особенное в подходах американских демократов и республиканцев к кратко-, средне- и долгосрочным перспективам НАТО с учётом

¹ Biden Takes 'America Is Back' Message to Brussels. Voice of America. June 14, 2021. URL: <https://www.voanews.com/europe/biden-takes-america-back-message-brussels> (дата обращения: 15.05.2021).

эволюции стратегических планов США и сложившихся исторических трендов, а также позиций отдельных политико-идеологических групп, способных влиять на общепартийные подходы.

Лучше всего для достижения поставленной цели, по мнению авторов, подойдет использование исторического и системного методов. Хронологическая линейность и структурированность позволяют выявить закономерности процесса трансформации НАТО, а системность в оценке взглядов различных групп влияния в США предлагает наиболее ясную картину эволюции их представлений о судьбе и предназначении Североатлантического альянса. При написании статьи авторы опирались на те источники, которые позволяют выявить особенности подходов республиканских и демократических администраций к проблемам НАТО, в первую очередь на выступления лидеров американских администраций и фракций в Конгрессе, партийно-ориентированные СМИ, материалы аналитических центров.

1

Победа на президентских выборах Дж. Байдена, пользующегося репутацией либерального интернационалиста, была с удовлетворением воспринята большинством мировых лидеров. Во время предвыборной кампании он неоднократно утверждал, что в случае избрания постарается преодолеть популистский национализм президента Д. Трампа, исправить

ошибки курса «Америка прежде всего», остановить тренды, направленные на подрыв устоев либерального мирового порядка². Всё это, как предполагается, возможно при возвращении к внешнеполитическому курсу администрации Б. Обамы на глобализацию через поддержку демократий, либеральных норм, многосторонних институтов. В первую очередь, Байден обещал восстановить членство во Всемирной организации здравоохранения, вернуться в Парижское соглашение по климату, реабилитировать иранскую сделку.

Особенно переживает европейская элита за дальнейшую судьбу НАТО, поскольку администрация Трампа раскалывала альянс требованием «честного распределения финансового бремени», угрозами вывести войска из европейских стран и даже выйти из организации, а также сомнениями в приверженности статье 5 Североатлантического договора. «Мы — копилка, из которой они [европейцы] любят брать деньги», — заявлял Трамп³. При этом, гневно отмечают его оппоненты, он «обнимается с диктаторами и тычет пальцем в глаз нашим демократическим союзникам»⁴. Канцлера ФРГ А. Меркель Трамп назвал глупой, а саму Германию охарактеризовал как очень плохую, «хуже Китая» из-за её положительного торгового баланса с США и пригрозил наказать Берлин за невыполнение целевых показателей оборонных расходов НАТО [Bloch, Goldgeier 2020]. Результатом такой политики стало катастрофическое снижение доверия между союзниками⁵.

² The Power of America's Example: The Biden Plan for Leading the Democratic World to Meet the Challenges of the 21st Century. July 11, 2019. URL: <https://joebiden.com/americanleadership/> (дата обращения: 15.05.2021).

³ Langfitt F. Can Biden's Appreciation of NATO Turn Back the Clock to Pre-Trump Era? // National Public Radio. November 25, 2020. URL: <https://www.npr.org/2020/11/25/938763547/can-bidens-appreciation-of-nato-turn-back-the-clock-to-pre-trump-era> (дата обращения: 15.03.2021).

⁴ Sanger D. The End of 'America First': How Biden Says He Will Re-engage With the World // The New York Times. November 9, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/09/us/politics/biden-foreign-policy.html> (дата обращения: 15.03.2021).

⁵ De Luce D., Bradley M. After Trump, foreign allies wonder whether they can trust America, say former officials // NBCnews. November 15, 2020. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/after-trump-foreign-allies-wonder-if-they-can-trust-america-n1247715> (дата обращения: 15.05.2021); Boot M. Trump damaging NATO credibility and trust // SunSentinel. July 12, 2018. URL: <https://www.sun-sentinel.com/opinion/fl-op-viewpoint-trump-nato-damage-20180712-story.html> (дата обращения: 15.05.2021).

Байден в ходе предвыборной кампании обещал восстановить трансатлантическое единство, утверждая, что альянс необходим для американской национальной безопасности и защиты либеральной демократии во всем мире⁶. «Я решительно поддерживаю НАТО, — заявлял он. — Я считаю, что это самый значительный военный союз в мировой истории. Он стал основой, на которой мы смогли сохранить мир и стабильность в течение последних 70 лет»⁷. Кроме того, кандидат обещал расширить альянс, нарастить его финансирование, удвоить американские обязательства перед НАТО. На вопрос о том, кому он позвонит первому, если станет президентом, Байден ответил, что созовёт саммит НАТО, «чтобы было ясно, что мы вернулись»⁸.

Особенно вдохновило лидеров ЕС то обстоятельство, что команда Байдена состоит из представителей проевропейских элит. В частности, Т. Блинкен, назначенный государственным секретарём, известен как поборник трансатлантических отношений, ребёнком рос в Париже, даже даёт интервью на французском языке. Дж. Салливан, советник по национальной безопасности, играл ключевую роль по иранской ядерной сделке при президенте Обаме. Да и сам новый президент очень близок к Старому Свету и его проблемам. Он внёс личный вклад в воссоединение Германии, построение единой Европы, расширение НАТО и укрепление связей США с Центральной и Восточной Европой. К примеру, после того как 17 сентября

2009 года (в годовщину «советской агрессии против Польши») администрация Б. Обамы без предупреждения вышла из соглашения о строительстве американской системы ПРО на территории Польши и Чехии, Байден прилетал в Варшаву, чтобы поддержать американско-польские отношения. Именно он первым предложил разместить в Польше на постоянной основе подразделение ВВС США. В Польше его называют «не чужой человек» [Dębski 2020].

Воодушевлённая бюрократия альянса оперативно составила повестку на будущее, которая включает 138 рекомендаций по сплочению НАТО перед глобальными угрозами. Генсек НАТО Й. Столтенберг подтверждал, что Байден — это «активный поборник трансатлантических связей и сотрудничества между Северной Америкой и Европой, а также очень сильный сторонник НАТО»⁹.

Всё это совпадало с представлениями многих европейских элит о том, что, как только в Белом доме вместо Трампа появится Байден¹⁰, они окажутся в обамовском безмятежном мире, существовавшем до 20 января 2017 года. Подтверждение этих представлений триумфально состоялось на июньском саммите (2021) НАТО, когда в ответ на заверения Байдена о том, что американские обязательства по пункту 5 устава НАТО остаются «твёрдыми, как скала», члены альянса заявили о своей готовности консолидироваться, чтобы противостоять «военному авантюризму Москвы»¹¹.

⁶ The Power of America's Example: The Biden Plan for Leading the Democratic World to Meet the Challenges of the 21st Century. URL: <https://joebiden.com/americanleadership/> (дата обращения: 15.05.2021).

⁷ Langfitt F. Can Biden's Appreciation of NATO Turn Back the Clock to Pre-Trump Era?

⁸ Roache M. How will a Biden presidency impact NATO and Brexit? // Aljazeera. November 8, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/11/8/how-will-biden-impact-nato-and-brexit> (дата обращения: 15.03.2021).

⁹ Baron K. NATO Gears Up for Biden, Big Decisions on Afghanistan, China // Defense One. December 10, 2020. URL: <https://www.defenseone.com/threats/2020/12/nato-gears-biden-big-decisions-afghanistan-china/170691/> (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁰ Biden: How Europeans have reacted to President's visit // BBC. 16 June, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-57489588> (дата обращения: 15.05.2021).

¹¹ Brussels Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels, 14 June 2021. North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_185000.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.03.2021).

Вместе с тем проблемы НАТО в отношениях с США начались не с Трампа. Они копились весь период после окончания «холодной войны», когда трансатлантические отношения оказались заложником интересов Вашингтона. Эти интересы постоянно видоизменялись в зависимости от стратегий сменявших друг друга администраций. Если в годы биполярного противостояния в НАТО никто не оспаривал гегемонии США, то в период президентства У. Клинтона среди партнёров-европейцев стало накапливаться недовольство односторонними решениями Вашингтона. В 1990-х годах американская администрация продвигала в НАТО реформы, которые расширяли возможности союзников, что оценивалось европейцами положительно. Однако, определяя первых кандидатов на вступление в НАТО, Вашингтон проигнорировал мнение партнёров, считая, что это решение не подлежит обсуждению. Не получалось у европейских членов альянса убедить Клинтона и в необходимости вмешаться в гражданскую войну в Боснии. Только в 1995 г. американская администрация согласилась на этот шаг, но жёстко продиктовала свои условия. В 1998 г. европейцев встревожило, что Вашингтон начал военную операцию против Ирака, проигнорировав необходимость её одобрения со стороны СБ ООН. Сам Клинтон объяснил право на такие односторонние шаги тем, что США являются «незаменимой силой в мире» [Sloan 2008: 3].

Смена американской стратегии произошла в начале 2000-х годов, когда президент Дж. Буш-мл. сконцентрировал внимание на Ближнем Востоке. Причины этого понятны: группы интересов, стоявшие за семьёй Бушей, требовали от президента обеспечить контроль над мировыми ценами на энергоносители. Вместе с тем при вторжении в Афганистан администрация открыто отказалась от предложения помощи со стороны союзников, посчитав возможным

справиться с террористами самостоятельно, не замечая институциональных рамок альянса, что было воспринято европейцами с обидой [Mastanduno 2008: 40–41].

Ещё более жёсткий конфликт внутри НАТО произошёл в связи с Иракской войной, когда Вашингтон цинично проигнорировал мнение европейских союзников относительно правомерности нападения на эту страну. Провозгласив «доктрину Буша» и объявив о «новых» и «старых» демократиях в Европе, администрация явно провоцировала раскол альянса.

Такой подход вынудил некоторых представителей европейских «старых» демократий задуматься о формировании системного противовеса, позволяющего противодействовать призыву США. В апреле 2003 г. Германия, Франция, Бельгия и Люксембург приступили к обсуждению вопроса о достижении стратегической автономии Европейского Союза. В качестве первого шага предполагалось создать общеевропейский оперативный штаб, что шло значительно дальше, чем предполагали в Вашингтоне. И хотя в рамках этой встречи окончательного решения не было принято, дискуссии в ЕС на эту тему с того момента становятся только активнее [Годенов 2012].

В 2006 г. на саммите НАТО в Риге состоялось формальное примирение сторон, которые «согласились не соглашаться» друг с другом по поводу Ирака. Кроме того, европейцы пошли навстречу США и взяли на себя неформальное обязательство повысить до 2% ВВП свои военные расходы. В то же время они отвергли предложение Дж. Буша-мл. «глобализировать» альянс, то есть активизировать военное сотрудничество с демократиями за пределами Старого Света (с Австралией, Южной Кореей, Японией), поскольку опасались быть втянутыми в новые конфликты¹².

Тем не менее к 2008 г. усилиями Буша-мл. США основательно увязли в Афганистане

¹² Reynolds P. NATO looks for global role // BBC News. 27 November, 2006. URL: <https://web.archive.org/web/20131104121929/http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/6185738.stm> (дата обращения: 15.03.2021).

и Ираке, а после начала глобального экономического кризиса вся правящая американская элита пришла к консенсусу, что экономические трудности будут сохраняться длительное время, а ресурсов «выиграть две войны сразу» у США нет. Другой аспект двухпартийного консенсуса заключался в том, что основные события в ближайшее столетие будут разворачиваться в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а не на Ближнем Востоке или в Европе. Учитывая, что европейская часть НАТО не готова к активности за пределами континента, предполагалось, что американские военные ресурсы из других регионов будут переброшены в Азию, а место США займут союзники по НАТО. Данная стратегия получила название «поворота в Азию», или «тихоокеанского поворота»¹³.

Пришедший в Белый дом Б. Обама сразу начал готовить почву для реализации этой стратегии, включавшей примирение с исламским миром (скорее, его раскол) и так называемую «перезагрузку» с Российской Федерацией. Перенос акцента на Азиатско-Тихоокеанский регион не означал, что Китай становился конкурентом или тем более противником – Пекин оставался партнёром, которого необходимо заинтересовать в игре по глобальным (западным) правилам¹⁴.

Тем не менее схема не сработала: европейцы не смогли даже приступить к выполнению своей роли в предполагаемой «геополитической рокировке». Первым шагом на этом пути должно было стать свержение М. Каддафи в Ливии. Как впо-

следствии прокомментировал ситуацию сам Обама, «весь ливийский поход ... был частью кампании по борьбе с безбилетниками», то есть попыткой заставить членов альянса (в первую очередь Францию и Британию) играть более активную роль на Ближнем Востоке. Однако союзники провалились – бомб у них не хватило даже на месяц. По словам американского президента, европейцы превратили ливийскую кампанию в «дерьмовое шоу»¹⁵.

Кроме того, союзники не хотели наращивания своих военных расходов до 2% ВВП. После «холодной войны» они расслабились, резко снизили инвестиции в оборону и безопасность, считая, что могут получать «мирный дивиденд» за участие в победе «мира свободы» над коммунистическим лагерем. В результате если во второй половине 1980-х годов европейские члены НАТО тратили на оборону в среднем 3,1% ВВП, то к 2015 г. был достигнут самый низкий уровень – 1,4% ВВП [Kamp 2019].

К тому же европейцы обиделись на администрацию Обамы за «поворот в Азию» – с ними Вашингтон его не согласовывал. Они хотели бы активнее действовать в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а не топтаться на своей «тошей» периферии, откуда американцы спешили уйти из-за геополитических и коммерческих рисков [Kaufman 2017]¹⁶.

Наконец, надо упомянуть о непопулярности обязательств по НАТО у европейской общественности. К концу президентства Обамы, в 2015 году, опрос *Pew Research Center* показал, что в среднем 49% европей-

¹³ *Sverdrup-Thygeson B., Lanteigne M., Sverdrup U.* "For Every Action..." The American pivot to Asia and fragmented European responses. Brookings Institution. January 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/The-American-pivot-to-Asia-and-fragmented-European-responses.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁴ *Leung Z. and Depp M.* An American Consensus: Time to Confront China // *The Diplomat*. January 17, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/01/an-american-consensus-time-to-confront-china/>; Lieberthal K. The American Pivot to Asia. Brookings Institution. December 21, 2011. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-american-pivot-to-asia/> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁵ *Goldberg J.* The Obama Doctrine. The U.S. president talks through his hardest decisions about America's role in the world // *The Atlantic*. April, 2016. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁶ *Bromund T.* Are America's Allies A Bunch Of Free-Riders? *Forbes*. 21 April, 2016. URL: <https://www.forbes.com/sites/tedbromund/2016/04/21/are-americas-allies-a-bunch-of-free-riders/#6c6bdba36e89> (дата обращения: 15.05.2021).

цев считают, что их страна не должна защищать союзников, что свидетельствовало об отсутствии приверженности коллективной обороне¹⁷. Опрос 2017 г. продемонстрировал, что только 40% немцев предпочли бы использовать вооружённые силы своей страны для защиты союзника, если он будет захвачен Россией¹⁸.

Таким образом, переключить внешнюю политику США на Азиатско-Тихоокеанский регион у Обамы не получилось — союзники к этому не были готовы, и администрации пришлось, по крайней мере временно, вернуться на Ближний Восток. Вместе с тем от стратегии «разворота в Азию» и необходимости евро-американской рокировки никто в Вашингтоне отказываться не собирался. Надо было просто сменить тактику, чтобы заставить европейцев мобилизоваться (в первую очередь это касалось обеспечения 2% ВВП на военные расходы) и подготовиться к ближневосточной «новой миссии».

Важнейшая роль в этом отводилась общему врагу, а именно России, которая представлялась как возрождающаяся агрессивная держава. Чтобы убедить союзников в этом, администрации Обамы пришлось отказаться от «перезагрузки» и использовать воссоединение Крыма с Российской Федерацией как доказательство реваншистской внешней политики Москвы и необходимости её сдерживания.

К концу пребывания на посту Обама фактически расписался в провале своей политики. Он с горечью заявил, что его по-прежнему «раздражают безбилетники», имея в виду, что европейцы отказываются

нести «честную долю» бремени оборонной нагрузки и не хотят включаться в глобальную стратегию «поворота в Азию». После чего президент намекнул на возможность ужесточения американской политики в этом вопросе (такие настроения уже озвучивал кандидат в президенты Д. Трамп)¹⁹. К уходу Обамы в январе 2017 г. только четыре союзника США по НАТО (Великобритания, Греция, Польша и Эстония) тратили на оборону не менее 2% ВВП. В целом политика Обамы в отношении НАТО при реализации «поворота в Азию» была жёстко консервативной: не предусматривалось никаких реформ и уступок в вопросе европейской оборонной автономии (даже по модели У. Клинтона); предполагалось, что союзники останутся под полным контролем США, будут платить больше и выполнять более широкие обязанности.

Приход в Белый дом Д. Трампа положил начало очень тревожным временам для европейских партнёров США — все знали, что он не любил НАТО. Уже в самом начале президентства в попытке не допустить роста напряжённости в трансатлантическом сообществе Атлантический совет представил проект «новой сделки», своеобразный компромисс между американской моделью полного контроля в НАТО и растущими настроениями стратегической автономии в ЕС²⁰. Эта инициатива была нацелена на то, чтобы предотвратить переход Америки к односторонней политике, а Европы к изоляционизму.

В рамках «новой сделки» Европа не получала реальной самостоятельности, но расширение её обязанностей (борьба с тер-

¹⁷ NATO Publics Blame Russia for Ukrainian Crisis, but Reluctant to Provide Military Aid. Pew Research Center. June 10, 2015. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-but-reluctant-to-provide-military-aid/> (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁸ Germans least supportive of defending allies against Russia May. Pew Research Center. 22, 2017. URL: https://www.pewresearch.org/global/2017/05/23/natos-image-improves-on-both-sides-of-atlantic/pg_2017-05-23-nato-00-03/ (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁹ Goldberg J. The Obama Doctrine. The U.S. president talks through his hardest decisions about America's role in the world // The Atlantic. April, 2016. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (дата обращения: 15.03.2021).

²⁰ Pothier F., Vershbow A. NATO and Trump: The Case for a New Transatlantic Bargain. The Atlantic Council. June 2020. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/nato-and-trump/#:~:text=As%20part%20of%20the%20Atlantic,make%20progress%20on%20these%20crucial> (дата обращения: 15.03.2021).

горизмом на Ближнем Востоке, обеспечение местными ресурсами сил передового базирования, наращивание оборонного бюджета) должно было щедро поощряться такими шагами США, как укрепление кибернетической, химической, противоракетной и ядерной защиты, более надёжным военно-морским присутствием, включением финансирования EDI²¹ в постоянный оборонный бюджет США. В целом сделка должна была легитимировать новые взаимные обязательства членов альянса в соответствии с глобальной стратегией «поворота в Азию»²².

Тем не менее Трамп пошёл путём Обамы: никаких уступок, сделок, реформ или компромиссов (поскольку НАТО, по сути, остается единственным институциональным инструментом влияния на ЕС), а нежелание европейцев участвовать в реализации американской стратегии и активнее вооружаться для поддержания порядка на континенте и его периферии можно было, по его мнению, сломить, что он и попытался сделать.

Как отмечалось выше, Трамп настаивал на «устарелости» и «невыгодности» для США альянса, требовал от европейцев 2% (а потом и 4%) оборонных расходов от ВВП под угрозой отказа от обязательств по защите союзников, планировал вывод войск из Германии и даже намекал на выход США из НАТО. Как считают некоторые аналитики, именно в результате такого давления к концу президентства Трампа уже девять стран достигли уровня 2% оборонных расходов, а 28 из 29 членов НАТО активно наращивали военные бюджеты [Sharigi 2018; Coffey 2020]. Единственным исключением стала Германия, заявившая, что 2% ВВП она

обеспечит только к 2035 году, поскольку немецкие военные не в состоянии абсорбировать такие суммы, чем и спровоцировала новую порцию угроз со стороны Трампа²³.

Таким образом, вся постбиполярная история отношений между США и европейскими союзниками свидетельствует о постепенном нарастании противоречий и ослаблении «трансатлантического духа» внутри НАТО, что стало особенно заметно в период президентства Д. Трампа.

2

В американском политико-экспертном сообществе нет единой оценки результатов политики Трампа в отношении альянса. Консервативное крыло Республиканской партии горячо поддерживало усилия президента, утверждая, что он не пытался изменить внешнеполитический курс США, но продолжал действовать в русле двухпартийных подходов. Подобно своим предшественникам в XXI столетии, он рассматривал Иран, КНДР, Россию и Китай в качестве «плохих парней». На ЕС же (экономика которого в восемь раз больше российской) Трамп оправданно давил, вынуждая европейцев взять на себя «честную долю» бремени сдерживания Москвы в рамках стратегии «поворота в Азию» и перераспределения ресурсов НАТО²⁴.

Консерваторы подчёркивали, что, будучи «безумно эффективным» и «несомненным лидером» альянса, Трамп, по сравнению с администрацией Обамы, постоянно наращивал в Европе количество войск, ресурсов, кораблей и учений. Его администрация сумела добиться включения в повестку НАТО «китайской угрозы», а также разработала стратегическую программу

²¹ EDI (European Deterrence Initiative, Европейская инициатива сдерживания) — программа, инициированная Белым домом в июне 2014 г. с целью увеличения американского присутствия в Европе.

²² Pothier F., Vershbow A. NATO and Trump. The Case for a New Transatlantic Bargain.

²³ Payne A. Trump's decision to pull troops from Germany will weaken the US and boost Russia, says Merkel ally // Businessinsider. 30 July, 2020. URL: <https://www.businessinsider.com/donald-trump-germany-troops-weaken-us-nato-russia-merkel-ally-2020-7> (дата обращения: 15.03.2021).

²⁴ Olsen H. Trump is right to reduce troops in Germany // The Washington Post. June 17, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/06/17/trump-is-right-pull-troops-out-germany/> (дата обращения: 15.03.2021).

«30-30-30-30»²⁵ для нейтрализации российских планов на континенте [Carafano 2020].

Вместе с тем такое восторженное отношение к трансатлантической политике Трампа не разделяют другие группы американских элит. Например, либеральные политики и эксперты отчасти соглашаются с тем, что наращивание европейцами оборонного потенциала — это успех Трампа. Тем не менее они указывают, что сам по себе рост затрат на вооружение его мало интересовал, поскольку вся экономия от 2% ВВП и вывода войск из Германии никаких финансовых проблем Соединённых Штатов не решала. Трамп использовал эти подходы только для того, чтобы добиться уступок от Европы по вопросу торгового дефицита США, что негативно сказалось на состоянии трансатлантической солидарности.

Кроме того, считали американские либералы, такая политика президента соответствовала главной цели его администрации — разрушению глобальной сети многосторонних институтов, которые, как заявляли чиновники Государственного департамента, «неуклонно посягают на права суверенных наций» [Belin 2019]. Ослабление атлантической солидарности будет означать потерю союзников, превращение мирового порядка в «националистические джунгли» и неизбежное изменение правил мировой торговли в пользу конкурентов — Российской Федерации и Китая²⁶.

Группировка реалистов, примыкающая к Республиканской партии и ориентирующаяся на неконфликтные методы реализации национальных интересов, не согласна со стремлением президентов Обамы и Трампа выдавить из союзников военные расходы на уровне 2% ВВП, поскольку не от этого показателя зависит боеготовность армий государств-участников НАТО.

Практика показывает, что зачастую тот, кто даёт требуемый уровень расходов, не всегда эффективен и полезен для решения задач блока. Например, в Афганистане Греция, выделяющая 2,3% ВВП, оказалась бесполезной, в то же время как Дания, с её 1,2% ВВП, считается образцом выполнения общих задач альянса.

Если сумма военного бюджета стран НАТО в 16 раз превышает оборонные расходы России, считают эксперты-реалисты, то нет смысла добиваться от союзников увеличения расходов на доли процента и ради этого жертвовать трансатлантическими отношениями. Для роста обороноспособности альянса необходимы правильная стратегия, приоритеты и военная специализация его членов. Тратить надо не больше, а разумнее с военной точки зрения [Cordesman 2020].

Аналитики неоконсервативного направления пошли дальше всех в критике стратегии Трампа. Они соглашались с тем, что в мире, где Соединённые Штаты больше не могут безраздельно доминировать, США должны предпринять серьёзные усилия по перераспределению обязательств. В то же время в рамках стратегии «поворота в Азию» сохранить НАТО в традиционном виде не удастся, поскольку заставить европейцев взять на себя контроль за Ближним Востоком, а также сдерживание России практически невозможно [Schmitt 2018].

Во-первых, как отмечалось выше, европейская общественность неоднозначно относится к своим обязательствам в рамках НАТО, считая, что именно США должны защищать союзников. Правительства европейских стран рано или поздно будут вынуждены считаться с этими настроениями.

Во-вторых, неоконсерваторы предлагают вспомнить, что частью первоначального

²⁵ Программа требует, чтобы НАТО располагало 30 сухопутными батальонами, 30 эскадрильями истребителей и 30 кораблями, готовыми к развёртыванию в течение 30 дней. Кроме того, предусматривается создание расширенной инфраструктуры в Центральной Европе для быстрого развёртывания и применения вооружённых сил блока [Carafano 2020].

²⁶ Applebaum A. Trump hates the international organizations that are the basis of U.S. wealth, prosperity and military power // The Washington Post. July 2, 2018. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/07/02/trump-hates-the-international-organizations-that-are-the-basis-of-u-s-wealth-prosperity-and-military-power/> (дата обращения: 15.03.2021).

обоснования альянса было «сдерживание Германии» или, в более широком смысле, ограничение разрушительного соперничества за преобладание между европейскими государствами. В сегодняшних условиях рост расходов на оборону ФРГ до 2% ВВП позволит ей легко превзойти российские затраты и стать одной из крупнейших военных держав мира. Можно не сомневаться, что это вызовет новые конфликтные ситуации на континенте. Да и самой Германии это не нужно, поскольку будет способствовать дискредитации её экономического доминирования в ЕС [Rohas 2018].

Соответственно, лучший способ снять вышеуказанные противоречия внутри альянса заключается в том, чтобы США поддержали углубление оборонного сотрудничества внутри сильного (а не распадающегося) Европейского Союза в рамках концепции стратегической автономии. Эта идея пользуется широкой популярностью во всех странах ЕС, а кроме того, её реализация снимет призраки «германской военной угрозы», поскольку бундесвер будет частью европейской армии.

Конечно, такой подход приведёт к ослаблению влияния США на Европу. Тем не менее эту проблему можно решить, укрепив трансатлантическое единство через решительный ответ на «тройственный вызов» — общие расходы на оборону, общие стратегические перспективы и общие ценности. Что касается Трампа, то, хотя он и сумел повысить военные расходы европейцев, его циничные и эгоистичные действия разрушают атлантическую солидарность, без которой осуществить указанные реформы невозможно [Rohas 2018].

Таким образом, никто, кроме представителей консервативного крыла Республиканской партии, не одобрял натовскую политику Трампа. Большая часть влиятельных политико-экспертных групп, участвующих в процессе принятия внешнеполитических решений, считает, что сохранение «атлантического духа» важнее, чем прагматичное выдавливание денег из союзников. Соответственно, чтобы сохранить единство, европейским членам альянса нужно

предоставить возможность получить больше самостоятельности в сфере обороны и безопасности, хотя взамен от них необходимо требовать быть активнее в прилегающих к ЕС регионах, откуда США предполагают уйти.

З

Победа Байдена была принята с оптимизмом сторонниками трансатлантической солидарности, поскольку она расчищает путь для возвращения к политике Обамы. В Демократической партии группа политиков и экспертов, поддерживающих такую точку зрения, получила условное название «реставраторов».

Последние считают, что внешняя политика Обамы была эффективна и сегодня не утратила своей актуальности. Эта политика исходила из приоритета глобализации и либерального интернационализма, превосходства демократии и демократического лагеря. Реставраторы уверены в необходимости продолжить политику глобального «искреннего» мультилатерализма, способствовать распространению демократии, наращивать национальную военную мощь, но в то же время не заявлять громко о стратегических целях США, чтобы избежать идеологического разлома в мировой политике. Необходимо вернуться к сделкам о свободной торговле, таким как Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство и Транстихоокеанское партнёрство. На Ближнем Востоке предлагается восстановить иранскую ядерную сделку, противостоять терроризму, избегать широкомасштабных силовых интервенций, но выполнять традиционную стабилизирующую роль Америки в регионе.

Реставраторы считают важным поддержать и активизировать стратегию «поворота в Азию», но она не должна носить откровенно антикитайский характер. По отношению к КНР требуется сбалансированный подход, то есть следует рассматривать Пекин как партнёра, а не геополитического конкурента и не разрывать цепочки экономической кооперации. Такая позиция не позволит сорваться в конфликт, аналогич-

ный «холодной войне», и со временем создаст возможность интегрировать КНР в глобальный либерально-демократический порядок [Wright 2020a].

Из этой стратегии реставраторов вытекает и взгляд на судьбу НАТО. Альянс, по их мнению, должен сохраниться в неизменном виде как важнейший инструмент непосредственного влияния США на ЕС. Необходимо подтолкнуть рост военной мощи союзников с помощью требования обеспечить 2% ВВП военных расходов, а также перераспределить региональную ответственность, включая сдерживание России и борьбу с терроризмом на Ближнем Востоке, то есть, фактически, заключить ранее выдвигавшуюся «новую сделку».

У реставраторов внутри лагеря нового президента есть «дежурные» оппоненты — левые прогрессисты. Тем не менее больших неприятностей от них сторонники возврата к политике Обамы не ожидают. Маловероятно, что прогрессисты будут внятно играть на внешнеполитическом поле, их больше интересует внутренняя социально-экономическая и климатическая повестка. В этой связи левые скептически относятся к высоким расходам на оборону и хотя бы демилитаризовать внешнюю политику США. Они могут вмешаться только в вопросы отношений с Китаем и Ираном, поскольку выступают против внешней политики, построенной на жёсткой конкуренции, и опасаются новой «холодной войны»²⁷.

Ещё до выборов 2020 г. в Демократической партии неожиданно стал назревать раскол по вопросу внешнеполитической стратегии и вытекающей из неё проблеме НАТО. В качестве альтернативы реставраторам внутри лагеря Байдена выдвинулась группа реформаторов, которые во многом (хотя и не во всём) черпают идеи из неоконсервативной платформы. Эта группа не организована, она не имеет названия,

но проводит собраний, но проявляет себя в дискуссиях в прессе. К ней можно отнести сенаторов К. Кунса и К. Мёрфи, а также таких бывших чиновников администрации Обамы, как К. Кэмпбелл, Е. Ратнер, Дж. Салливан, Дж. Харрис, С. Ахмед, М. Карлин, Т. Уиттс, В. Нуланд, и других.

Представители этой группы считают, что при всех своих недостатках Трамп расчистил площадку для новой внешней политики, то есть Байдену можно с «чистого листа» начать делать то, что при Обаме делать было нельзя²⁸. Реформаторы считают невозможным возврат к внешней политике прошлого, поскольку за последние годы расстановка сил на международной арене радикально изменилась: на Западе либеральный интернационализм ослаб, националистический популизм усилился, а авторитаризм укрепился во всём мире. В этой связи целью внешней политики США не может оставаться либеральный международный порядок и глобализация. Успех «свободного мира», сохранение его влияния и лидерства уже нельзя гарантировать. Западные страны столкнулись с новыми проблемами, которые надо решать, если демократии хотят остаться у руля [Wright 2020b].

Конкретизируя свою стратегию, реформаторы напоминают, что Б. Обаме не удалось переместить центр тяжести американской внешней политики с Ближнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион, и сейчас с «поворотом в Азию» тянуть уже нельзя. В отношении КНР администрация Обамы допустила ошибку: считалось, что торговое сотрудничество с Китаем приведёт к его экономической либерализации и Пекин станет ответственным участником международного порядка, но этого не произошло. Сверх того, при Си Цзиньпине политическая система Китая стала более авторитарной, практически диктатурой, китайцы сконцентрировали свои усилия и

²⁷ Bernie Sanders on NATO. Feelthebern. URL: <https://feelthebern.org/bernie-sanders-on-nato/> (дата обращения: 15.03.2021).

²⁸ Dozier K., Hennigan W. Donald Trump's Foreign Policy Leaves Behind Destruction — and Opportunity — for Joe Biden // Time. December 3, 2020. URL: <https://time.com/5917389/joe-biden-foreign-policy/> (дата обращения: 15.05.2021).

ресурсы на ключевых направлениях конкуренции с Соединёнными Штатами. США за последние годы отстали и технологически, и экономически. Для того чтобы вернуть лидерство и реабилитировать демократию, необходимо изменить американскую внешнюю политику.

В первую очередь, реформаторы выступают за более конкурентную политику в отношении КНР. Это важно с точки зрения не только внешнеполитической стратегии, но и внутривластных приоритетов — надо, хотя бы отчасти, пойти навстречу антикитайской позиции республиканцев, ибо без двухпартийного консенсуса любой внешний курс обречён на провал. Правда, при этом США должны избегать жёсткой конфронтации и тем более конфликта с Пекином, оставляя открытым «окно возможностей» для сотрудничества по таким общим проблемам, как климат, здравоохранение, разоружение. Для того чтобы повысить конкурентоспособность США, необходима мобилизация внутренних ресурсов страны, что невозможно без усиления роли государства, а здесь главную роль призваны сыграть угрозы со стороны Китая.

Не менее значимую роль в предлагаемой стратегии играет мобилизация ресурсов демократических стран. Сотрудничество с демократиями должно стать базовым принципом американской внешней политики, позволяющим дистанцироваться от авторитарных стран и использовать ресурсы объединённого «свободного мира» для конкуренции с Китаем и Россией, даже если это чревато идеологическим разломом мировой политики, включая потерю авторитарных союзников, не представляющих жизненной важности для Запада.

Подчёркивают реформаторы и необходимость радикального снижения активности США на Ближнем Востоке («он больше того не стоит»), избегая ненужных военных интервенций, хотя и не исключая проведение антитеррористических операций.

Предусматривается сокращение традиционных обязательств, в первую очередь перед арабскими союзниками в Персидском заливе [Wright 2020a].

Из картины мира, которую представляют реформаторы, вытекает также судьба трансатлантизма и новая роль НАТО, отличающаяся от той, за которую ратуют реставраторы. Если Байден пойдёт по пути возврата к политике Обамы и будет пытаться сохранить НАТО для контроля за ЕС, заставляя союзников больше тратить на оборону и самим заботиться о собственных проблемах безопасности, он неизбежно столкнётся с сопротивлением Европы. После пандемии COVID-19 он может столкнуться с отказом от обязательств выделять 2% ВВП на оборону. Кроме того, союзники видят слабость Байдена, политический раскол в США, силу трампизма и не исключают возможный приход к власти новых лидеров из лагеря национал-популистов. Наконец, европейцы не смогут отказаться от китайских инвестиций — Пекин всё глубже проникает в Европу, и в настоящее время 18 из 30 членов НАТО имеют крупные экономические программы с КНР²⁹. В этой связи диалог между демократической администрацией и европейцами будет звучать позитивно, но реальное сближение, скорее всего, будет проходить долго и трудно, даже потому, что восстановление альянсов не будет приоритетом 46-го президента США, особенно в первый год его правления.

Учитывая все эти обстоятельства, реформаторы предлагают ряд мер, которые помогут преодолеть разлад в НАТО. *Во-первых*, Конгресс должен юридически закрепить возможность выхода США из альянса только при одобрении американских законодателей — это успокоит европейцев, которые не будут опасаться непредсказуемости исполнительной власти в Вашингтоне. *Во-вторых*, они рассматривают возможность отказа от требования к союзникам выделять 2% ВВП на военные нужды,

²⁹ Burke R. The Hidden Dangers in Biden's Foreign Policy // Defense One. December 7, 2020. URL: <https://www.defenseone.com/ideas/2020/12/hidden-dangers-bidens-foreign-policy/170519/> (дата обращения: 15.03.2021).

но взамен получить от них возможность координировать совместное противодействие вызову Китая. В-третьих, «поворот в Азию» США могут завершить только с более сильным Евросоюзом, способным контролировать свою периферию. В этой связи отношения внутри альянса должны эволюционировать от доминирования Соединённых Штатов (в котором больше нет необходимости) к взаимной поддержке, то есть, по сути, речь идёт о стратегической автономии ЕС, даже если она будет дублировать какие-то функции НАТО. В-четвёртых, США в рамках альянса должны играть новую роль — координатора деятельности в области безопасности между западными и восточными демократиями, при этом продолжая обеспечивать «ядерный зонтик» [Bloch, Goldgeier 2020]. Соглашаясь на стратегическую автономию Европы, реформаторы уверены, что основой трансатлантического единства должны стать ценности демократии. В то же время эти ценности бесполезны в борьбе с Китаем, против которого демократический блок должен применить геополитический инструментарий.

Надо отметить, что реформаторы мыслят прагматично и достаточно парадоксально для демократов, считая, например, что Байден может многое заимствовать из опыта Трампа. Небо не упало на землю, когда предшествующий президент предпринял шаги, которые Обама отчаянно боялся делать. Например, он предоставил украинцам «летальное оружие», за что безуспешно боролись многие демократы во времена администрации Обамы (в том числе бывший заместитель госсекретаря С. Тэлботт, бывший посол США в Украине С. Пайфер, бывший посол США в НАТО И. Даалдер и бывший заместитель министра обороны М. Флурной). Катастрофы не случилось, когда администрация Трампа

ракетами ответила на предполагаемое применение Асадом химического оружия или когда американские войска не побоялись вступить в прямой конфликт с Россией в Сирии. Реформаторы указывают также на то, что Трамп бескомпромиссно использовал тарифы в торговой войне с Китаем и жёстко выкручивал руки европейцам по поводу расходов на оборону³⁰. Хотя многие из этих политических аналитиков не согласны с целями и методами Трампа на внешнеполитической арене, они отмечают, что Байден вполне может использовать более решительные подходы предшественника в собственных целях, в том числе для предотвращения «дальнейшей эрозии демократии, сдерживания агрессии и реформирования мировой экономики» [Wright 2020b].

Принимая во внимание то обстоятельство, что реставраторы в Демократической партии преобладают, а электорат, голосуя за Байдена, скорее всего, видел в нём не только антитезу Трампу, но и преемника Обамы, наследие последнего будет трудно игнорировать — это капитал, на который новый президент-демократ обязан положиться, в том числе и в вопросах внешней политики и судьбы НАТО [Wright 2020b]. Тем не менее реформаторы уверены, что их точка зрения также будет услышана новым главой Белого дома, поскольку Байден был довольно смелым вице-президентом и часто выступал с более радикальных позиций, чем его шеф, например поддерживал идею отправки «летального оружия» Украине и более открыто, чем Обама, настаивал на конкуренции с Китаем.

В этой связи, с учётом того, что реформаторы и реставраторы принадлежат одной партии и пока не враждуют друг с другом, есть вероятность, что Байден сможет синтезировать их точки зрения. В частности, об этом говорят его кадровые решения.

³⁰ Karlin M., Wittes T. America's Middle East Purgatory. The Case for Doing Less // Foreign Affairs. January/February, 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-12-11/americas-middle-east-purgatory> (дата обращения: 15.05.2021); Indyk M. The Middle East Isn't Worth It Anymore // Wall Street Journal. January 17, 2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-middle-east-isnt-worth-it-anymore-11579277317>; Campbell K., Ratner E. The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations // Foreign Affairs. March/April, 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-02-13/china-reckoning>

Хотя большинство руководящих позиций в новой администрации заняли реставраторы, сторонники курса Обамы, высокие назначения получили и реформисты – Дж. Салливан, В. Нуланд, К. Кэмпбелл, П. Буттигиг, сенатор К. Кунс.

* * *

Возвращаясь к многочисленным развилкам, перед которыми находится Североатлантический альянс, а также к иерархии задач, которые авторы сформулировали во введении, можно сделать следующие выводы.

В краткосрочном плане у американского руководства есть два подхода к политике в отношении НАТО – восстановление атлантической солидарности за счёт уступок европейским членам (путь либералов Байдена) или рационализация отношений посредством принуждения к перераспределению финансового бремени (путь консерваторов Трампа). В среднесрочной перспективе США должны будут решать дилемму: пытаться сохранять традиционную модель одностороннего контроля за НАТО или ориентироваться на либеральную модель стратегической автономии Европы (правда, здесь партийные приоритеты решают не всё). В долгосрочном плане ведущие американские партии базируются на стратегическом консенсусе, связанном с необходимостью «поворота в Азию». Однако республиканцы при этом рассчитывают, что НАТО будет играть глобальную роль, а демократы предпочитают реструктуризацию функций внутри альянса.

Провозглашённый Дж. Байденом на саммите НАТО (июнь 2021, Брюссель) ло-

зунг «Америка вернулась»³¹ не означает, что путь выбран, проблемы альянса решены, противоречия сняты, традиционный тренд будет сохранён, а европейцы начнут безгранично доверять Америке. Тем не менее, как показал анализ подходов основных групп влияния в США, очень вероятно, что уже нынешняя администрация в Вашингтоне сможет начать поворот в сторону большей самостоятельности ЕС в сферах обороны и безопасности, то есть какой-то формы стратегической автономии. При этом, скорее всего, проблема восстановления трансатлантической солидарности будет рассматриваться с реформистских позиций.

В первую очередь это связано с тем, что осмотрительность и осторожность политики Б. Обамы в отношении Китая уже неприемлема для большей части американской элиты. «Поворот в Азию» не просто не отменён, он должен форсироваться, иначе остановить расширение сферы влияния Китая будет невозможно. На этом, а не на заверениях Байдена базируется двухпартийный внешнеполитический консенсус в США. Тем не менее этот поворот невозможно осуществить без трансформации НАТО, без высвобождения американских ресурсов за счёт перераспределения ролей в альянсе, а другого плана для такой перестройки, кроме реформаторского, у Байдена не просматривается. Риторика «российской угрозы» – неотъемлемая часть этого плана, поскольку без неё заставить европейцев мобилизоваться и построить самоподдерживающую стратегическую автономию, так нужную Вашингтону, вряд ли удастся.

Список литературы

- Арбатова Н.К. Евроатлантические отношения в XXI веке: проблемы и сценарии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 31–37.
- Войтоловский Ф.Г. «Определение стратегических целей – это сфера идеологии...» // *Международные процессы*. 2017. № 1. С. 157–168.
- Воронов В.К. Европейский порядок: мировая смена парадигмы? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 3. С. 36–44.

³¹ Biden Takes 'America Is Back' Message to Brussels. Voice of America. June 14, 2021.

- Гаденов И.С.* Оперативные возможности общей политики безопасности и обороны Европейского Союза // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1. С. 75–79.
- Данилов Д.А.* Североатлантический альянс: бремя Трампа // Международная жизнь. 2017. № 4. С. 19–41.
- Данилов Д.А.* 70 лет НАТО: юбилей на фоне политических разногласий // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 6. С. 73–79.
- Истомин И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О.* Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 26–34.
- Манойло А.В.* Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 160–183.
- Надточей Ю.И., Христенко Д.Н.* Разделение финансового бремени в НАТО: старая проблема в новом звучании // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 56–77.
- Надточей Ю.И.* Назад в Евро-Атлантику: почему НАТО перестаёт быть глобальной организацией? // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 6. С. 18–30.
- Тимакова О.А.* Новый этап трансформации НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 4. С. 35–41.
- Belin C.* NATO matters, but the EU matters more. The Brookings Institution. April 2, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/04/02/nato-matters-but-the-eu-matters-more/> (дата обращения: 15.03.2021).
- Bloch A., Goldgeier J.* Reviving the trans-Atlantic relationship. The Brookings Institution. November 17, 2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/11/17/reviving-the-trans-atlantic-relationship/> (дата обращения: 15.03.2021).
- Burton J.* NATO's Durability in a Post-Cold War World. New York: SUNY Press, 2018. 294 p.
- Carafano J.* Defender-Europe Not a 21st Century REFORGER. The Heritage Foundation. February 7, 2020. URL: <https://www.heritage.org/defense/commentary/defender-europe-not-21st-century-reforger> (дата обращения: 15.03.2021).
- Coffey L.* U.S. Should Keep Troops in Germany. June 18, 2020. URL: <https://www.dailysignal.com/2020/06/18/us-should-keep-troops-in-germany/> (дата обращения: 15.03.2021).
- Cordesman A.* Ending America's Grand Strategic Failures. Center for Strategic and International Studies. June 22, 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/ending-americas-grand-strategic-failures> (дата обращения: 15.03.2021).
- Dębski S.* Biden and the World: What a U.S. Presidential Transition Means. Council on Foreign Relations. November 12, 2020. URL: <https://www.cfr.org/article/biden-and-world-what-us-presidential-transition-means> (дата обращения: 15.03.2021).
- Kamp K.-H.* Myths Surrounding the Two Percent Debate: On NATO Defence Spending. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. September, 2019. URL: <https://www.baks.bund.de/de/node/2036> (дата обращения: 15.03.2021).
- Kaufman J.* The US perspective on NATO under Trump: lessons of the past and prospects for the future // International Affairs. 2017. Vol. 93. No 2. P. 251–266.
- Mastanduno M.* After Bush: A Return to Multilateralism in U. S. Foreign Policy? // Nanzan Review of American Studies. 2008. Vol. 30. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/236154374.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
- Rohac D.* NATO's Choice: Adapt or Die. CAPX. July 11, 2018. URL: <https://capx.co/natos-choice-adapt-or-die/> (дата обращения: 15.03.2021).
- Sayle T.A.* Enduring alliance: a history of NATO and the postwar global order. Ithaca: Cornell University Press, 2019. 346 p.
- Schmitt G.* NATO's strategic problem. American Enterprise Institute. July 12, 2018. URL: <https://www.aei.org/articles/natos-strategic-problem/> (дата обращения: 15.03.2021).
- Schrank P.G. et al.* The Rise of Populism and the Future of NATO // Global Politics Review. – 2017. Vol. 3. No. 2. P. 53–62.
- Shapiro J.* Trump's Meaningless NATO Spending Debate. The European Council on Foreign Relations. July 9, 2018. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_trumps_meaningless_nato_spending_debate (дата обращения: 15.03.2021).
- Sloan S.* How and Why Did NATO Survive Bush Doctrine? NATO Defense College. October, 2008. URL: <http://www.atlanticcommunity.org/How%20and%20Why%20Did%20NATO%20Survive%20Bush%20Doctrine.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
- Wright T.* Between restoration and change. The Brookings Institution. October 1, 2020a. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/10/01/between-restoration-and-change/> (дата обращения: 15.03.2021).
- Wright T.* The quiet reformation of Biden's foreign policy. The Brookings Institution. March 20, 2020b. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/03/20/the-quiet-reformation-of-bidens-foreign-policy/> (дата обращения: 15.03.2021).

FROM TRUMP TO BIDEN

WHAT WILL HAPPEN TO NATO?

YURII GOLUB

SERGEI SHENIN

Saratov State University, Saratov, 410012, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of the process of transformation of NATO in the post-bipolar period and forecasting the prospects of the alliance. In the context of the bloc's evolution, as well as taking into account the different approaches to US foreign policy on the part of the two leading parties and the most influential political and ideological groups, the authors investigate the reasons for the deterioration of transatlantic relations, including how Washington used the potential of the alliance to solve its strategic tasks in the past and present. It is noted that after the end of the Cold War, all US presidents to some extent used unilateral approaches to achieve the national interests of the United States at the expense of NATO, which contributed to the accumulation of discontent in Europe with American dominance in the alliance and the desire for a certain autonomy in the field of defense and security. In fact, President D. Trump continued the traditional conservative policy of B. Obama towards NATO, which was supposed to ensure the implementation of the strategy of "Pivot to Asia". The Republicans' use of harsh rhetoric and threats has seriously undermined transatlantic solidarity. Although conservative political and ideological groups in the United States actively supported Trump's approach as "effective", nevertheless, the majority of groups in both parties (liberals, realists and neoconservatives) for various reasons believed that such a policy does not meet American interests and it is necessary to consider the possibility of granting the EU greater independence in the field of defense and security. Since after Biden's victory, the initiative on the issue of NATO policy passed into the hands of representatives of liberal groups, the President will have to look for ways to synthesize the points of view of progressives, "restorationists" and "reformists" within the framework of internal party competition. It is concluded that in the context of the new balance of power in the world the Biden administration will most likely be forced to abandon the traditional vision of the role of NATO in favor of the "reformist" concept of "strategic autonomy" of Europe.

Keywords:

NATO; D. Trump; J. Biden; B. Obama; European Union; China; Russia; pivot to Asia; strategic autonomy; conservatives; liberals; realists; neoconservatives; restorationists; reformists.

References

- Arbatova N.K. (2015). Evroatlantscheskie otnosheniya v XXI veke: problemy i scenario [Euro-Atlantic Relations in the XXI century: problems and scenarios]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 11. P. 31–37.
- Belin C. (2019). NATO matters, but the EU matters more. The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/04/02/nato-matters-but-the-eu-matters-more/> (accessed: 15.03.2021).
- Bloch A., Goldgeier J. (2020). Reviving the trans-Atlantic relationship. The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/11/17/reviving-the-trans-atlantic-relationship/> (accessed: 15.03.2021).
- Burton J. (2018). *NATO's Durability in a Post-Cold War World*. New York: SUNY Press. 294 p.
- Carafano J. (2020). Defender-Europe Not a 21st Century REFORGER. The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/defense/commentary/defender-europe-not-21st-century-reforger> (accessed: 15.03.2021).
- Coffey L. (2020). U.S. Should Keep Troops in Germany. *The Daily Signal*. June 18. URL: <https://www.dailysignal.com/2020/06/18/us-should-keep-troops-in-germany/> (accessed: 15.03.2021).
- Cordesman A. (2020). Ending America's Grand Strategic Failures. Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/ending-americas-grand-strategic-failures> (accessed: 15.03.2021).

- Danilov D.A. (2019). 70 let NATO: yubiley na fone politicheskikh raznoglasij [70 years of NATO: anniversary amid political divisions]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. No. 6. P. 73–79.
- Danilov D.A. (2017). Severoatlanticheskij al'yans: bremya Trampa [The North Atlantic Alliance: Trump's burden]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 4. P. 19–41.
- Dębski S. (2020). Biden and the World: What a U.S. Presidential Transition Means. Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/article/biden-and-world-what-us-presidential-transition-means> (accessed: 15.03.2021).
- Istomin I.A., Bolgova I.V., Sushentsov A.A., Rebro O. (2020.) Logika evolyucii NATO: dostizheniya i perspektivy [NATO Evolution Logic: Achievements and Prospects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 1. P. 26–34.
- Godenov I.S. (2012). Operativnyye vozmozhnosti obshchej politiki bezopasnosti i oborony Evropejskogo Soyuzha [Operational capabilities of the common security and defense policy of the European Union]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 17. No. 1. P. 75–79.
- Kamp K.-H. (2019). Myths Surrounding the Two Percent Debate: On NATO Defence Spending. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. URL: <https://www.baks.bund.de/de/node/2036> (accessed: 15.03.2021).
- Kaufman J. P. (2017). The US perspective on NATO under Trump: lessons of the past and prospects for the future. *International Affairs*. Vol. 93. No. 2. P. 251–266.
- Manojlo A.V. (2020). Sovremennyye strategii kiberbezopasnosti i kiberoborony NATO [Modern NATO cybersecurity and cyber defense strategies]. *Aktualnye problemy Evropy*. No. 3. P. 160–183.
- Mastanduno M. (2008). After Bush: A Return to Multilateralism in U. S. Foreign Policy? *Nanzan Review of American Studies*. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/236154374.pdf> (accessed: 15.03.2021).
- Nadtochej YU.I., Hristenko D. N. (2019). Razdelenie finansovogo bremeni v NATO: staraya problema v novom zvuchanii [Sharing the financial burden in NATO: an old problem with a new meaning]. *Aktualnye problemy Evropy*. No. 1. P. 56–77.
- Nadtochej YU.I. (2014). Nazad v Evro-Atlantiku: pochemu NATO perestayot byt' global'noj organizaciej? [Back to the Euro-Atlantic: why is NATO ceasing to be a global organization?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 6. P. 18–30.
- Rohac D. (2018). NATO's Choice: Adapt or Die. CAPX. URL: <https://capx.co/natos-choice-adapt-or-die/> (accessed: 15.03.2021).
- Sayle T.A. (2019). *Enduring alliance: a history of NATO and the postwar global order*. Ithaca: Cornell University Press. 346 p.
- Schmitt G. (2018). NATO's strategic problem. American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/articles/natos-strategic-problem/> (accessed: 15.03.2021).
- Schrank P. G. et al. (2017). The Rise of Populism and the Future of NATO. *Global Politics Review*. Vol. 3. No. 2. P. 53–62.
- Shapiro J. (2018). Trump's Meaningless NATO Spending Debate. The European Council on Foreign Relations. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_trumps_meaningless_nato_spending_debate (accessed: 15.03.2021).
- Sloan S. (2008). How and Why Did NATO Survive Bush Doctrine? NATO Defense College. October, 2008. URL: <http://www.atlanticcommunity.org/How%20and%20Why%20Did%20NATO%20Survive%20Bush%20Doctrine.pdf> (accessed: 15.03.2021).
- Timakova O.A. (2017). Novyj etap transformacii NATO [A new stage of NATO's transformation]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*. No. 4. P. 35–41.
- Vojtlovskij F.G. (2017). «Opredelenie strategicheskikh tselej – eto sfera ideologii...» [“The definition of strategic goals is the sphere of ideology...”]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 1. P. 157–168.
- Voronov V.K. (2017). Evropejskij poryadok: mirovaya smena paradigmy? [The European Order: a global paradigm shift?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 3. P. 36–44.
- Wright T. (2020a). Between restoration and change. The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/10/01/between-restoration-and-change/> (accessed: 15.03.2021).
- Wright T. (2020b). The quiet reformation of Biden's foreign policy. The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/03/20/the-quiet-reformation-of-bidens-foreign-policy/> (accessed: 15.03.2021).

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННЕЙ ИСЛАМИЗАЦИИ

ГЕОРГИЙ МАЧИТИДЗЕ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В настоящей статье исследуются подходы Турции к борьбе с международным терроризмом, которые определяются доминирующими в этой стране исламистскими и националистическими идеями. Особое внимание автор уделяет выявлению причин всплеска исламизма в кемалистской Турции и его проявлениям во внутренней политике страны. Сделан вывод о том, что рост политического влияния ислама происходил в соответствии с идеологической платформой правящей Партии справедливости и развития (ПСР). «Умеренный» турецкий исламизм в интерпретации ПСР не препятствовал распространению в Турции салафитских идей и деятельности радикальных организаций. Светские традиции страны не смогли противостоять обозначившейся тенденции к укреплению радикального исламизма, который постепенно превратился во влиятельный и устойчивый элемент внутренней и внешней политики страны. Акцентируя внимание на стремлении турецкого руководства превратить Турцию в лидера исламского мира, автор выдвигает гипотезу, согласно которой интегральными частями политического процесса в Турции стали исламизм, авторитарность и турецкий национализм. В статье показано, какую роль в усилении радикального исламизма в Турции сыграли экстремистски настроенные граждане страны, которые в 1980-х и 1990-х годах участвовали в вооружённых конфликтах за рубежом. Для изучения отношения Анкары к ИГИЛ и «Аль-Каиде» использован метод сравнительного анализа. Исследован противоречивый подход Турции к оценке террористической сущности ИГИЛ и трансформация позиции Анкары от скрытного сотрудничества с ИГИЛ к открытой борьбе с этой группировкой на территории Турции. С «Аль-Каидой» отношения развивались в обратном направлении: сначала непримиримая борьба, а затем налаживание особых отношений со сторонниками организации в Сирии, что позволило Анкаре использовать их для борьбы с правительственными силами и ослабления неуправляемых экстремистских группировок в сирийской провинции Идлиб.

Ключевые слова:

Турция; международный терроризм; секуляризм; радикализация; исламизм; турецкий национализм; ИГИЛ и Аль-Каида¹.

¹ Террористические организации, запрещены в РФ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.03.2021

Дата принятия к публикации: 18.06.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: mggkabal@gmail.com

Введение

Статья посвящена анализу политики Турции в отношении международного терроризма в свете процессов внутренней исламизации и взаимодействия Анкары с глобальными террористическими организациями ИГИЛ и «Аль-Каида». Важность тематики с научно-практической точки зрения заключается в том, что проблема борьбы с международным терроризмом, который является одной из наиболее серьёзных угроз миру, безопасности и стабильности, находится в фокусе внимания как официальных структур различных государств и экспертов, так и средств массовой информации и международной общественности. Автор ставит перед собой задачу доказать, что процесс исламизации политических элит страны и в целом весомой части турецкого общества, который исподволь развивался в течение десятилетий, скреплённый идеей «османского наследия», привёл руководство ПСР к опасному заигрыванию с джихадистами в лице ИГИЛ и «Аль-Каиды».

Рассматриваемые в статье вопросы затрагивались в той или иной степени в работах российских исследователей. В частности, группа российских учёных во главе с известным востоковедом И. Звягельской справедливо полагает, что важными составляющими стратегии ПСР стали исламская солидарность и опора на «османское наследие» и что приход к власти представителей консервативных религиозных кругов повлёк за собой рост внимания к исламскому миру [Звягельская, Кожанов 2019].

В статье российского тюрколога П. Шлыкова подтверждаются новые подходы властей Турции к радикалам, нарастание активности местных радикальных группировок, в том числе отношение турок к ИГИЛ и «Аль-Каиде». Вместе с тем, как представляется, использование Анкарой джихадистов против Дамаска вряд ли можно объяснить «ошибочностью турецкой стороны в оценке развития ситуации в регионе по причине нехватки квалифицированных специалистов и возникшей в этой связи неопределённости» [Шлыков 2018]. В противовес этому утверждению автор настоя-

щей статьи настаивает на том, что прежде всего идейные убеждения руководителей ПСР привели к контактам с радикалами, а сами эти контакты стали рассматриваться как допустимые и эксплуатировались в политических целях. Данный тезис, по мнению автора, является значимым дополнением к корпусу идей, изложенных в предшествующих публикациях.

В работе российского тюрколога В. Надеин-Раевского достаточно убедительно показаны сложный и противоречивый характер действий Анкары по противодействию терроризму и экстремизму в стране, а также серьёзная эволюция, которую за несколько лет претерпело отношение турецких властей к ИГИЛ [Надеин-Раевский 2017]. Вместе с тем взаимодействие с ИГИЛ никак не увязано с длительным процессом внутренней исламизации в Турции. Автор посчитал возможным предпринять попытку дальнейшего развития данной тематики, исследуя взаимоотношения Турции с обеими глобальными террористическими организациями, ИГИЛ и «Аль-Каидой», на основе привлечения дополнительного более «свежего» материала.

Статья состоит из введения, трёх разделов и заключения. Логика построения разделов заключается в демонстрации в первой части политических и социально-экономических процессов, которые способствовали исламизации определённых элит и значительного сегмента турецкого общества, что в конечном счёте привело к взаимодействию с международными террористическими организациями. Во втором и третьем разделах отображён противоречивый подход Турции к оценке террористической сущности ИГИЛ и «Аль-Каиды», трансформация позиции Анкары от скрытного сотрудничества с ИГИЛ к открытой борьбе с этой группировкой, а также от борьбы с «Аль-Каидой» к налаживанию особых отношений со сторонниками этой организации в Сирии.

Исламское возрождение в Турции

Классический образ Турции как «европейской страны Азии», основы которой заложил Кемаль Ататюрк, определивший

восприятие этой страны внешним миром на протяжении XX века, длительное время вводил в заблуждение. В стране в самом деле сложилась политическая модель, опирающаяся на использование демократического процесса, осуществление национального суверенитета при поддержке народа, широкую независимость в реализации внешней политики. Тем не менее Турция никогда не была подлинно секулярным государством, которое бы жёстко разделяло сферы религиозного и светского. Турецкий секуляризм закреплял абсолютное господство и контроль над религией со стороны политической власти практически на всех уровнях.

При этом подавляющее большинство турецкого населения не разделяло связей атакюркской политической элиты с Западом. Турки в своей массе оставались религиозными суннитами ханафитской школы, гордились своим прошлым, в частности наследием Османской империи². Кемалисты, сохранявшие власть на протяжении всего XX века с опорой на принуждение, оттолкнули от себя значительную часть консервативного населения страны. Ограничения в отправлении религиозных обрядов привели к появлению нелегальных сект, орденов и обществ. В последней четверти XX века исламисты начали создавать собственные политические партии (Партия национального порядка, Партия национального спасения, Партия благоденствия, Партия добродетели), которые власти запрещали, обвиняя их в попытках реисламизации Турции, симпатиях к джихаду и стремлении ввести шариат.

Проводившаяся после 1980 г. либеральная экономическая политика способствовала развитию рыночных механизмов и

приватизации, а также внедрению новых коммуникационных технологий. Бурное экономическое развитие страны в этот период привело к формированию среднего класса³ и установлению стабильности, облегчивших сосуществование религиозных и традиционных ценностей с современными [Кудряшова, Матюхин 2013]. Усилилось влияние и расширились потребности исламского среднего класса (владельцев малых и средних предприятий), укрепились позиции умеренных религиозных групп (Движение Ф. Гюлена), Конфедерации справедливых рабочих профсоюзов (Хак-Иш), Ассоциации независимых промышленников и предпринимателей Турции (MÜSİAD) и Международной ассоциации исламского бизнеса (МАИБ). Эти тенденции имели кумулятивный эффект. Хак-Иш удалось зарекомендовать себя в качестве национальной силы, значение которой не ограничивается исламистскими требованиями. Конфедерация первой из исламистских организаций успешно использовала дискурс гражданского общества и демократии для продвижения интересов рабочих. Ассоциация независимых промышленников и предпринимателей, как влиятельный представитель исламской буржуазии, продемонстрировала сочетание исламской идентичности с идеологией свободного рынка и поддерживала открытие турецкой экономики и общества миру [Duran, Yıldırım 2005].

С начала 1990-х годов влияние ислама на политическую жизнь страны стало стремительно расти, прежде всего из-за разочарования широких слоёв населения цивилизационным выбором «светских» партий. В условиях постоянного экономического кризиса и увеличения уровня безработицы

² Koru S. Turkey's 200-Year War against ISIS. 25.07.2015. The National Interest. URL: <http://nationalinterest.org/feature/turkeys-200-year-war-against-isis-13412?page=show> (accessed: 18.02.2021).

³ Рост среднего класса обозначает структурный сдвиг, когда подавляющая часть населения страны перестаёт жить в нищете, а средний класс становится важным социальным и экономическим игроком, выполняя роль социального стабилизатора, экономического донора, культурного интегратора и административно-исполнительного регулятора. Материальное положение среднего класса позволяет потреблять большое количество товаров, продуктов и услуг, что является стимулирующим фактором для развития экономики, появления новых технологий, повышения занятости населения.

росла популярность политиков, апеллирующих к исламской модели. Процесс либерализации в Турции сопровождался усугублением неравномерности экономического роста, часто прерывавшегося спадами и периодами стагнации. Показатели инфляции в начале 1990-х превысили 60%. К концу 1990-х рост розничных цен составил 50% [Ульченко 2002], а безработица в сельском хозяйстве — 34,5%, в промышленности — 24,6% [Bildirici, Ersin 2012]. В результате социально-экономических преобразований важными новыми игроками на политической сцене Турции стали жители анатолийского центра, поддерживающие политические партии, которые подчёркивали пиетет к религиозным традициям и не приносили исламское наследие.

Российские эксперты И.В. Кудряшова и В.В. Матюхин видят глубинные причины исламизма в неоосманских тенденциях, получивших развитие в новейшее время. Особенно заметно османские мотивы проявились во внешнеполитической доктрине, разработанной Ахметом Давутоглу и неофициально именуемой «неоосманизмом». Она предполагает активное отстаивание национальных интересов и укрепление интеграционных процессов между странами, расположенными в географическом и культурно-историческом пространстве бывшей Османской империи. Турция, таким образом, претендует на роль регионального лидера на Балканах, Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Кавказе и в Центральной Азии [Кудряшова, Матюхин 2013].

Важную роль в процессе исламизации страны сыграло выдвижение на лидерские позиции Реджепа Тайипа Эрдогана. Двенадцатый президент страны учился в религиозном лицее имамов-хатыбов в Стамбуле. В 1984 г. он стал председателем отделения Партии благоденствия в стамбульском районе Бейоглу, а в 1985 — председателем стамбульского отделения партии, а также членом её высшего руководящего совета. На политические взгляды Эрдогана большое влияние оказал основатель политического ислама — председатель Партии бла-

годенствия (ПБ) Неджеттин Эрбакан. В ядро Партии справедливости и развития вошли бывшие члены партий благоденствия и добродетели.

Кульминацией процесса исламизации стала впечатляющая победа Партии справедливости и развития (ПСР) на выборах 2002 г. при поддержке религиозно ориентированных сил: правящая партия гордится своим «исламским происхождением». Уже на начальном этапе правления ПСР, вопреки воинствующему секуляризму командного состава армии и старой политической элиты, стала укрепляться традиция умеренного турецкого исламизма. Самое крупное народное движение «Нур», включающее также движение Фетхуллага Гюлена, происходило из того же традиционного анатолийского центра и предлагало аполитичное, толерантное и открытое возрождение ислама, ориентированное на образование, демократию, терпимость и формирование гражданского общества на основе моральных принципов ислама [Arbor 2006: 14]. «Нур» и сторонники Фетхуллага Гюлена представляли новую анатолийскую элиту, гордящуюся своим исламским наследием и поддерживавшую построение современной, технологически ориентированной, европейской страны до тех пор, пока это развитие не угрожает исламской идентичности. Так, естественным образом, сказалась особенность турецкой идентичности, выражающаяся в глубокой связи с защитой и распространением ислама в течение сотен лет.

Несмотря на «исламистское происхождение», ПСР заявила о себе как о правоцентристской партии с консервативно-демократической идентичностью, которая готова развивать отношения и с Западом, и с соседними государствами. В первый период пребывания партии у власти внимание Турции было обращено на выстраивание стабильных отношений с США. Главным препятствием к упрочению двустороннего диалога стал курдский вопрос. Для того чтобы не провоцировать его обострения, турецкое руководство выступило против свержения режима Садама Хусейна

и отказалось предоставить США военную поддержку в ходе иракской кампании. Проблема Турецкого Курдистана и курдских объединений в Ближневосточном регионе с тех пор оставалась камнем преткновения в отношениях Вашингтона и Анкары [Иванова 2017]. Другой составляющей турецкой внешней политики было стремление вступить в Европейский Союз. Тем не менее несовпадение ценностей и политических культур фактически исключили возможность интеграции Турции в европейское пространство [Турция между... 2001]. На политику США и ЕС, особенно после «арабской весны», Анкара отреагировала демонстративным поворотом в сторону государств Ближнего Востока, а затем и России.

В конце первого десятилетия XXI века ислам в Турции начал приобретать новые черты. Если в Османской империи преобладал суфизм и, соответственно, в богословской практике турки предпочитали принуждению призывы к диалогу [Ugur 2006: 338], то после 2011 г. ПСР не препятствовала распространению салафитских идей и деятельности радикальных организаций. Правительство разрешило глобальным исламистским сетям, в частности Братьям-мусульманам, использовать радио- и телевизионные каналы в Стамбуле для трансляции на египетскую аудиторию. Светские традиции страны не смогли противостоять тенденции к укреплению радикального исламизма, который постепенно превратился во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики страны.

При этом турецкое руководство не скрывало амбиций сделать Анкару лидером исламского мира⁴. Для этого по мере экономического роста страны её руководство выделяло всё больше средств на международную дипломатию и гуманитарную помощь, добиваясь улучшения имиджа

Турции не только среди сторонников ПСР, но и в рядах многомиллионной зарубежной турецкой диаспоры. Ряд организаций действуют в русле этой политики властей. Главным её проводником считается Национальная разведывательная организация Турции (НРОТ) под руководством Хакана Фидана, которая занималась поддержкой различных джихадистских группировок. Важный вклад в укоренение исламского радикализма в Турции и за рубежом вносит Управление по делам религии (УДР), располагающее обширной сетью имамов и другого персонала в стране и за её пределами. Управление, насчитывающее не менее 120 тысяч сотрудников, играет ключевую роль в расширении влияния ПСР, обрабатывая людей в мечетях и советуя им поддерживать политику правящей партии. Благодаря УДР турецкие мечети появляются по всему миру. Представители УДР привлекаются и к выполнению деликатных задач, связанных со сбором информации о противниках турецких властей [Hockenos 2017].

Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи — ещё одна неправительственная организация, которую используют турецкие правящие круги, притом не только для расширения своего влияния, но и для помощи джихадистским организациям, в том числе «Аль-Каиде» и ИГИЛ⁵. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТАСК) распространяет политическое и идеологическое влияние Турции на исламский мир посредством финансово-экономической помощи. Турецкий образовательный фонд — агентство, созданное для поддержания турецкого политико-идеологического присутствия за рубежом. Турецкий фонд содействия молодёжи и образованию (ТФСМО) и Турецкий молодёжный фонд (ТМФ): обе образовательные организации важны для привлечения той части турецкой моло-

⁴ *Idiz S.* Will Islamic world accept Turkey's leadership? 19.04.2016. Al-Monitor. URL: <https://www.almonitor.com/pulse/originals/2016/04/turkey-erdogan-oic-summit-pitch-for-islamic-leadership.html> (accessed: 19.02.2021).

⁵ Террористические организации, запрещённые на территории Российской Федерации.

дѣжи, которая поддерживает действующую власть.

Влияние этих фондов в стране и за рубежом резко возросло благодаря возможностям за счёт мощного административного ресурса приобретать объекты недвижимости. Министерство культуры и туризма способствовало радикализации турецкого общества путём распространения периодических изданий и книг салафитского содержания, в том числе для обеспечения публичных библиотек. В частности, министерство закупало книги «Обучение джихаду с помощью Корана и хадисов» и «Тридцать запретов шариата, наложенных на женщин», опубликованные издательством ИГИЛ «Гураба Яинэви» [Hammond 2015].

По мере того как Турция всё больше вовлекалась в дела Ближнего Востока, её дискурс стал отражать растущий исламистский акцент. Выступление Эрдогана на IV съезде ПСР 30 сентября 2012 г. символизировало новую идеологическую линию партии, направленную на демонизацию Запада при выраженном внимании к исламистским ценностям, которые были возвращены в официальную риторику и практику. Турецкий президент заявил: «Мы хотим воспитать религиозное поколение»⁶. В этих целях ПСР запустила амбициозный проект по исламизации общества. За несколько лет правительство утроило число религиозных лицеев и начало масштабную образовательную реформу, внедрив в программу государственного образования изучение Корана, жизни пророка Мохаммеда, османского языка⁷, курсы по истории ислама, прославляющие культ джихада и мученичества [Yilmaz 2018: 2]. Характерными реалиями Турции стали активное строи-

тельство мечетей, увеличение количества учащихся в религиозных школах, призывы к отказу от контрацепции, проверки на приверженность исламу перед приёмом на госслужбу. Эти меры способствовали радикализации мусульманской молодёжи в стране.

Вступив в борьбу против светских принципов, на которых в Турции ранее базировались отношения между государством и обществом, политический режим постепенно превращался в исламистский. Иными словами, был запущен политический процесс, интегральными частями которого являются исламизм⁸, авторитарность и национализм. Расширяющееся внедрение религиозных и консервативных тем в официальные выступления турецких государственных деятелей свидетельствовало о формировании «нового национализма», включающего религиозные и этнические ценности, а также отказ от сильного светского элемента ататюрковского видения [Duran 2013].

Значительную роль в распространении радикального исламизма сыграли экстремистски настроенные турки — ветераны афганской и боснийской войн. Имеются документальные свидетельства, что граждане страны в качестве иностранных боевиков участвовали в конфликтах в Огадене (Эфиопия), Кашмире (Индия) и Чечне (Россия)⁹. С 2012 г. нарастал поток турецких джихадистов, направлявшихся в Сирию и Ирак для участия в военных действиях на стороне террористических организаций. По некоторым оценкам, число турок, побывавших в Сирии и Ираке с 2012 по 2015 год, включая боевиков, семьи мигрантов, погибших на поле боя, и тех, кто вер-

⁶ *Erdogan R.T.* Dindar gençlik yetiştireceğiz. 02.02.2012. Hurriyet. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/dindar-genclik-yetistirecegiz-19825231> (accessed: 12.02.2021).

⁷ Османский язык — государственный язык Османской империи, лексика которого доходила в некоторых произведениях до 80 % арабских слов. Поэтому османский язык воспринимается достаточно широкими слоями населения Турции как язык Корана.

⁸ Исламизм (политический ислам) — религиозно-политическая идеология и практическая деятельность, направленные на внедрение в общественно-политическую жизнь государства норм шариата.

⁹ *Turkish Foreign Fighters in Ogaden.* 26.01.2015. The Loopcast. URL: <http://www.theloopcast.com/e/turkey-foreign-fighters-in-ogaden/> (accessed: 13.01.2021).

нулся в Турцию, достигает 10 тысяч человек¹⁰. Вернувшись на родину, ветераны создавали джихадистские ячейки, представляющие угрозу безопасности самой Турции.

Следует также упомянуть экстремистские исламистские группировки, прибегающие к насилию, которых породила современная турецкая история. Самые известные из них – это курдская «Хизбалла» (Худа-Пар)¹¹, «Тахшиеджилер»¹², «Капланджылар»¹³, «Великий восточный исламский фронт рейдеров» (IBDA-C)¹⁴ или «Исламский фронт воинов Великого Востока» и «Хизб ут-Тахрир»¹⁵. Эти террористические организации имели связи с «Аль-Каидой» и ИГИЛ. В числе прочего они помогали ИГИЛ вербовать сторонников в Турции. Хотя эти группировки в настоящее время ослаблены, они способствовали становлению инфраструктуры ИГИЛ в Турции.

Взаимоотношения Турции и ИГИЛ

Ещё в 2013 г. террористическая группировка ИГИЛ приступила к сбору средств, вербовке сторонников среди населения и организации сетей поддержки в Турции. Наибольший интерес для рекрутирования

представляли ветераны-джихадисты, маргинальная городская молодёжь, ультраконсервативные мусульмане-сунниты и курды-сунниты. К осени 2014 г. ИГИЛ закрепились в городах Стамбул, Измир, Конья, Адыяман, Батман, Хатай, Кахраманмараш, Газиантеп, Шанлыурфа. Согласно отчётам турецких спецслужб и Национальной полиции Турции (НПТ), в 2014 г. в стране насчитывалось почти 3 тысячи «спящих ячеек» ИГИЛ в семидесяти из восьмидесяти одной турецкой провинции¹⁶. Количество арестов сторонников ИГИЛ в то время было относительно незначительным: с 2014 г. по лето 2015 г. по подозрению в принадлежности к ИГИЛ полиция задержала лишь 187 человек, притом в течение нескольких дней или недель многие из них были освобождены¹⁷. Получили распространение джихадистские сайты, как, например, открыто поддерживавший ИГИЛ Takvahaber.com. Сторонники ИГИЛ беспрепятственно организовывали пикники в Стамбуле, собирая сотни людей.

Причины подобного поведения властей заключались в том, что «арабская весна» усилила позиции в регионе Братьев-

¹⁰ *Yezdani I. Türkiye'den cihada 10 bin kişi gitti* (10,000 people from Turkey have gone to jihad). 27.06.2015. Hurriyet. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/turkiye-den-cihada-10-bin-kisi-gitti-29383934> (accessed: 10.01.2021).

¹¹ «Хизбалла» (Худа-Пар) – суннитская курдская организация, одна из самых смертоносных исламистских террористических групп в истории Турции. Не имеет отношения к ливанской Хизбалле, продолжает пользоваться широкой поддержкой среди исламистских курдов Турции.

¹² «Тахшиеджилер» – сторонники Мехмета Догана. Эта группа симпатизирует «Аль-Каиде», исповедует экстремистские взгляды и занимается пропагандой джихада.

¹³ «Капланджылар» – группа из Германии, основанная в 1984 г. Джемалеттином Капланом, планирует создать в Турции исламское государство по образцу Исламской Республики Иран.

¹⁴ «Великий восточный исламский фронт рейдеров» (IBDA-C) – суннитское исламистское движение, выступающее за свержение светского правительства Турции и установление халифата. Несёт ответственность за 90 террористических атак.

¹⁵ *Istanbul'da bayram namazi kılan İŞİD Türkiye'ye tehdit: Aklınızı başınıza alın* (ISIL, Holding Eid Prayers in Istanbul, Threatens Turkey). 18.07.2015. Cumhuriyet. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/325675/istanbul_da_bayram_namazi_kilan__ISiD_den_Turkiye_ye_tehdit__Aklinizi_basiniza_alin.html (accessed: 14.01.2021).

¹⁶ *Peritz A. The Islamic State Has Sleeper Cells Throughout Turkey. Does Erdoğan Care?* 21.01.2015. The New Republic. URL: <https://newrepublic.com/article/120821/islamic-state-isis-has-sleeper-cells-turkey-says-national-police> (accessed: 12.02.2021); *Uludag A. 70 ilde İŞİD hücreleri var: CHP ve HDP hedefte* (ISIL cells in 70 provinces: CHP and HDP are targets). 12.04.2016. Cumhuriyet. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/514593/70_ilde_ISiD_hucreleri_var__CHP_ve_HDP_hedefte.html (accessed: 08.01.2021).

¹⁷ *İŞİD Davasının ilk Duruşmasında 12 Sanık Tahliye Edildi* (12 Suspects Released in the First Hearing of ISIL Case). 25.10.2016. Hurriyet. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/isis-davasinin-ilk-durusmasinda-12-sanik-tahliy-40258833> (accessed: 10.02.2021).

мусульман, предоставив Турции возможность оказывать влияние на внутреннюю политику соседних стран. После прихода к власти в Египте и Тунисе исламистов и повсеместно наметившегося сдвига в сторону политического ислама Анкаре выпал шанс возглавить происходившую трансформацию и расширить своё политическое влияние на Ближнем Востоке, включая Сирию. С началом гражданской войны в этой стране турецкое руководство полностью поддержало местные оппозиционные, в том числе исламистские, группировки.

Согласно многочисленным документам, захваченным у ИГИЛ, более 90% всех иностранных боевиков-террористов в период с 2013 по 2014 г. вошли в Сирию через турецкие транзитные пункты в Килисе, Эльбейли, Каркамисе и Акчакале [Stein 2016: 32]. Первоначально Турция оказывала военную поддержку только «умеренным» противникам Дамаска, но вскоре круг её реципиентов расширился. Через Турцию на север Сирии шли поставки оружия из Саудовской Аравии, Катара и других государств. В октябре 2012 г. официальные лица США признали, что именно поток оружия из Турции в основном способствовал деятельности джихадистов¹⁸.

Турция стала отказывать во въезде потенциальным иностранным боевикам на основе информации, предоставленной странами их происхождения, и создала список лиц, которым въезд запрещён. По заявлению министра внутренних дел Эфкана Алы от 30 января 2015 года, въезд был запрещён примерно 10 тыс. человек из 91 страны, подозреваемым в стремлении

присоединиться к экстремистским группам в Сирии, притом список был составлен благодаря сотрудничеству турецких спецслужб со спецслужбами других стран¹⁹. Для борьбы с террористами были развёрнуты подразделения по анализу рисков, которым вменялось обнаружение «иностраных боевиков-террористов в аэропортах, пунктах пересечения границы и приграничных городах»²⁰.

С активизацией военной деятельности ИГИЛ в первой половине 2014 г. резко изменилась матрица угроз в Сирии. Группировка была настроена значительно агрессивнее других джихадистских объединений и продемонстрировала способность не только завоёвывать и удерживать территории, но и управлять ими. В сентябре 2014 г. Соединённые Штаты сформировали коалицию с более чем 40 странами для борьбы с ИГИЛ²¹. Не разделяя энтузиазма союзников, до лета 2015 г. Анкара не спешила предпринимать военные действия против этой организации, пресекать передвижение боевиков, а также контрабанду нефти и других товаров. Более того, она не позволила коалиции действовать с авиабазы НАТО в Инджирлике, расположенной на юге Турции (рядом с г. Адана). В этой связи в течение целого года авиаудары коалиции по объектам и живой силе ИГИЛ наносились с баз на Кипре, в Объединённых Арабских Эмиратах и Катаре [Cappello et al. 2016: 11].

По признанию турецких официальных лиц, Анкару беспокоила возможная реакция на потенциальные военные действия против ИГИЛ. К марту 2014 г. группировка

¹⁸ Sanger D.E. Rebel Arms Flow Is Said to Benefit Jihadists in Syria. 15.10.2012. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2012/10/15/world/middleeast/jihadists-receiving-most-arms-sent-to-syrian-rebels.html> (accessed: 03.02.2021).

¹⁹ Zeldin W. Countering Violent Islamist Extremism: The Urgent Threat of Foreign Fighters and Homegrown Terror. 11.02.2015. Hearing Before the House Committee on Homeland Security. URL: <http://docs.house.gov/meetings/HM/HM00/20150211/102901/HHRG-114-HM00-Wstate-RasmussenN-20150211.pdf> (accessed: 06.01.2021).

²⁰ Turkey, in Country Reports on Terrorism 2014. Bureau of Counterterrorism US Department of State. June 2015. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/239631.pdf> (accessed: 25.01.2021).

²¹ U.S.: More than 40 nations joined coalition against ISIS. 08.09.2014. Al Arabiya. URL: <http://english.alarabiya.net/en/News/world/2014/09/08/US-More-than-40-nations-joined-coalition-against-ISIS.html> (accessed: 05.01.2021).

уже продемонстрировала способность действовать в Турции и за её пределами. Был совершён теракт в центральной Анатолии, в ходе которого террористы застрелили двух сотрудников службы безопасности и прохожего²², а в марте 2014 г. боевики заблокировали расположенную на сирийской территории примерно в 30 км от турецкой границы гробницу Сулеймана Шаха, предка основателя Османской империи, препятствуя доставке еды и воды небольшому турецкому гарнизону. Опасность заключалась в том, что ИГИЛ обычно разрушало подобные святыни как проявление язычества. Турецкие спецслужбы совместно с военными провели ряд встреч с представителями группировки для разрешения возникшей проблемы. Представители ИГИЛ заняли жёсткую позицию, требуя в обмен на доступ к месту захоронения освободить своих соратников из турецких тюрем, обеспечить им беспрепятственный выезд в Сирию, а также доставить продукты питания и медикаменты в общины, находившиеся под контролем ИГИЛ. Турецким властям пришлось освободить и отправить в Сирию 180 задержанных боевиков²³. По договорённости обеих сторон в феврале 2015 г. турки эвакуировали гробницу вплотную к границе.

В начале июня 2014 г. боевики ИГИЛ взяли в заложники 49 сотрудников турецкого Генконсульства в Мосуле (Ирак) и членов их семей, а также 32 турецких водителей грузовиков. Сотрудники Генконсульства и водители были освобождены соответственно в сентябре и октябре того же года в результате секретных переговоров турецких спецслужб с представителями

группировки²⁴. В тот период слабость позиции Анкары в отношении ИГИЛ заключалась в том, что турки надеялись обезопасить свою территорию, одновременно используя возможности террористической организации для максимального ослабления правительства Башара Асада в условиях отсутствия серьёзных препятствий для поддержания связей с ИГИЛ на неофициальной основе. В период с 2011 по 2016 г. Турция взяла под стражу 7015 человек по обвинению в предполагаемых связях с группировкой: из этого числа только семеро были осуждены и заключены в тюрьму. В 2015 г. местный суд Турции приговорил египетского члена ИГИЛ к тюремному заключению, однако Коллегия уголовного правосудия 16-го суда отменила это решение и попросила местный суд выяснить, является ли ИГИЛ вооружённой террористической организацией²⁵.

На фоне критики, постоянно звучавшей в адрес Анкары из Вашингтона и западноевропейских столиц, а ещё резче из России, турецкое руководство было вынуждено ужесточить меры против этой террористической организации. Тем не менее её шаги продолжали носить дозированный характер. Летом 2015 г. время относительно мирного сосуществования между Турцией и ИГИЛ сменилось периодом сложных и противоречивых отношений. Одним из первых его эпизодов был захват в июле 2015 г. турецкими силами безопасности предназначенного для ИГИЛ грузовика с большим количеством взрывчатых веществ. Затем турецкие власти разрешили наконец США использовать авиабазу Инджирлик для воздушных налётов на объекты

²² *Idiz S.* ISIS emerges as threat to Turkey. 25.03.2014. Al-Monitor. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/03/isis-threat-turkey-syria-jihadists.html> (accessed: 17.02.2021).

²³ *Gladstone R.* Turkish President Hints that Prisoner Exchange Won Release of Hostages Held by ISIS. 23.09.2014. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2014/09/23/world/europe/erdogan-hints-that-prisoner-exchange-won-release-of-hostages-held-by-isis> (accessed: 20.02.2021).

²⁴ *Johnston C.* The hostages, 46 Turks and three Iraqis, were seized on 11 June as Islamic State militants took control of swaths of Iraq and Syria. 20.09.2014. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/sep/20/isis-releases-hostages-turkish-consulate-mosul> (accessed: 16.02.2021).

²⁵ *Bulut U.* Should Turkey Officially Designate ISIS a Terrorist Organization? 20.03.2017. BESA Center Perspectives. Paper No. 429. URL: <https://besacenter.org/perspectives-papers/turkey-officially-designate-isis-terrorist-organization/> (accessed: 19.02.2021).

ИГИЛ в Сирии. Обращает на себя внимание, что в отчёте Управления по делам религии от августа 2015 г. впервые ИГИЛ было названо террористической группировкой, а её действия и «искажённое толкование ислама и Корана» оценены критически. Ставилась цель информировать общественность о тактике ИГИЛ, его лозунгах, операциях и толковании ислама²⁶.

По-видимому, руководство группировки расценило подобные действия Турции как нарушение ранее достигнутых договорённостей и не стало затягивать с реакцией. С июля 2015 г. боевики ИГИЛ осуществили серию террористических актов в Суруче, Анкаре и Стамбуле, которые сопровождались большим количеством жертв. В ноябре того же года Анкара ужесточила охрану над шестидесятимильным участком границы с Сирией, который боевики ИГИЛ использовали для контрабанды и переброски оружия²⁷. В апреле и мае 2016 г. турецкая армия неоднократно атаковала позиции ИГИЛ в Сирии. Фактически лишь с середины 2016 г. власти в Анкаре окончательно пришли к убеждению, что группировка ИГИЛ, которую ранее они планировали использовать для свержения Асада и против курдов, может превратиться в серьёзную угрозу безопасности самой Турции. Враждебность обострилась в августе того же года, когда турецкие войска вошли в Сирию (операция «Щит Евфрата») для противодействия курдам и ИГИЛ. В октябре 2016 г. Анкара и её союзники из числа сирийских арабов—противников Дамаска начали наступление на удерживаемый ИГИЛ город аль-Баб на северо-западе Сирии, после чего (в начале ноября 2016) лидер группировки Абу Бакр аль-

Багдади впервые лично призвал атаковать Турцию²⁸. Таким образом, враждебность в отношениях Анкары и ИГИЛ нарастала со второй половины 2015 г. и к концу 2016 г. достигла пика. Только в 2016 г. боевики ИГИЛ убили в Турции более 150 человек²⁹.

В последующие годы, в результате мощного военного давления российских Воздушно-космических сил и сирийских правительственных войск, а также Сирийских демократических сил (СДС) при поддержке США, начался исход сторонников ИГИЛ из Сирии обратно в Турцию. В ответ турецкие спецслужбы и полиция провели в 2018–2019 годах 1300 операций. Президент Р.Т. Эрдоган объявил 10 октября 2019 г. о задержании на тот момент под подозрению в связях с ИГИЛ 17 тысяч человек, среди которых немало иностранных боевиков-террористов (ИБТ) [Calibrating the Response..., 2020]. Тогда же турецкие власти начали прорабатывать вопрос об отправке иностранных боевиков-террористов после годичного пребывания в депортационных лагерях за рубежом, в том числе в государства их проживания. В целом Турция остаётся для сторонников ИГИЛ, особенно в составе «спящих ячеек», заманчивым убежищем, откуда можно управлять деятельностью своей организации в других странах и регионах. Тем более что некоторая социальная динамика, в прошлом способствовавшая мобилизации джихадистов, в Турции сохраняется.

Турция и «Аль-Каида»:

от неприятия к браку по расчёту

В период с 2002 по 2011 г. правительство Турции, популяризовавшее идею сосуществования ислама и демократии, пред-

²⁶ Turkey's top religious body releases report on ISIL, names it terrorist organization. 09.08.2015. Daily News. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkeys-top-religious-body-releases-report-on-isil-names-it-terrorist-organization—86675> (accessed: 16.01.2021).

²⁷ Cockburn P. War with Isis: President Obama demands that Turkey close stretch of border with Syria. 30.11.2015. The Independent. The UNZ Review. URL: https://www.reddit.com/r/europe/comments/3utuja/war_with_isis_president_obama_demands_that_turkey/ (accessed: 14.02.2021).

²⁸ Daesh terrorist leader Baghdadi calls for attacks against Turkey. 11.03.2016. Daily Sabah. URL: <http://www.dailysabah.com/mideast/2016/11/03/daesh-terrorist-leader-baghdadi-calls-for-attacks-against-turkey> (accessed: 13.02.2021).

²⁹ Bir buçuk yılda 33 bombalı saldırıda 461 kişi hayatını kaybetti; 363'ü sivil. 12.12.2016. Diken. URL: <http://www.diken.com.tr/bir-bucuk-yilda-33-bombali-saldirida-461-kisi-hayatini-kaybetti-363u-sivil/> (accessed: 27.02.2021).

принимало меры по предотвращению распространения радикализма среди широкого мусульманского сообщества. Напомним, что первые крупномасштабные террористические атаки «Аль-Каиды» в Европе произошли именно в Турции. 15 и 20 ноября 2003 г. в Стамбуле группа турецких исламистов, загрузив взрывчаткой четыре грузовика, совершила нападения на две синагоги, Генеральное консульство Великобритании и здание банка HSBC, в результате чего 63 человека погибли и 750 были ранены³⁰. В тот период турецкие радикальные исламисты посещали школы джихада в Пакистане и Египте и воевали в составе джихадистских организаций по всему мусульманскому миру. Впоследствии турецкие спецслужбы и полиция считали крайне важным держать этих бывших джихадистов под жёстким контролем, чтобы предотвратить атаки «Аль-Каиды». Среди своих сотрудников полиция запустила масштабную образовательную программу, отправив более 1000 высокопоставленных офицеров в западные, преимущественно американские, университеты и учреждения для обучения и участия в программах сертификации. Кроме того, при поддержке ООН и ЕС турецкая полиция запустила крупную образовательную программу для сотрудников правоохранительных органов из других стран региона. За несколько лет учебные заведения турецкой полиции обучили более 5 тыс. сотрудников правоохранительных органов из соседних стран. Это был важный шаг на пути к региональному сотрудничеству в борьбе с терроризмом, контрабандой и незаконным оборотом наркотиков. Национальная полиция Турции также реорганизовала свои контртеррористи-

ческие подразделения, чтобы сосредоточить внимание на радикальных исламистах в дополнение к прежней борьбе с курдскими боевиками. Эти меры привели к аресту в 2005 г. Луаи Сакра, ключевого лидера «Аль-Каиды», когда он планировал нападения на израильские круизные лайнеры в турецких портах³¹ *Israeli Cruise*.

В период с 2003 по 2011 г. полиция реализовала интенсивную оперативную программу против «Аль-Каиды», чтобы предотвратить формирование эффективной сети этой организации в Турции. Тем не менее после 2012 г. в контртеррористической политике Турции произошли изменения, в частности снизилась интенсивность контртеррористических действий. В 2013 и 2014 годах были задержаны только 184 подозреваемых в принадлежности к «Аль-Каиде»³². Растущее число иностранных джихадистов могли беспрепятственно пересекать Турцию по пути в Сирию. Джихадистские настроения усилились среди турецких исламистов, а лозунги террористической группировки «Фронт ан-Нусра», представляющей «Аль-Каиду» в Сирии, появились на главных перекрёстках Стамбула. Одновременно неуклонно сокращалось количество полицейских операций и арестов. Даже иностранные дипломаты отметили, что Анкара начала сотрудничать со сторонниками «Аль-Каиды» в Сирии: в 2014 г. бывший посол США в стране Фрэнсис Риккардоне заявил: «Турки откровенно работали с группировками, включая Фронт ан-Нусра»³³. Можно предположить, что резкое сокращение полицейских операций против исламистов было целенаправленной политикой. Бывший турецкий полицейский утверждал, что в начале 2014 г.

³⁰ *Rodoplu U.* Mass-Casualty Terrorist Bombings In Istanbul, Turkey. November 2003: report of the events and the prehospital emergency response. Apr-Jun 2004. Cambridge Core. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15506250/> (accessed: 15.02.2021).

³¹ *Israeli Cruise Attack Plot Exposed*. 11.08.2005. CBS News. URL: <https://www.cbsnews.com/news/israeli-cruise-attack-plot-exposed/> (accessed: 15.02.2021).

³² *Sancar A.* El Kaide'ye 3 yilda 140 operasyon. 10.11.2013. Sabah. URL: <https://www.bayancenter.org/wp-content/uploads/2016/10/8895854.pdf> (accessed: 01.02.2021).

³³ *Sanchez R., Spencer R.* Turkish Government Co-Operated with al-Qaeda in Syria, Says Former US Ambassador. 12.09.2014. The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/11093478/Turkish-government-co-operated-with-al-Qaeda-in-Syria-says-former-US-ambassador.html> (accessed: 16.02.2021).

начальник контртеррористического подразделения полиции Стамбула дал команду своим офицерам не расследовать действия джихадистов из Чечни и Дагестана³⁴.

Смягчение, несмотря на официальные опровержения правительства, политики в отношении джихадистских организаций было прямым следствием провала усилий Анкары сформировать успешно действующую оппозицию из «умеренных» сирийских сил. Созданный при содействии Турции в 2011 г. и находящийся под контролем Братьев-мусульман Сирийский национальный совет оказался неспособным объединить участников оппозиционного движения в Сирии, а его военные союзники – противостоять тактике сил Башара Асада.

Основная стратегическая причина, по которой Турция хотела отстранить от власти президента Сирии, была связана с опасениями возникновения курдской автономии. Турецкие власти считали вероятным, что, оставшись у власти, Башар Асад попытается использовать Рабочую партию Курдистана (РПК) для дестабилизации ситуации в Турции. В этой связи Анкара приняла решение поддержать Фронт ан-Нусра³⁵ и другие джихадистские группировки против Дамаска и курдской Партии демократического союза (ПДС). Прямая и косвенная поддержка Турцией «Аль-Каиды» и связанных с ней группировок фактически легитимизировала исламистский политический дискурс, в котором стали доминировать джихадистские темы. Своими действиями турецкие власти «узаконили» местных сторонников «Аль-Каиды» в глазах населения страны. Турецкие правоохранительные органы «закрывали глаза» на

вербовку «Аль-Каидой» многочисленных сирийских беженцев на территории Турции. Нельзя забывать и о стратегической цели Анкары, выходящей далеко за рамки сирийских проблем, – превратить Турцию в «центральное государство» в своём регионе, стать основным игроком на Большом Ближнем Востоке с голосом, равным голосу мировых держав [Davutoglu 2001: 115].

С 2012 г. турецкое правительство возложило ответственность за борьбу с джихадистами на спецслужбы. Полиция перестала проводить контртеррористические операции против боевиков «Аль-Каиды», десятки тысяч полицейских были переведены в другие подразделения, сотни предстали перед судом и были уволены. Многие из них не только обладали необходимым опытом работы и знаниями о деятельности «Аль-Каиды» в Турции, но и понимали, какую угрозу внутренней безопасности представляет эта группировка. Тем не менее после включения 14 мая 2014 г. в санкционный перечень ООН Фронта ан-Нусра турецкое правительство было вынуждено 3 июня 2014 г. признать террористической организацией транснациональный джихадистский Фронт ан-Нусра – одну из заметных структур глобальной сети «Аль-Каиды»³⁶.

При этом сотрудничество Турции с Фронтом, подразделения которого активно действовали в северной, центральной и южной частях Сирии, в последующие годы не прекращалось. В этой связи Турцию продолжали обвинять в вооружении радикальных исламских боевиков – конвои с оружием, боеприпасами и припасами направлялись в Сирию, и их доставка координировалась турецкой разведкой³⁷. В даль-

³⁴ Silivrideki Polislerden Kan Donduran Sultanahmet Ve Özbek Hoca Mesajları. 27.01.2015. Sozcu 18. URL: <https://www.sozcu18.com/silivride-yatan-polislerden-kan-donduran-iddialar-18864h.htm> (accessed: 14.02.2021).

³⁵ В 2011 г. руководитель Фронта ан-Нусра Абу Мухаммед аль-Джулани присягнул на верность лидеру «Аль-Каиды» Айману аз-Завахири, который объявил группировку официальным представителем «Аль-Каиды» в Сирии.

³⁶ Idiz S. Why is Jabhat al-Nusra no longer useful to Turkey? 20.06.2014. Al-Monitor. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/06/idiz-turkey-syria-opposition-nusra-terrorist-uncsc-erdogan.html> (accessed: 06.02.2021).

³⁷ Idiz S. Is Turkey arming radical groups in Syria? 06.05.2015. Al-Monitor. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/05/turkey-syria-aiming-radical-groups-shipping-weapons.html> (accessed: 09.02.2021).

нейшем, пытаясь выйти из-под международного санкционного давления и продемонстрировать разрыв своих отношений с «Аль-Каидой», не без участия Анкары группировка дважды провела ребрендинг. Сначала она была переименована в Джабхат Фатх аш-Шам, а в начале 2017 г. — в Хайят Тахрир аш-Шам³⁸. Это не повлекло за собой коренных изменений в характере и действиях террористического формирования. Помимо внешнего спонсирования, ХТШ получала средства от похищения людей с целью получения выкупа и вымогательства, торговала культурными ценностями, собирала религиозные налоги, взимала «пошлину» на своих контрольно-пропускных пунктах³⁹.

В период с 2013 по 2016 г. Турция, наряду с Саудовской Аравией и Катаром, предоставляла прямую и косвенную финансовую помощь вооружённым оппозиционным группировкам исламистского толка в Сирии. Затем Анкара выработала долгосрочный стратегический план по консолидации спонсируемых ею вооружённых группировок, «умеренных» и национал-исламистских, связанных со Свободной сирийской армией (ССА)⁴⁰, в целях расширения влияния в Идлибе и создания противовеса экстремистским формированиям. После провала стратегии, направленной на свержение президента Башара Асада в период 2011–2015 годов, с 2016 г. Турция серьёзнее занялась возрождением сирийской вооружённой оппозиции в качестве жизнеспособной боевой силы путём установления централизованного контроля и повышения профессионального уровня группировок Свободной сирийской армии (ССА), сохраняя при этом тесное партнёрство с

Хайят Тахрир аш-Шам. Ради достижения своих целей Анкара пошла на поддержку широкого круга светских, исламистских, националистических, транснациональных, радикальных, а также «умеренных» вооружённых оппозиционных формирований в Сирии вне зависимости от их идеологической ориентации.

Ключевыми факторами, оказавшими влияние на эффективность взаимодействия Турции с различными сирийскими вооружёнными формированиями, стали: материальная поддержка, обучение, финансирование, поставки оружия и оборудования, взаимодействие с армией, повышение уровня централизованного управления группировками, географическая близость, тактика *разделяй и властвуй*. Турецкая стратегия вернула к жизни революционные причины гражданской войны в Сирии — стремление свергнуть Башара Асада. При этом стратегия приобрела мощное подспорье в виде смеси национализма с исламизмом. Своими действиями Анкара планировала решить ряд задач военно-политического характера:

- обеспечить себе долгосрочное влияние на севере Сирии с помощью светских и националистических исламистских вооружённых группировок;
- создать противовес наиболее экстремистским исламистским группировкам, отвлекая от них людские ресурсы;
- в перспективе добиться того, чтобы все вооружённые группировки, действующие в Идлибе, привели свои взгляды в соответствие с революционными целями сирийской оппозиции и приняли спонсорство Турции;
- в перспективе заключить с Дамаском соглашение, позволяющее Фронту национального освобождения (ФНО)⁴¹ выпол-

³⁸ Террористическая организация, запрещённая в Российской Федерации.

³⁹ Twentieth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2253 (2015) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities. 07.08.2017. S/2017/573. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2017/573 (accessed: 04.01.2021).

⁴⁰ Свободная сирийская армия (ССА) основана в 2011 г. в Турции арабами-суннитами, дезертировавшими из сирийской армии, состоит из нерегулярных вооружённых групп. В 2017 г. переименована в Сирийскую национальную армию.

⁴¹ Фронт национального освобождения (ФНО) создан Турцией в качестве новой «зонтичной» структуры в мае 2018 г. в Идлибе из девяти националистически-исламистских и шести «умеренных» группировок. В октябре 2019 г. ФНО объединился с Сирийской национальной армией (СНА).

нять вспомогательную роль в обеспечении безопасности провинции Идлиб;

– заверить Россию в способности Турции контролировать концентрацию «умеренных» и экстремистских исламистских вооружённых группировок в Идлибе.

С 2016 г. Анкара доработала механизмы взаимодействия с различными категориями сирийских вооружённых оппозиционных группировок. Например, Ахрар аш-Шам⁴² и Файлак аш-Шам⁴³ стали участвовать в турецкой военной операции «Щит Евфрата», что повлекло за собой увеличение финансовой и военной поддержки этих структур. Турция использовала Ахрар аш-Шам для сдерживания ХТШ в Идлибе, а Файлак аш-Шам участвовал в турецких операциях против курдов в Африне в 2018 году. Состоявшую из нерегулярных группировок Свободную сирийскую армию в 2017 г. Анкара превратила в централизованную организацию с чёткими структурами командования и контроля. Объединение было переименовано в Сирийскую национальную армию (СНА) и уже под этим обозначением также приняло участие в турецкой военной операции «Щит Евфрата». Анкара выступила посредником в ходе продолжительных вооружённых столкновений между Фронтом национального освобождения и ХТШ в 2018 и начале 2019 года, а в октябре 2019 г. убедила ФНО объединить усилия с СНА. ФНО собрал около 70 тыс. боевиков, выразив готовность противостоять сирийским правительственным силам в Идлибе, а также защищать северо-запад Сирии от курдов⁴⁴. Несмотря на широкое присутствие националистических исламистов в рядах ФНО, его руководство декларировало приверженность светско-

революционному подходу. Такой ребрендинг позволил исламистским группировкам ФНО при наступлении правительственных войск получать поддержку Турции. В целом сотрудничество Анкары и ФНО можно определить как взаимовыгодный союз, подкреплённый идеологической близостью, при отсутствии полного взаимного доверия.

ФНО представлял не более половины исламистских группировок Идлиба. Вторая половина, вдохновлённая доктриной глобального джихада «Аль-Каиды», будучи в составе ХТШ, отвергла в 2018 г. предложение Турции о слиянии с ФНО. Более того, в ходе ожесточённых столкновений ХТШ удалось ослабить ФНО, переманив к себе запугиванием и принуждением часть его членов. ХТШ сформировала «правительство национального спасения» – альтернативу «временному правительству» Сирии, базирующемуся в пограничном турецком городе Газиантеп. Успех ХТШ в очередной раз противопоставил экстремистское видение сирийской гражданской войны революционному. Следовательно, попытки Анкары для усиления турецкого контроля в провинции Идлиб объединить, с одной стороны, СНА и ФНО, а с другой стороны, ХТШ в управляемую структуру не увенчались успехом. Тогда в ответ на возросшее влияние ХТШ турецкие спецслужбы в духе принципа *разделяй и властвуй* занялись отделением догматиков из числа сторонников «Аль-Каиды» от прагматиков, готовых действовать под эгидой Турции. Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу охарактеризовал эту политику как «отделение умеренной оппозиции от террористов»⁴⁵.

⁴² Ахрар аш-Шам основана в 2012 г. исламистами из числа бывших заключённых сирийской тюрьмы Седная. Это активная многочисленная структура, выступающая за построение в Сирии исламского государства.

⁴³ Файлак аш-Шам создана в 2014 г. исламистскими группами разных оттенков, от консервативных и салафитских до Братьев-мусульман, которые выступили против официального Дамаска и в то же время конкурировали с экстремистскими группировками.

⁴⁴ *Taştekin F.* İdlid'deki silahlı gruplar kimler? Aralarından 'İlimlileri' ayırmak mümkün mü? 15.08.2018. BBC News. URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-45191811> (accessed: 03.02.2018).

⁴⁵ Çavuşoğlu: Brunson'ın durumunda değişiklik yok! (2018). Institute of Strategic Thinking. 2018. URL: <https://www.sde.org.tr/hukuk/cavusoglu-brunsonin-durumunda-degisiklik-yok-haberi-6587> (accessed: 15.02.2021).

Несмотря на договорённости с Россией, турки не смогли провести размежевание между «умеренной» оппозицией и радикальными боевиками. Догматики, вышедшие из ХТШ и сформировавшие группировку «Хуррас ад-Дин»⁴⁶, отвергали сотрудничество ХТШ с Турцией, выступали против российско-турецких соглашений, ставя под угрозу статус-кво в Идлибе, проводили атаки на правительственные силы и позиции России. Для турецкой стороны подобные действия вылились в серьёзную проблему, поскольку ставили под вопрос способность Турции установить неформальный контроль над Идлибом и нейтрализовать салафитско-джихадистскую угрозу, как это было оговорено условиями Сочинского и Астанинского соглашений. Хуррас ад-Дин подрывала усилия Турции, поскольку эскалация насилия могла спровоцировать правительственные силы на ответные действия. Утверждения турецкой стороны о том, что после отделения Хуррас ад-Дин в ХТШ стали доминировать более прагматичные фракции — попытка выдать желаемое за действительное, так как джихадистская повестка дня этой террористической организации не исчезла. Лидер ХТШ Абу Мухаммед аль-Джулани сумел сохранить автономию группировки, хотя и обещал Анкаре помощь в борьбе с курдами в обмен на признание Турцией территориального контроля ХТШ в Идлибе⁴⁷. В настоящее время ХТШ продолжает действовать независимо от СНА и ФНО, сотрудничая с Турцией исключительно на прагматичной и равноправной основе. Руководство ХТШ благодарно Турции за защиту своих позиций в провинции Идлиб⁴⁸.

Турецкие спецслужбы, в том числе под нажимом России, не могли не вести работу по очищению рядов ХТШ от самых фанатичных джихадистов, выступавших против политической линии Турции. Со своей стороны, боевики ХТШ и Хуррас ад-Дин, несмотря на разногласия, периодически демонстрировали способность координировать свои военные операции против правительственных войск, а также против СНА и ФНО. К лету 2020 г. ХТШ и группировки, близкие к Хуррас ад-Дин, контролировали большую часть Идлиба, на остальной территории доминировали СНА и ФНО⁴⁹. Вместе с тем к середине июля 2020 г. ситуация радикально изменилась, боевики ХТШ с подачи турецких спецслужб всё же взяли штурмом большинство баз Хуррас ад-Дин, ликвидировав или арестовав высших командиров этой террористической группировки.

* * *

Продолжительный процесс внутренней исламизации в Турции на определённых этапах оказывал разноплановое влияние на формирование её политики в отношении международного терроризма, которая характеризовалась противоречивостью и непоследовательностью. В частности, в 2000-х годах Анкара вела серьёзную борьбу против «Аль-Каиды», которая представляла реальную угрозу безопасности и стабильности Турции. Между тем в 2010-х с приходом «арабской весны» в условиях наметившегося на Ближнем Востоке сдвига в сторону политического ислама и активизировавшегося процесса внутренней исламизации в Турции контртеррористические действия турецких спецслужб против меж-

⁴⁶ «Хуррас ад-Дин» — исламистская террористическая группировка, связанная с «Аль-Каидой», участвует в войне в Сирии, придерживается идеологии салафизма.

⁴⁷ *Tastekin F.* Jihadists of Idlib splitting under Turkish pressure. 14.02.2019. AL-Monitor. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/02/turkey-russia-syria-jihadist-of-idlib-splitting.html> (accessed: 28.01.2021).

⁴⁸ *Zuesse E.* Al Qaeda Thanks Turkey for Protecting It against Assad, Russia, Iran. 10.03.2020. Modern Diplomacy. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2020/03/10/al-qaeda-thanks-turkey-for-protecting-it-against-assad-russia-iran/> (accessed: 24.01.2021).

⁴⁹ Country Policy and Information Note Syria: The Syrian Civil War. 11.08.2020. Home Office. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/908419/CPIN_Syria_Civil_War.pdf (accessed: 20.02.2021).

дународных террористических организаций начали затухать. Более того, Турция превратилась в своеобразный перевалочный пункт для многочисленных иностранных боевиков-террористов – в своём подавляющем большинстве радикально настроенных мусульман. Установились взаимовыгодные отношения с террористической группировкой ИГИЛ, которая активно использовала турецкую территорию в своих интересах (вербовка боевиков, транспортировка оружия и боеприпасов, лечение раненых и т.д.). Анкара продемонстрировала удивительную терпимость по отношению к ИГИЛ в пределах своих границ. Причём осознание опасности, исходящей от подобных экстремистских организаций, пришло только в результате возникновения террористических угроз для самой Турции, а также под внешним давлением, как это в конечном счёте произошло с турецкой политикой в отношении ИГИЛ.

Были ли Турцией учтены ошибки, связанные с её первоначальной недальновидной политикой в отношении ИГИЛ? Если да, то частично, так как продолжается взаимодействие турок с представителями «Хайят Тахрир аш-Шам», которые не признают себя сторонниками «Аль-Каиды», хотя на самом деле таковыми являются. Политика Турции основана на надежде подчинить своим интересам радикальные группировки в Сирии и превратить их в прагматичных исламистов на основе суннитской солидарности. Эта надежда оказалась иллюзорной в силу принципиальных идеологических противоречий между

турецкими исламистами, с одной стороны, и джихадистами ИГИЛ и «Аль-Каиды» – с другой. В свете процессов внутренней исламизации в Турции становится очевидной некоторая близость мировосприятия современной турецкой правящей элиты с джихадистами, что используется и в политических целях.

Партнёрство с «Хаят Тахрир аш-Шам», победы последней над группировкой «Хуррас ад-Дин» Анкара использует для демонстрации своей «решимости» очистить Идлиб от радикальных джихадистов. ХТШ – это козырная карта в руках Анкары, которую они не хотят сдавать бесплатно. Турция может потребовать больших уступок, например придания своим войскам в Сирии постоянного статуса, а в перспективе – способствовать удалению ХТШ из всех санкционных списков. Разделение ХТШ и Хуррас ад-Дин предоставляет Анкаре возможность выступать в качестве важного посредника за столом переговоров, выдавая своих доверенных лиц за «умеренных» и обосновывая сохранение своего военного присутствия в этом районе.

В целом можно констатировать, что поддержка турками джихадистов – это не просто опирающаяся на внутреннюю исламизацию тактика, направленная на отстранение президента Сирии Башара Асада от власти и сдерживание курдских повстанцев. Речь идёт о стратегическом решении Анкары влиять на дела Большого Ближнего Востока через соответствующих негосударственных субъектов.

Список литературы

- Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И. А., Сурков Н.Ю.* Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности (Турецкая, иранская и саудовская модели) // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 9. С. 93–103.
- Иванова И.И.* Эволюция ближневосточной политики Турецкой республики (1923–2016). М.: Аспект Пресс, 2017. 424 с.
- Кудряшова И.В., Матюхин В.В.* Турция: национальные интересы и имперскость // *Политическая наука.* 2013. № 3. С. 117–136.
- Надеин-Раевский В. А.* Экстремизм и терроризм в современной Турции // *Пути к миру и безопасности. Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы).* 2017. № 1(52). С. 182–204.
- Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX в. / Отв. ред. Н.Г. Киреев. ИВ РАН, 2001. 535 с.

- Шлыков П.В.* Трансформация роли Турции в борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке // Вестник Московского университета. Сер. 13. 2018. № 2. С. 53–74.
- Ульченко Н.Ю.* Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. 236 с.
- Arbor A.* The Fethullah Gulen Movement and Its Politics of Representation in Turkey. Mucahit Bilici University of Michigan. 2006. 20 p. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/74242/j.1478-1913.2006.00115.x.pdf?sequence=1>. (accessed: 20.02.2021).
- Bildirici M., Ersin Ö., Turkmen C., Yalcinkaya Y.* The Persistence Effect of Unemployment in Turkey: An Analysis of the 1980-2010 Period // Journal of Business Economics & Finance. 2012. Vol.1. Issue 3. P. 22–32.
- Calibrating the Response: Turkey's ISIS Returnees. International Crisis Group. 2020. Report 258 / Europe & Central Asia. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/western-europemediterranean/turkey/258-calibrating-response-turkeys-isis-returnees> (accessed: 18.02.2021).
- Cappello J., Megahan P., Hannah J., Schanzer J.* Covering the Bases: Reassessing U.S. Military Deployments in Turkey After the July 25 Coup D'état. Foundation for Defense of Democracies. 2016. 33 p. URL: http://www.defenddemocracy.org/content/uploads/documents/Covering_the_Bases.pdf (accessed: 17.02.2021).
- Davutoglu A.* Stratejik Derinlik Turkiye'nin Uluslararsi Konumu. Istanbul: Kure Yayinlari, 2001. 600 p.
- Duran B.* Understanding the AK Party's Identity Politics: A Civilizational Discourse and its Limitations // Insight Turkey. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 91–109.
- Duran B., Yildirim E.* (2005). Islamism, trade unionism and civil society: the case of Hak-I's, labour confederation in Turkey // Middle Eastern Studies. 2005. Vol. 41. Issue 2. P. 227–248.
- Hammond A.* Salafism Infiltrates Turkish Religious Discourse. Middle East Institute. 2015. URL: <https://www.mei.edu/publications/salafism-infiltrates-turkish-religious-discourse> (accessed: 16.02.2021).
- Hockenos P.* Erdogan's International Network of Muslim Cleric Spies. Foreign Policy. 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/03/27/erdogans-international-network-of-muslim-cleric-spies-turkey-germany-gulen-coup/> (accessed: 18.02.2021).
- Stein A.* Islamic State Networks in Turkey: Recruitment for the Caliphate. The Atlantic Council. 2016. October. 12 p. URL: <http://www.publications.atlanticcouncil.org/islamic-state-networks-in-turkey/> (accessed: 08.02.2021).
- Ugur E.* Intellectual roots of 'Turkish Islam' and approaches to the 'Turkish model' // Journal of Muslim Minority Affairs. 2006. Vol. 24. No. 2. P. 327–345.
- Yilmaz I.* Erdoganism and Islamist Use of Education in Turkey. Deakin University. 2018. 29 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3278481 (accessed: 09.01.2021).

TURKEY'S RESPONSE TO INTERNATIONAL TERRORISM

ATTITUDE TOWARDS ISIL AND AL-QAIDA

GEORGY MACHITIDZE

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the interconnection between the direction of Turkey's struggle against terrorism with modern Islamist and nationalist ideas of Turkey. A majority of Turkish citizens following the Hanafi school of Islam, have historically opposed the purist religious doctrine of the Salafists. The author emphasizes

that neither Turkey's secular tradition nor its predominant, moderate Islamic theology has made Turkish citizens immune to radicalization. Modern Turkish history has produced several violent Islamist organizations advocating Salafi views in line with the Islamic State's ideology. Turkish jihadists have been found among the ranks of foreign fighters in several recent conflict zones abroad. The article proves that when the uprisings began in Syria in 2011, Turkey threw its full support behind the opposition – harboring and mobilizing dissidents, arming rebels, and allowing free passage along the Syrian-Turkish border. Jihadists began to exploit the security vacuum, including ISIL and Jabhat al-Nusra (now Hayat Tahrir al-Sham), the Syrian affiliate of al-Qaeda. The article also addresses the problems of Ankara's indifference at the first stage towards the ISIL's activities within and across Turkish territory. While the crossings between Turkey and ISIL territory officially were closed in 2014, smuggling through the frontier continued apace and Ankara only later started to engage ISIL militarily. The author concludes that the period of active struggle against al-Qaeda in Turkey (2003–2011) gave way after 2012 to a reduction in counterterrorism operations and now supporters of Hayat Tahrir al-Sham thank Turkey for protecting them against Syrian government forces, Russia and Iran.

Keywords:

Turkey; Islamism; Nationalism; Turkish jihadists; Syria; ISIL; al-Qaeda; Jabhat al-Nusra; Hayat Tahrir al-Sham.

References

- Arbor A. (2006). *The Fethullah Gulen Movement and Its Politics of Representation in Turkey*. Mucahit Bilici University of Michigan. 20P. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/74242/j.1478-1913.2006.00115.x.pdf?sequence=1> (accessed: 20.02.2021).
- Bildirici M., Ersin Ö., Turkmen C., Yalcinkaya Y. (2012). The Persistence Effect Of Unemployment In Turkey: An Analysis of the 1980–2010 Period. *Journal of Business Economics & Finance*. Vol.1. Issue 3. P. 22–32.
- International Crisis Group. (2020). *Calibrating the Response: Turkey's ISIS Returnees*. Europe & Central Asia. Report 258. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/western-europemediterranean/turkey/258-calibrating-response-turkeys-isis-returnees> (accessed: 18.02.2021).
- Cappello J., Megahan P., Hannah J., Schanzer J. (2016). *Covering the Bases: Reassessing U.S. Military Deployments in Turkey After the July 25 Coup D'état*. Foundation for Defense of Democracies. 33 p. URL: http://www.defenddemocracy.org/content/uploads/documents/Covering_the_Bases.pdf (accessed: 17.02.2021).
- Davutoglu A. (2001). *Stratejik Derinlik Turkiye'nin Uluslararsi Konumu*. Istanbul: Kure Yayinlari. 600 p.
- Duran B. (2013). Understanding the AK Party's Identity Politics: A Civilizational Discourse and its Limitations. *Insight Turkey*. Vol. 15. No. 1. P. 91–109.
- Duran B., Yıldırım E. (2005). Islamism, trade unionism and civil society: the case of Hak-I's, labour confederation in Turkey. *Middle Eastern Studies*. Vol. 41. Issue 2. P. 227–248.
- Hammond A. (2015). *Salafism Infiltrates Turkish Religious Discourse*. Middle East Institute. URL: <https://www.mei.edu/publications/salafism-infiltrates-turkish-religious-discourse> (accessed: 16.02.2021).
- Hockenos P. (2017). Erdogan's International Network of Muslim Cleric Spies. *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/03/27/erdogans-international-network-of-muslim-cleric-spies-turkey-germany-gulen-coup/> (accessed: 18.02.2021).
- Ivanova I.I. (2017). *Evolyutsiya blizhnovostochnoj politiki Tureckoj respubliki (1923–2016)* [Evolution of the Middle East Policy of the Turkish Republic (1923–2016)]. Moscow: Aspekt Press. 424 s.
- Kudryashova I.V., Matyuhin V.V. (2013). Turtsiya: natsional'nye interesy i imperskost' [Turkey: National Interests and Imperialism]. *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 117–136.
- Nadein-Raevskij V. A. (2017). Ekstremizm i terrorizm v sovremennoj Turtsii [Extremism and Terrorism in the Modern Turkey]. *Puti k miru i bezopasnosti. Specvypusk: Problemy terrorizma, nasilstvennogo ekstremizma i radikalizacii (rossijskie i amerikanskije podhody)*. No. 1(52). P. 182–204.
- Shlykov P.V. (2018). Transformatsiya roli Turtsii v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom na Blizhnem Vostoke [Transformation of the Turkey's Role in the Struggle against International Terrorism in thw Middle East]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 13. No. 2. P. 53–74.
- Stein A. (2016). *Islamic State Networks in Turkey: Recruitment for the Caliphate*. The Atlantic Council. 12 p. URL: <http://www.publications.atlanticcouncil.org/islamic-state-networks-in-turkey/> (accessed: 08.02.2021).

- Kireev N.G. (ed.). (2001). *Turtsiya mezhdu Evropoj i Aziej. Itogi evropeizatsii na iskhode XX v* [Turkey between Europe and Asia. Results of Europeanization at the Dawn of the 20th Century]. Moscow: IV RAN. 535 p.
- Ugur E. (2006). Intellectual roots of 'Turkish Islam' and approaches to the 'Turkish model'. *Journal of Muslim Minority Affairs*. Vol. 24. No. 2. P. 327–345.
- Ul'chenko N.YU. (2002). *Ekonomika Turtsii v usloviyah liberalizatsii (80–90-e gody)* [Turkish Economy under Conditions of Liberalization (80s – 90s)]. Moscow: Institut izucheniya Izrailiya i Blizhnego Vostoka. 236 p.
- Yilmaz I. (2018). *Erdoganism and Islamist Use of Education in Turkey*. Deakin University. 29 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3278481 (accessed: 09.01.2021).
- Zvyagel'skaya I.D., Kozhanov N.A., Svistunova I. A., Surkov N.YU. (2019). Gosudarstva Blizhnego Vostoka v poiskakh vneshnepoliticheskoy identichnosti (Turetskaya, iranskaya i saudovskaya modeli) [States of the Middle East in Search for Foreign Policy Identity (Turkish, Iranian and Saudi Models)]. *Mirovaya ekonomika i Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 9. P. 93–103.

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ПОИСКАХ НОВОГО БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ

ПАВЕЛ ГУДЕВ
ИБРАГИМ ИБРАГИМОВ
ЮРИЙ КВАШНИН
ЛЮДМИЛА САМАРСКАЯ
ИРИНА СВИСТУНОВА
НИКОЛАЙ СУРКОВ
ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВ

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Резюме

В регионе Восточного Средиземноморья в последние годы наблюдаются резкое обострение соперничества и гонка вооружений. Там фактически сформировалась новая конфликтная зона, что обусловлено борьбой за доступ к энергетическим ресурсам. В эту борьбу оказались вовлечены как прибрежные государства, так и ряд влиятельных внерегиональных игроков. В регионе по существу разворачивается противостояние Турции и нацеленной на её сдерживание «балансирующей коалиции» в составе Греции, Кипра, Израиля и Египта. Мы предприняли попытку комплексного рассмотрения проблемы посредством анализа позиций этих государств по состоянию на середину 2021 года. Основные задачи статьи заключались в оценке рисков военной конфронтации и анализе возможных путей снижения напряжённости или даже частичного преодоления противоречий между сторонами конфликта. Особенность этой статьи состоит в попытке разделить две ситуации – греко-турецкие противоречия в Эгейском море и проблематику делимитации в Левантийской части Средиземноморья. Анализ показал, что Турция намерена решительно и последовательно отстаивать свои права на часть континентального шельфа, опираясь на так называемый «принцип справедливости». Анкаре фактически удалось сорвать строительство газопровода EastMed, что ударило по интересам других стран региона. В свою очередь, Греция апеллирует к нормам международного морского права и активно ищет союзников. В этом качестве выступают Франция, Израиль и Египет. Последний может стать транзитным хабом для экспорта восточносредиземноморского газа. Мы приходим к выводу, что, несмотря на чрезвычайную сложность ситуации с точки зрения международного права, снижение напряжённости в Восточном Средиземноморье в принципе возможно. Этому способствует нежелание стран региона вступать в военную конфронтацию с Турцией, а также наличие альтернативных экспортных

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2021

Дата принятия к публикации: 12.07.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: nsurkov@imemo.ru

маршрутов. Кроме того, внимательный анализ позиции Греции показывает наличие предпосылок для компромисса между Афинами и Анкарой по части вопросов двусторонней повестки.

Ключевые слова:

Турция; Греция; Израиль; Египет; Франция; ЕС; Восточное Средиземноморье; газ; конфликт.

Восточное Средиземноморье как политический субрегион пока не получило формального определения, но географически представляет собой обширный район от острова Крит до побережья Леванта. В 2010-х годах вопросы делимитации морских пространств в этом пространственном ареале приобрели особую остроту, осложняя отношения между местными игроками. Причём доступ к морским пространствам — это не только вопрос осуществления судоходства и других видов деятельности, но и доступа к живым (водным биологическим) и неживым (в первую очередь энергетическим) ресурсам. От того, как и чьи зоны суверенитета (территориальное море), а также юрисдикции/суверенных прав (исключительная экономическая зона — ИЭЗ, континентальный шельф — КШ) будут здесь сформированы, зависит получение государствами конкурентных преимуществ в борьбе за богатства вод и недр. Ситуация дополнительно осложняется тем, что многие страны региона (Сирия, Ливия, Израиль, Турция) не являются участниками Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, что существенно ограничивает возможности разрешения споров в рамках международных судебных разбирательств.

Проблематика делимитации морских пространств в Восточном Средиземноморье в последние годы была наиболее детально изучена в статьях Н.М. Горбуновой и И.И. Ивановой [Горбунова, Иванова 2020], которые рассматривают отношения Турции, Греции, Израиля, Египта, Кипра и Ливана в контексте борьбы за шельф и газовые месторождения. Кроме того, в русскоязычном сегменте можно найти публи-

кации, посвящённые политике отдельных стран, в частности Израиля [Прозорова 2020; Мелконян 2020] и Турции [Ирхин, Москаленко 2021].

Среди англоязычных публикаций следует отметить работы правоведа Джона ван Дайка [van Dyke 1996], который занимался анализом ситуации в Эгейском море. Региональная подсистема международных отношений также была подробно проанализирована в коллективной монографии «Новое Восточное Средиземноморье» под редакцией С. Лицаса и А. Циампириса [Litsas, Tziampiris 2019]. Традиционно большое внимание ситуации в Восточном Средиземноморье уделяют эксперты Европейского совета по международным делам (ECFR) и итальянского Института международно-политических исследований (ISPI). В частности, интерес представляет изданный ISPI сборник статей «Геополитическое море: новая схватка за Средиземноморье» [Dentice, Talbot 2020], в котором поднимаются вопросы обеспечения стабильности в регионе и баланса интересов различных игроков.

Эгейский спор в силу его важности для внешней политики и безопасности Греции стал предметом многочисленных научных исследований греческих авторов [Papastavridis 2010; Heraclides 2011; Papadakis 2018]. Работы, посвящённые различным аспектам политики Турции в Восточном Средиземноморье, опубликовали на турецком языке Эрен Йилмаз [Yauci 2019; İnat 2020; Yilmaz 2020].

Во Франции вопросы греко-турецких трений активно анализируют Доротея Шмид, Жан Марку и Юго Деси¹. Израиль-

¹ Dorothee Schmid: "Erdogan veut démontrer qu'il peut faire ce qu'il veut en Libye" // Marianne. 10.06.2020. URL: <https://www.marianne.net/monde/dorothee-schmid-erdogan-veut-demontrer-qu-il-peut-faire-ce-qu-il-veut-en-libye>; Les rêves de calife d'Erdogan: fantasme ou réalité? // France Culture. 01.09.2020. URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/linvitee-des-matins/les-reves-de-calife-derdogan-fantasme-ou-realite>; Méditerranée: la bataille du gaz // France Culture. 12.09.2020.

ские подходы к проблематике Восточного Средиземноморья отражены в публикациях Эрана Лермана, Эфраима Инбара, Одеда Эрана и Офира Уинтера². Среди египетских авторов можно выделить публикации Наэля Шамы и Сохбета Карбуза [Shama 2019; Karbuз 2018], занимающихся изучением взаимодействия Арабской Республики Египет (АРЕ) с государствами Средиземноморья.

При всём разнообразии российских и зарубежных публикаций, посвящённых ситуации в рассматриваемом регионе, следует учитывать, что эта конфликтная зона находится в стадии становления. Следовательно, она нуждается в постоянном мониторинге и анализе с учётом происходящих трансформаций. В этом исследовании мы постарались учесть новые тенденции, которые проявились в течение 2020 г. и в начале 2021-го. Новизна предлагаемой работы также состоит в попытке выделить в Восточном Средиземноморье два узла противоречий и попытаться оценить перспективы развития ситуации по каждому из них.

Исследовательский вопрос этой статьи сформулирован следующим образом: как

будет развиваться ситуация в Восточном Средиземноморье в среднесрочной перспективе и есть ли способы избежать эскалации? Цель работы заключается в том, чтобы сопоставить позиции/запросы государств региона и ряда внерегиональных государств с учётом изменений, произошедших в 2020–2021 годах, и попытаться определить параметры возможных компромиссов, которые могли бы способствовать снижению напряжённости в регионе. Работа делится на две смысловые части. В первой анализируются позиции Турции и Греции, как наиболее заметных участников противостояния в Восточном Средиземноморье. При этом основное внимание уделяется столкновению интересов двух стран в Эгейском море. Во второй части ситуация рассматривается уже в масштабах всего Восточного Средиземноморья, анализируются перспективы создания антитурецкой коалиции, а также разбираются особенности подходов наиболее влиятельных государств и их объединений – Израиля, Египта, Франции и ЕС. Мы отдаём себе отчёт в том, что в рассматриваемый конфликтный узел вовлечено гораздо

URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/affaires-etrangeres/mediterranee-la-bataille-du-gaz>; Les ambitions d'Erdogan // France Inter. 15.09.2020. URL: <https://www.franceinter.fr/emissions/un-jour-dans-le-monde/un-jour-dans-le-monde-15-septembre-2020>; *Marcou J.* Décryptage de la position turque en Méditerranée orientale // FMES. 17.09.2020. URL: <https://fmes-france.org/decryptage-de-la-position-turque-en-mediterranee-orientale-par-jean-marcou/>; Le casse-tête du grand jeu gazier et de la reconfiguration stratégique qui l'accompagne, en Méditerranée orientale // Questions d'Europe. n°571. 21.09.2020. URL: <https://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0571-le-casse-tete-du-grand-jeu-gazier-et-de-la-reconfiguration-strategique-qui-l-accompagne-en-m>; *Marcou J.* Alerte en Méditerranée orientale // Diplomatie. 2020. No. 105. P. 42–43; *Marcou J.* La Turquie en Méditerranée orientale: des revendications énergétiques aux ambitions stratégiques // Diplomatie. 2020. No. 105. P. 53–57. URL: <https://questionsorientoccident.blog/2020/10/06/grece-turquie-libye-tensions-autour-des-ressources-energetiques-en-mediterranee-orientale-un-dossier-dans-diplomatie-no-105-sous-la-direction-de-jean-marcou/>; *Decis H.* La Méditerranée dans l'environnement stratégique français // IRIS. 04.12.2019. URL: <https://www.iris-france.org/142766-la-mediterranee-dans-lenvironnement-strategique-francais/>; Paris et Athènes unies par un nouveau partenariat stratégique de sécurité // IRIS. 13.02.2020. URL: <https://www.iris-france.org/144329-paris-et-athenes-unies-par-un-nouveau-parteneriat-strategique-de-securite/>

² *Efraim I., Eran L., Cohen Y.H.E.* Turkey as a Major Challenge for Israel (and its Neighbors) in the 21st Century. 16 September 2020. The Jerusalem Institute for Strategy and Security. URL: <https://jiss.org.il/en/inbar-lerman-yanarocak-turkey-as-a-major-challenge-for-israel-and-its-neighbors/> (accessed: 11.03.2021); *Oded E.* Natural Gas in the Eastern Mediterranean: Will Economic Wisdom Prevail? INSS Insight No. 1206, August 26, 2019. URL: <https://www.inss.org.il/publication/natural-gas-in-the-eastern-mediterranean-will-economic-wisdom-prevail/> (accessed: 11.03.2021); Lindenstrauss Gallia, Winter Ofir, A Red Line for the Blue Homeland? The Maritime Border Demarcation Agreement between Greece and Egypt. INSS Insight No. 1373, August 25, 2020. URL: <https://www.inss.org.il/publication/egypt-greece-agreement/?offset=10&posts=60&outher=Ofir%20Winter> (accessed: 12.03.2021).

больше государств (Италия, Германия, Кипр, Ливия, Ливан, Сирия, США, ОАЭ и др.), но с учётом объёма статьи посчитали целесообразным сосредоточиться на самых активных игроках, оказывающих наибольшее влияние на развитие событий.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что в настоящее время в принципе существуют решения, которые могли бы способствовать снижению напряжённости в Восточном Средиземноморье. Вместе с тем прогресс возможен лишь в том случае, если удастся отделить восточносредиземноморскую проблему делимитации морских пространств от застарелых противоречий между Грецией и Турцией по поводу Эгейского моря.

Региональная ситуация в свете международного права

Первые годы после вступления в 1994 г. в силу Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. страны Восточного Средиземноморья воздерживались от формирования здесь расширенных морских зон (ИЭЗ, КШ), оставляя огромную акваторию открытым морем, со всеми вытекающими отсюда свободами. Тем не менее в начале 2000-х годов процесс раздела морских пространств был запущен и оказался крайне сложным.

В рамках вопроса о делимитации морских пространств в Восточном Средиземноморье присутствуют две составляющие. Первая из них — разногласия между Грецией и Турцией по поводу территориальных вод, границ КШ и ИЭЗ в Эгейском море. Например, Турция считает, что греческие острова Эгейского моря, в особенности расположенные в непосредственной

близости от её береговой линии (как о-в Кастелоризо), не могут претендовать на расширенные морские зоны, поскольку это приведёт к ущемлению её прав³ и фактически превратит Эгейское море в «греческое озеро». Этот спор тянется давно и в основном носит двусторонний характер, но само его существование влияет на ситуацию непосредственно в восточной (Левантской) части Средиземного моря, где на греко-турецкие противоречия накладываются интересы Кипра, Израиля, Египта, Ливии, Ливана, Палестины и Сирии. Всплески напряжённости в Восточном Средиземноморье, прежде всего между Турцией и Грецией (а также Кипром), уже случались в середине 1970-х и в середине 1990-х годов. Их причины крылись в разном толковании сторонами норм и положений ряда международных соглашений и договоров, включая те из них, которые составляют основу современного международного морского права. Существенное отличие современной ситуации заключается в том, что, если раньше стороны лишь обозначали свои правовые позиции и занимались разведкой таких ресурсов, то теперь они готовы перейти к непосредственной их разработке.

Особенности турецкой правовой стратегии

С точки зрения Анкары, Республика Кипр (РК) не может формировать собственные морские зоны в одностороннем порядке без учета позиции Турецкой Республики Северный Кипр (ТРСК), так как они имеют равные права на доступ к морским пространствам и ресурсам⁴. Проведение турками гидрографических

³ QA-66, 22 July 2020, Statement of the Spokesperson of the Ministry of Foreign Affairs, Mr. Hami Aksoy, in Response to a Question Regarding the Statement of the Ministry of Foreign Affairs of Greece Concerning the Survey Activities of the Vessel Oruç Reis in the Eastern Mediterranean, URL: https://www.mfa.gov.tr/sc_-66_yunanistan-disisleri-bakanligi-nin-oruc-reis--dogu-akdeniz-deki-arastirma-faaliyetine-iliskin-yaptigi-aciklama-hk-sc.en.mfa (accessed: 26.08.2021).

⁴ No. 288, 21 December 2010, Press Release Regarding the Exclusive Economic Zone (EEZ) Delimitation Agreement Signed Between Greek Cypriot Administration and Israel, URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-288_-21-december-2010_-press-release-regarding-the-exclusive-economic-zone_eez_-delimitation-agreement--signed-between-greek-cypriot-administration-and-israel.en.mfa (accessed: 26.08.2021).

исследований и геолого-разведочных работ вблизи греческих островов и Кипра — это наглядная демонстрация данной позиции. Анкара постоянно подчёркивает, что протяжённость береговой линии в Средиземном море и общая численность населения позволяют Турции претендовать на «справедливое» разграничение⁵. Вместе с тем такая «справедливость» по-турецки зачастую означает ущемление прав третьих стран, которые им предоставлены в рамках международного морского права. Именно это противоречие делает урегулирование споров в регионе крайне затруднительным.

Хотя легитимность турецких притязаний вызывает немало вопросов, последовательность Анкары в отстаивании интересов не может быть проигнорирована. В этой связи стоит напомнить, что Турция не является участницей ни одной из Женевских конвенций по морскому праву 1958 г. (по территориальному морю и прилежащей зоне; по континентальному шельфу; по открытому морю). Более того, она не стала подписывать Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года. Причины отказа от участия в этих договорах состоят в желании быть связанной международными обязательствами, которые могли бы нанести ущерб национальным интересам, а также собственная позиция государства по ряду правовых вопросов, которая в силу слабости Турции того времени была проигнорирована великими державами эпохи «холодной войны» [İnan 2009].

Турция последовательно выступала против максимального внешнего лимита территориального моря в 12 морских миль, против конвенционных ограничений, свя-

занных с принадлежностью и протяжённостью континентального шельфа, настаивая на применимости концепции его естественного продолжения, против наделения островов правами по формированию расширенных морских зон вокруг себя по аналогии с материковой частью прибрежного государства. Турция также не хотела подпадать под юрисдикцию международных судебных инстанций, предписанных Конвенцией 1982 года — Международный Суд ООН, Международный Трибунал по морскому праву, Арбитраж и Специальный Арбитраж, так как выступала за урегулирование споров в рамках двустороннего формата.

Турецкое видение границ в Восточном Средиземноморье нашло отражение в доктрине «Голубой Родины» (Mavi Vatan) [Gurdeniz 2018]. Она не только направлена на обоснование турецких притязаний, но и призвана превратить Турцию в ведущую морскую державу⁶. Появление доктрины «Голубой Родины» стало реакцией прежде всего на действия Республики Кипр по выдаче лицензий на разведку углеводородов в зонах, которые она считала находящимися под её юрисдикцией. Следует отметить, что доктрина была сформулирована отставным турецким адмиралом Ч. Гюрденисом и не является официальной. Тем не менее в последние годы Анкара фактически действовала в соответствии с ней. Турцией в 2016 г. были куплены гидрографические суда для проведения собственных изысканий, в 2019 г. были проведены военно-морские учения «Голубая Родина»⁷, а Меморандум 2019 г. с Ливией — это фактическая кульминация реализации доктрины⁸.

⁵ QA-73, 1 December 2019, Statement of the Spokesperson of the Ministry of the Foreign Affairs, Mr. Hami Aksoy, in Response to a Question Regarding the Statements Made by Greece and Egypt on the Agreement Signed With Libya on the Maritime Jurisdiction Areas. URL: https://www.mfa.gov.tr/sc_73_yunanistan-ve-misir-aciklamalari-hk-sc.en.mfa (accessed: 26.08.2021).

⁶ Qu'est-ce que la « patrie bleue »? Une conversation avec l'idéologue de la doctrine géopolitique turque \ Le Grand Continent. 2020. 26 October. URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/10/26/cem-gurdeniz-geopolitique-maritime-turque/> (accessed: 28.0.2021).

⁷ 'The Blue Homeland': Turkey's largest naval drill, Anadolu Agency, 27.02.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/-the-blue-homeland-turkey-s-largest-naval-drill/1404267> (accessed: 26.08.2021).

⁸ Turkey to purchase 'Chaser' for its Oruç Reis seismic vessel, Daily Sabah, 23.04.2021. URL: <https://www.dailysabah.com/business/energy/turkey-to-purchase-chaser-for-its-oruc-reis-seismic-vessel> (accessed: 26.08.2021).

Современная позиция Турции

Проблемы в турецко-греческих отношениях Анкара предпочитает обсуждать на двусторонней основе. В 2002–2016 годах состоялось 60 раундов турецко-греческих переговоров по вопросу морских границ, которые не дали существенного результата. Затем переговорный процесс был приостановлен в связи с обострением ситуации вокруг углеводородных ресурсов Восточного Средиземноморья. Возобновление двусторонних переговоров после почти пятилетнего перерыва (в январе и марте 2021 г. состоялись 61-й и 62-й раунды) позволяет Турции понизить уровень международной напряжённости, которая возникла вокруг её позиции. В то же время обе стороны убедились в невозможности решения проблемы методами открытой конфронтации. Осложняют переговорный процесс разногласия относительно его повестки: если Греция намерена обсуждать исключительно вопросы разграничения морских зон, то Турция стремится включить в дискуссию все свои претензии к Афинам.

Турецкие эксперты сдержанно оценивают перспективы переговорного процесса, который, весьма вероятно, будет продолжительным и непростым⁹. В 61-м раунде переговоров, проходившем в Стамбуле, впервые принял личное участие представитель президента Р.Т. Эрдогана — пресс-секретарь И. Калын. Тем не менее, по устоявшейся традиции, стороны воздержались от каких-то заявлений по итогам встреч, что неизменно порождает предположения об отсутствии прогресса. Негативной тенденцией является наращивание Турцией и

Грецией военного присутствия в Восточном Средиземноморье, что создаёт риски непреднамеренных инцидентов, которые могут подорвать политический процесс¹⁰.

По мнению официальной Анкары, проблема углеводородных ресурсов Восточного Средиземноморья имеет два измерения: «Первым из них является Кипрский вопрос. Второй аспект связан с разграничением прав на морское пространство между всеми прибрежными странами в соответствии с международным правом»¹¹. Как отмечалось выше, Турция исходит из того, что вопрос разработки углеводородов на кипрском шельфе не должен решаться до урегулирования вопроса о статусе непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) и что договорённости Греции и Республики Кипр нарушают интересы турок-киприотов. Таким образом, Анкара считает себя и турок-киприотов пострадавшими сторонами, что во многом объясняет особенности поведения Турции и её аргументацию с акцентом на создании механизма «справедливого распределения природных ресурсов морского шельфа Кипра» и механизма «честного энергетического сотрудничества с участием всех сторон, включая турок-киприотов»¹².

Современная позиция Греции

Возобновившиеся в январе 2021 г. после почти пятилетнего перерыва политические консультации между Афинами и Анкарой в очередной раз показали наличие фундаментальных расхождений во взглядах сторон относительно самого предмета греко-турецких переговоров.

⁹ Demirtaş S. Turkey, Greece should not lose momentum for reconciliation // Hurriyet Daily News. 24.02.2021. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/opinion/serkan-demirtas/turkey-greece-should-not-lose-momentum-for-reconciliation-162645> (accessed: 20.03.2021).

¹⁰ QA-82, 30 August 2020, Statement of the Spokesperson of Ministry of Foreign Affairs, Mr. Hami Aksoy, in Response to a Question Regarding the Media Reports on Military Deployment of Greece to the Island of Kastellorizo, URL: https://www.mfa.gov.tr/sc_-82_-yunanistan-in-meis-adasi-na-askeri-sevkiyat-yapmasina-iliskin-basina-yansiyen-haberler-hk-sc.en.mfa (accessed: 26.08.2021).

¹¹ Çavuşoğlu M. 2021 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. S. 7. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2021-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (accessed: 18.02.2021).

¹² Çavuşoğlu M. Our preference is diplomacy without preconditions. URL: <https://www.ekathimerini.com/opinion/256951/cavusoglu-our-preference-is-diplomacy-without-preconditions/> (accessed: 17.02.2021).

Греческие власти категорически не готовы обсуждать суверенитет Греции над материковыми и островными территориями, в том числе скалистыми островками Имия¹³ (из-за них в 1996 г. две страны оказались на грани военного конфликта), проблему демилитаризации островов Лемнос, Самофраки, Лесбос, Хиос, Самос, Икария и архипелага Додеканес, а также положение турецкого меньшинства¹⁴ в Западной Фракии. Выдвижение турецкой стороной перечисленных выше притязаний воспринимается в Греции как свидетельство сохраняющихся агрессивных намерений Анкары¹⁵. Такое восприятие усиливается сформировавшимся в Греции нарративом, согласно которому вся история XX века — это планомерное выдавливание греков с территорий их компактного проживания (изгнание греков из Малой Азии и Понта, Стамбульский погром 1955, расширение турецкой зоны влияния на Кипре).

Сложнее обстоят дела с вопросами о воздушном пространстве и территориальных водах Эгейского моря. Официально Греция заявляет, что расширение последних с 6 до 12 морских миль является её законным правом, о чём она недвусмысленно напомнила Турции в январе 2021 года, приняв соответствующее решение по

Ионическому морю¹⁶. В то же время греческие руководители ещё до того, как Турция объявила потенциальное расширение территориальных вод Греции поводом к войне (1995), подчёркивали, что в отношении Эгейского моря они не собираются пользоваться данным правом, а на переговорах 2016 г. греческая делегация официально признавала свою готовность искать компромисс по данному вопросу¹⁷.

Как признают такие американские эксперты, как Т. Бахчели, Т. Кулумбис и П. Карли [Bahçeli, Coulombis, Carley 1997: 15], а также греческий специалист А. Цикас¹⁸, разумным решением могло бы стать установление дифференцированной ширины территориальных вод для различных регионов (например, 12-мильной для материковой Греции и 6-мильной для островов). Благодаря этому Греция смогла бы существенно расширить свои территориальные воды, а Турция — избежать угрозы превращения Эгейского моря во внутригреческое. Кроме того, автоматически была бы решена проблема нарушения турецкой авиацией греческого воздушного пространства над Эгейскими островами, которое бы сузилось с десяти (как сейчас установлено греческим законодательством) до шести миль. Вместе с тем такого рода ком-

¹³ Ministry of Foreign Affairs announcement on a statement regarding Imia made by the spokesperson of the Turkish Ministry of Foreign Affairs, 31 March 2018, URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/ministry-of-foreign-affairs-announcement-on-statement-regarding-imia-made-by-the-spokesperson-of-the-turkish-ministry-of-foreign-affairs.html> (accessed: 26.08.2021).

¹⁴ Греция утверждает, что во Фракии проживают не турки, а греки мусульманского вероисповедания. См., например, заявление МИД Греции от 12 августа 2020 г.: Ministry of Foreign Affairs announcement regarding today's statement by the Turkish Ministry of Foreign Affairs on Muslim minority schools in Thrace. URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/ministry-of-foreign-affairs-announcement-regarding-todays-statement-by-the-turkish-ministry-of-foreign-affairs-on-muslim-minority-schools-in-thrace.html> (accessed: 11.03.2021).

¹⁵ Statement by Minister of Foreign Affairs Nikos Dendias on Turkey's provocative, aggressive and illegal behaviour (24 November 2020). URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/statement-by-minister-of-foreign-affairs-nikos-dendias-on-turkeys-provocative-aggressive-and-illegal-behaviour-24-november-2020.html?fbclid=IwAR0G-XlYgNmFYwptPirANoMzQpLkCpo7T05kGCC2HSJnkqMLZZ5kkdXjU> (accessed: 26.08.2021).

¹⁶ Extension of territorial waters to 12 nautical miles in the Ionian Sea ratified // Kathimerini. 20.01.2021. URL: <https://www.ekathimerini.com/news/261470/extension-of-territorial-waters-in-ionian-sea-ratified> (accessed: 11.03.2021).

¹⁷ *Gavouneli M.* Whose Sea? A Greek International Law Perspective on the Greek-Turkish Disputes. Institut Montaigne, 2020. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/whose-sea-greek-international-law-perspective-greek-turkish-disputes> (accessed: 11.03.2021).

¹⁸ *Tsikakos A.* Is there a solution to the Aegean dispute? Heinrich Böll Stiftung, 2020. URL: <https://www.boell.de/en/2020/09/09/there-solution-aegean-dispute-0> (accessed: 11.03.2021).

промисс маловероятен без восстановления доверия между Афинами и Анкарой. Как представляется, в сегодняшних реалиях разграничение территориальных вод пока должно оставаться за рамками переговорного процесса.

Эгейское море: юридический тупик?

По вопросам, связанным с разграничением в Эгейском море, позиции Греции и Турции являются взаимоисключающими: Афины настаивают на соблюдении положений современного международного морского права, Анкара же, не связанная международными обязательствами, апеллирует к необходимости соблюдения в первую очередь принципа справедливости. При такой разнице подходов достижение каких-либо двусторонних договорённостей представляется маловероятным, а передача спора на урегулирование в международные судебные инстанции осложняется рядом обстоятельств.

Во-первых, у Греции уже есть негативный опыт обращения в Международный Суд ООН с иском о разграничении континентального шельфа Эгейского моря: Суд в 1978 г. признал у себя отсутствие юрисдикции по рассмотрению греческого иска¹⁹, и эта ситуация может повториться в отношении новых обращений. *Во-вторых*, привлечь Турцию, не являющуюся участником Конвенции 1982 года, к разбирательству в рамках Международного Трибунала по морскому праву без её согласия невозможно. Решения же арбитражей, как показывает, например, выигранный иск Филиппин против КНР 2016 года, могут быть с лёгкостью проигнорированы проигравшей стороной без всяких последствий, за исключением репутационных²⁰.

Наиболее перспективный вариант урегулирования спора — это получение согласия Турции на обращение в Международный

Трибунал по морскому праву, но с целью получить консультативное заключение, которое предполагает предоставление лишь рекомендаций о том, как урегулировать те или иные противоречия, без обязательности их исполнения. Именно такой вариант мог бы устроить Анкару, которая сильно опасается правового позитивизма международных судов, а также неотвратимости исполнения их решений [Georgiades 2011].

Восточное Средиземноморье: политическое решение прежде юридического

Ситуация в так называемой Левантской части Восточного Средиземноморья на первый взгляд кажется ещё более сложной, чем в Эгейском море, — обнаружение запасов углеводородов привело к конкуренции за доступ к ним, а наличие большего числа игроков — к необходимости урегулирования гораздо большего количества межгосударственных противоречий. Турецкая практика по проведению изысканий у берегов греческого о-ва Кастелоризо, а также в непосредственной близости от побережья Республики Кипр, да ещё в сопровождении военных кораблей — была воспринята странами региона как открытый вызов.

С точки зрения норм и положений Конвенции 1982 года (ст. 56, 58, 81) проведение любых научных изысканий, включая буровые работы, в пределах исключительной экономической зоны и на континентальном шельфе прибрежного государства возможно лишь с получения формального согласия последнего. Проводя же такие работы у берегов о. Кастелоризо, Анкара показывает, что этот греческий остров не может претендовать на расширенные морские зоны вокруг себя, за исключением пояса территориального моря [Dyke 1996]. Более того, Турция считает, что этот остров,

¹⁹ ICJ. Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey). Judgment of 19 December 1978. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/62/judgments> (accessed: 25.02.2021).

²⁰ Sreenivasa Rao Pemmaraju, The South China Sea Arbitration (The Philippines v. China): Assessment of the Award on Jurisdiction and Admissibility, Chinese Journal of International Law, Volume 15, Issue 2, June 2016, Pages 265–307, <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmw019>

как и многие другие, расположен именно на её анатолийском континентальном шельфе и не может иметь собственного шельфа [Chrysochou 2014]. Борьба за Кастелоризо станет в ближайшей перспективе основным катализатором напряжённости в регионе [Gurdeniz 2020]. Проведение аналогичных работ у побережья Республики Кипр представляет собой очередную попытку доказать, что формирование морских зон суверенитета и юрисдикции вокруг острова Кипр возможно лишь после урегулирования проблемы вокруг его турецкой части.

Подписание в конце 2019 г. турецко-ливийского Меморандума стало ещё одним шагом Турции по обоснованию своих притязаний²¹. Главная задача этого, по сути межведомственного, документа, который не стоит путать с полноценным межгосударственным договором, — декларировать позиции, что именно Турция и Ливия являются государствами с противоположными побережьями, а никак не Греция²². Таким образом, Анкара настаивает, что греческие острова, даже такие большие, как Крит, лишены права по формированию как ИЭЗ, так и континентального шельфа вокруг них и не могут приниматься во внимание при делимитации морских пространств. Это максимальная запросная позиция Турции, которая вызвала критику со стороны Греции, других региональных держав (Израиля, Египта), а также Франции и всего ЕС в целом.

Одной критикой дело не ограничилось. Ответом на действия Анкары также стало возникновение неформального альянса её оппонентов. Союзниками стали государства—члены Eastern Mediterranean Gas Forum (EMGF), поскольку турецкая активность

угрожает их экономическим интересам. Эта условно антитурецкая ось представляет собой ситуативное решение, поскольку не предполагает формальных многосторонних механизмов военного сотрудничества. Тем не менее в случае эскалации она может легко послужить основой для быстрого формирования временных коалиций для реагирования на конкретный кризис. В перспективе даже возможно появление в регионе квазиальянса, если несколько стран заключат между собой двусторонние соглашения о совместной обороне. Такое развитие событий должно сделать Анкару более склонной к поиску дипломатического решения или, по крайней мере, более осторожной в плане демонстрации силы.

Если описывать текущую ситуацию в реалистской терминологии, то общий тренд на формирование в Восточном Средиземноморье балансирующей коалиции достаточно ярко выражен, но при этом заметно стремление оппонентов Турции избежать военного противостояния. В этой связи целесообразно более подробно рассмотреть подходы ключевых региональных и внерегиональных игроков.

Позиция Израиля

Ключевое влияние на формирование политики Израиля в Восточном Средиземноморье оказывают энергетические вопросы. Открытие собственных значительных по объёму газовых месторождений Тамар и Левиафан в 2009—2010 годах позволило стране постепенно выйти на самостоятельное обеспечение собственного энергопотребления²³. Кроме того, появилась возможность для налаживания активного энергетического сотрудничества как с государствами субрегиона, так и с ЕС. Есть два

²¹ Memorandum of Understanding between the Government of the Republic of Turkey and the Government of National Accord-State of Libya. URL: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/Turkey_11122019_%28HCH%29_MoU_Libya-Delimitation-areas-Mediterranean.pdf (accessed: 26.08.2021).

²² Письмо Постоянного представителя Турции при Организации Объединённых Наций от 18 марта 2020 г. на имя Генерального секретаря. A/74/757. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/757> (дата обращения: 28.02.2021).

²³ Ritchie H., Roser M. Energy. Israel: Energy Country Profile. 2020. // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/energy/country/israel?country=ISR> (accessed: 11.03.2021).

основных способа доставки природного газа от израильских месторождений до европейских потребителей: в виде сжиженного природного газа или же через планируемый газопровод EastMed. Первый вариант возможен при участии Египта, и эта схема уже работает²⁴.

Израиль состоит в двух формальных энергетических объединениях, созданных в субрегионе во второй половине 2010-х годов. Первое – Восточносредиземноморский газовый форум (EMGF), идею которого Израиль разрабатывал совместно с Египтом в 2017 и реализовал в 2019–2020 годах. В объединение вошли Египет, Израиль, Иордания, Палестина, Кипр, Греция, Италия и Франция, статус наблюдателя имеют ЕС и США²⁵, статус ОАЭ по состоянию на март 2021 г. остался неопределённым. Второе – трёхстороннее соглашение между Израилем, Кипром и Грецией о строительстве газопровода EastMed, заключённое в январе 2020 г. и ратифицированное Кнессетом в середине июня того же года.

В то же время реализацию планов по постройке EastMed многие (в том числе министр иностранных дел Италии)²⁶ считают маловероятной по ряду причин: *во-первых*, в связи со значительными затратами на постройку газопровода (около 6 миллиардов евро; в итоге расходы могут оказаться выше возможных доходов), *во-вторых*, из-за изначально высоких цен на сам израильский газ (более 1500 долларов за тысячу

кубометров ещё до попадания в трубопровод), *в-третьих*, вследствие крайне неопределённой политической ситуации в Восточном Средиземноморье, связанной со спорами Турции, Греции и Кипра по вопросу разграничения ИЭЗ, по которым и должен проходить газопровод.

Политические соображения в этом случае в значительной степени переплетены с экономическими: поставки газа и сотрудничество в рамках Восточносредиземноморского форума позволяют Израилу укрепить отношения с рядом европейских стран, стать поставщиком, а не импортёром энергоносителей. Партнёрство же с Грецией и Кипром (так называемый энергетический треугольник) реализуется не только в экономической, но и в политической, и в военной сферах²⁷.

Ещё более значимым для Израиля является налаживание реальных, а не формальных связей с государствами Ближневосточного региона, в частности с Египтом и Иорданией, а также выход из фактической региональной изоляции. Например, израильско-египетские и израильско-иорданские энергетические договорённости уже были названы «экономическим миром», соглашение же с Египтом было оценено израильским министром энергетики Ювалем Штейницем как «самый значительный экономический шаг в отношениях с Египтом после мирного договора 1979 года»²⁸.

При этом партнёрство с Грецией, Кипром и Египтом ещё больше усложняет и без

²⁴ Weiss I. Middle East Energy and Geopolitics. Konrad Adenauer Stiftung, July 2019. P. 5–6. URL: <https://www.kas.de/documents/284382/284431/Bericht+1-+Oil+and+Gas+Middle+East.pdf/0a31b7e7-baca-3b39-a956-ff3cae514fa2?version=1.0&t=1563869107244> (accessed: 11.03.2021).

²⁵ Surkes Sue. Israel joins new regional forum in hope of selling gas to Europe. 22 September 2020. The Times of Israel. HTML: <https://www.timesofisrael.com/israel-joins-new-regional-forum-in-hope-of-selling-gas-to-europe/> (accessed: 11.03.2021).

²⁶ Italy's foreign minister expresses doubts over feasibility of EastMed pipeline. 18 January 2020. The Times of Israel. HTML: <https://www.timesofisrael.com/italys-foreign-minister-expresses-doubts-over-feasibility-of-eastmed-pipeline/> (accessed: 11.03.2021).

²⁷ Israel, Greece and Cyprus agree to boost defense cooperation. 13 November 2020. The Times of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-greece-and-cyprus-agree-to-boost-defense-cooperation/> (accessed: 11.03.2021).

²⁸ In milestone, Israel starts exporting natural gas to Egypt. 15 January 2020. [Электронный ресурс] The Times of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/in-milestone-israel-starts-exporting-natural-gas-to-egypt/> (accessed: 11.03.2021).

того непростые контакты Израиля с Турцией, которая по разным причинам находится в напряжённых отношениях со всеми четырьмя государствами. В стратегическом анализе Управления военной разведки Израиля на 2020 г. «агрессивная политика турецкого президента Реджепа Тейипа Эрдогана» впервые была названа вызовом, хотя об угрозе военной конфронтации речи не шло. Потенциальный же газопровод между Турцией и Ливией израильский министр иностранных дел Исраэль Кац назвал незаконным²⁹.

Израиль не заинтересован в конфронтации с Турецкой Республикой, а его противодействие политике Анкары является не проявлением некоего исторически обусловленного антагонизма, а следствием возникшего уже в 2010-х годах конфликта интересов. При этом, как показывает анализ израильских источников, Иерусалим будет избегать прямого военного столкновения. Если же EastMed действительно не будет реализован (или же его постройка существенно затянется), Израиль может в принципе занять нейтральную позицию по вопросу греческо-турецко-киприотской делимитации морских границ и реализовывать свой проект по экспорту газа в Европу через Египет.

Позиция Египта

Египет активно вовлечён в восточно-средиземноморский конфликтный узел, связанный с освоением нефтегазовых залежей и демаркацией морских границ. В Каире полагают, что страна получила новые возможности для экономического развития, после того как в 2015 г. в её ИЭЗ было обнаружено крупное месторождение углеводородов «Зохран». Нынешним руко-

водством страны газ Средиземноморья рассматривается как важнейшая составляющая будущего роста. К 2021 г. Египет вышел на самообеспечение газом, что позволило стране направлять экономические средства на осуществление социально-экономических реформ. По словам египетских официальных лиц, в ближайшие годы в Восточном Средиземноморье планируется реализовать 16 проектов в газовой сфере общей стоимостью 25 млрд долл. США³⁰.

Каир также стремится стать важным игроком в качестве страны-транзитёра энергоресурсов. Избыток своего газа и реэкспорт из Израиля, а в перспективе ещё и с Кипра позволяют Египту значительно нарастить объём поставок. Преимуществом арабской республики является то, что она уже имеет большую часть необходимой инфраструктуры для экспорта сжиженного природного газа. В 2019 г. экспорт газа из Египта более чем удвоился и достиг 4,5 млрд кубометров по сравнению с 2 млрд кубометров в 2018-м³¹.

Поскольку добыча и экспорт природного газа — один из немногих доступных Египту способов стимулировать экономическое обновление страны, Каир намерен активно защищать свои позиции и интересы. В первую очередь, он выступает за региональную кооперацию для разрешения споров. Начиная с 2013 г. Каир активно укрепляет экономические и политические связи в двустороннем и многостороннем формате со странами Восточного Средиземноморья. Он подписал Соглашение о демаркации границ ИЭЗ с Грецией и Кипром, затем заключил торговые соглашения с Израилем и Италией. Египет был одним из инициаторов создания в 2019 г.

²⁹ Gross Judah Ari. In first, Turkey leader's hostility noted as 'challenge' in annual intel report. 14 January 2020. [Электронный ресурс] The Times of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/in-first-turkey-included-as-threat-in-idfs-annual-intel-assessment/> (accessed: 11.03.2021).

³⁰ 16 natural gas projects worth \$25 bn planned in Mediterranean [Электронный ресурс]. URL: <https://egyptindependent.com/16-natural-gas-projects-worth-25-bn-planned-in-mediterranean/> (accessed: 14.03.2021).

³¹ Analysis: Egyptian LNG exports more than double in 2019 to 4.8 Bcm despite autumn lull. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/011420-analysis-egyptian-lng-exports-more-than-double-in-2019-to-48-bcm-despite-autumn-lull> (accessed: 14.03.2021).

Восточносредиземноморского газового форума (EMGF) со штаб-квартирой в Каире. Сближение Египта, Израиля, Греции и Кипра было поддержано Францией, США и ОАЭ. Форум не ограничивается только энергетическим сотрудничеством. Учения, проведённые в конце 2020 г. Кипром, Египтом, Грецией и ОАЭ, стали сигналом о готовности этих стран сдерживать Турцию и военным путём.

Турция, со своей стороны, пытается выйти на политический диалог с Каиром. На протяжении второй половины 2020 г. и в первые месяцы 2021-го со стороны высокопоставленных турецких государственных деятелей звучали примирительные заявления в адрес Египта³². Тем не менее Каир опровергал любые заявления о том, что страны планируют начать двусторонние переговоры по урегулированию разногласий в Восточном Средиземноморье³³. Египет настаивал, что Кипр и Греция должны быть частью любых переговоров с Турцией. Другими словами, попытки Анкары расколоть начавшую складываться коалицию не дали желаемого эффекта. Позиция Каира в отношении Анкары оставалась весьма осторожной, поскольку экономические интересы подталкивали его в условный «прогрессивный» лагерь. Впрочем, примирительные жесты со стороны правительства Эрдогана могут побудить АРЕ более активно продвигать идею о диалоге в интересах снижения напряжённости в регионе или даже поддержать предоставление Турции статуса наблюдателя при газовом форуме.

Позиция Франции

При изучении позиций внешних игроков, оказывающих влияние на развитие ситуации в Восточном Средиземноморье, стоит остановиться на Франции, одной из наиболее прогрессивных стран в ЕС. Париж поддерживает «свободу передвижения, безопасность судоходства и уважение международного права» в Средиземноморье³⁴, что согласуется с позицией Афин. В сентябре 2020 г. Э. Макрон заявил: «Турция больше не является партнёром в регионе»³⁵. Объясняется столь жёсткая позиция рядом соображений. В первую очередь, солидарностью в рамках ЕС (то есть солидарностью с Грецией и Кипром) в сфере внешней политики и энергетической дипломатии, на которую Франция традиционно делает ставку. Не случайно она поддерживает проект газопровода EastMed для диверсификации энергопоставок в ЕС. Франция стала едва ли не единственной в ЕС страной, продемонстрировавшей готовность оказать военную помощь Греции и Кипру: Париж провёл совместно с Афинами морские манёвры³⁶.

На позицию Франции влияют также серьёзные франко-турецкие противоречия. Их можно разделить на две группы. Первая — это политическое соперничество между Францией и Турцией по всему региону Средиземноморья. Вторая группа противоречий носит идеологический характер. Президент Э. Макрон крайне обеспокоен «неоосманским» курсом Турции и стремлением Р.-Т. Эрдогана играть роль вдохновителя политического ислама по всему региону.

³² Egypt hails Turkey's move to normalize diplomatic relations, Daily Sabah, 4 July 2020. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/egypt-hails-turkeys-move-to-normalize-diplomatic-relations> (accessed: 26.08.2021).

³³ Greece and Egypt reach compromise in eastern Mediterranean. URL: <https://www.arabnews.com/node/1822296/middle-east> (accessed: 12.03.2021).

³⁴ Tensions gréco-turques: la France renforce sa présence en Méditerranée // La Tribune. 13.08.2020. URL: <https://www.latribune.fr/economie/international/tensions-greco-turques-la-france-renforce-sa-presence-en-mediterranee-854834.html> (accessed: 12.03.2020).

³⁵ Chatignoux C. "La Turquie n'est plus un partenaire dans la région", déplore Emmanuel Macron // Les Echos. 10.09.2020. URL: <https://www.lesechos.fr/monde/europe/la-turquie-nest-plus-un-partenaire-dans-la-region-deploire-emmanuel-macron-1241221> (accessed: 12.03.2020).

³⁶ Amid tensions with Turkey, Greece in joint manoeuvres with France, Reuters, 13 August 2020, URL: <https://www.reuters.com/article/uk-greece-turkey-france-idUKKCN25914B> (accessed: 26.08.2021).

ну. Кроме того, на действия Парижа могут влиять интересы французских компаний в Средиземноморье – прежде всего энергетических (18 сентября 2019 г. Французская «Тоталь» совместно с итальянской «Эни» выиграла тендер на разработку в кипрских водах газовых месторождений, открытых в 2011 году), а также военно-промышленных (25 января 2021 г. стороны подписали контракт на поставку Греции 18 самолётов «Рафаль»³⁷).

Ещё до эскалации, произошедшей в августе 2020 года, Франция дала понять, что осуждает шаги Турции, нацеленные на расширение сферы влияния в Восточном Средиземноморье. 14 октября 2019 г. страны ЕС договорились ввести санкции против Турции за геолого-разведочные работы в кипрских водах. 12 декабря 2019 г. ЕС подверг критике договорённости Турции с председателем Президентского совета Ливии Ф. Сарражем о делимитации Восточного Средиземноморья от 27 ноября 2019 года³⁸. 8 января 2020 г. в Каире прошла встреча министров иностранных дел Франции, Греции, Кипра и Египта (к которым также присоединился коллега из Италии): на ней стороны осудили турецко-ливийские договорённости и отметили, что те нарушают международное право, резолюции СБ ООН и ущемляют права третьих стран, прежде всего Кипра. В феврале 2020 г., накануне визита греческого премьера К. Мицотакиса во Францию стороны объявили о переводе своих отношений на уровень «стратегического партнёрства в области безопасности»³⁹. 11 мая 2020 г. по видеосвязи состоялся новый СМВД средиземноморской четвёрки, в котором также участвовали ОАЭ. На этой сессии

Франция и её партнёры снова осудили «односторонние» действия Турции в особой экономической зоне Кипра, нарушение турецкой авиацией воздушного пространства Греции и «военное вторжение» турецких сил в Ливию, нарушающее резолюцию СБ ООН №2259.

По состоянию на середину 2021 г. Франция продолжала проводить политику, направленную на сдерживание Турции в Средиземноморье. Париж оставался одним из ключевых внерегиональных партнёров греческой коалиции, оказывал дипломатическую и военную поддержку Греции и Кипру, а также продвигал антитурецкую повестку на уровне ЕС.

Позиция ЕС

Несмотря на существенный вес Франции в ЕС, её позиция не полностью определяет политику Брюсселя. Сторонникам давления на Турцию (Греция, Кипр, Франция, Австрия) оппонировали приверженцы диалога с ней (Германия, Испания, Болгария и др.). Для последних Турция – это важный военно-политический союзник по НАТО и страна, влияющая на миграционные потоки. Показательно, что выдвинутое в августе 2020 г. предложение Франции наложить санкции ЕС против Турции (одновременно с санкциями против Беларуси) не получило поддержки. Слова главы Еврокомиссии У. фон дер Ляйен о том, что происходящее в Турции и Беларуси – это две различные ситуации, вызвали возмущение Греции, раскритиковавшей ЕС за то, что в отношении Минска речь идёт о санкциях, а в отношении Анкары – лишь о вариантах реагирования. Германия при этом предпочла быть посредником между Грецией

³⁷ Greece and France ink \$3 billion contract for Rafale fighter jets, Defense News, 25 January 2021, URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2021/01/25/greece-and-france-ink-3-billion-contract-for-rafale-fighter-jets/> (accessed: 27.08.2021).

³⁸ Conseil européen. Réunion du Conseil européen (12 décembre 2019) – Conclusions. P. 4. URL: http://www.senat.fr/fileadmin/Fichiers/Images/commission/affaires_europeennes/Conclusions_CE/Conseil_europeen_du_12-12-19.pdf (accessed: 12.03.2020).

³⁹ *Decis H.* Paris et Athènes unies par un nouveau partenariat stratégique de sécurité (13.02.2020) // IRIS. URL: <https://www.iris-france.org/144329-paris-et-athenes-unies-par-un-nouveau-partenariat-strategique-de-securite/> (accessed: 12.03.2020).

и Турцией, а страны Восточной Европы по большому счету интересовали лишь события в Беларуси и реакция России⁴⁰.

10 сентября 2020 г. Франция и ряд других стран Средиземноморья снова пригрозили Турции санкциями, после чего 13 сентября та увела судно «Оруч Рейс» из спорных вод. Приветствуя приход в Вашингтон администрации Дж. Байдена, Франция продемонстрировала расчёт на то, что он сможет оказать давление на Турцию⁴¹, призвав её «к порядку» в рамках НАТО и тем самым урегулировать конфликт в Восточном Средиземноморье с минимальным ущербом для ЕС.

Отсутствие общеевропейской позиции в отношении политики Турции не позволяет ЕС играть активную роль в снижении напряжённости в Восточном Средиземноморье. В свою очередь, Анкара не устаёт напоминать европейцам о том, что эпоха колониализма осталась в прошлом⁴², и стремится позиционировать свои региональные трения с западными странами как борьбу за независимость от пережитков империализма.

Если давать общую оценку текущей ситуации в Восточном Средиземноморье, то приходится констатировать, что обострение региональной конкуренции на фоне начала масштабной добычи углеводородов привело к возникновению неформальной ситуативной коалиции государств, заинтересованных в сдерживании Турции, и прежде всего её притязаний на значительную часть шельфа. Важным элементом является вовлечённость в конфликтный узел одного из ли-

деров ЕС – Франции, которая существенно усиливает военный потенциал антитурецкой оси. Впрочем, противостояние носит не столько идеологический или ценностный характер (хотя данные элементы присутствуют), сколько экономический, особенно это заметно в случае Израиля и Египта. Благодаря этому ни Анкара, ни её оппоненты не заинтересованы в военном противостоянии, хотя готовность отстаивать свои интересы силовыми методами всячески демонстрируется. Помимо этого, ситуация осложняется отсутствием эффективной политики со стороны ЕС.

* * *

С международно-правовой точки зрения ответ на вопрос о том, как урегулировать противоречия в Восточном Средиземноморье, пока не очевиден. Впрочем, возможно, всё дело в том, что стороны пока находятся в начальной стадии торга. Турция и её оппоненты на официальном уровне придерживаются максимальной запросной позиции и не спешат её смягчать, так как это будет автоматически означать сужение круга правоприязаний по сравнению с изначальным.

Наиболее жёстко и бескомпромиссно стороны ведут себя по ситуации в Эгейском море. Причём для Греции, за исключением проблемы делимитации континентального шельфа, все остальные вопросы⁴³ в отношениях с Турцией вообще не относятся к предмету для дискуссии, так как Афины считают, что международное право на их стороне, а турецкая апелляция к принципу

⁴⁰ *Michalopoulos S.* La Grèce va ratifier des accords maritimes avec l'Égypte et l'Italie // Euractiv, 21.08.2020. URL: <https://www.euractiv.fr/section/avenir-de-l-ue/news/greece-to-ratify-maritime-deals-with-egypt-and-italy-next-week/> (accessed: 12.03.2020).

⁴¹ *Macron pitches Biden on plan to get foreign fighters out of Libya*, Politico, 16 June 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/emmanuel-macron-joe-biden-withdrawal-fighters-libya/> (accessed: 27.08.2021).

⁴² *Çavuşoğlu M.* Our preference is diplomacy without preconditions. URL: <https://www.ekathimerini.com/opinion/256951/cavusoglu-our-preference-is-diplomacy-without-preconditions/> (accessed: 17.02.2021).

⁴³ Вопрос о суверенитете над островами; демилитаризованный статус тех или иных островов; ширина территориального моря (ТМ) вокруг греческих островов в Эгейском море; установление зон противовоздушной обороны (ADIZ); проблемы контроля за воздушным трафиком; реализация прав в области судоходства в регионе.

справедливости – вторична⁴⁴. Турецкие власти, со своей стороны, считают, что Греция нарушает Лозаннский мирный договор 1923 года⁴⁵, по которому большая часть островов в Эгейском море осталась за греками, что даёт Анкаре право добиваться пересмотра его ключевых положений [Balsar 2001].

Как ни парадоксально, урегулирование в Левантийской части Восточного Средиземноморья выглядит более достижимым. Большинство игроков заинтересованы в том, чтобы избежать силового противостояния. Есть приемлемые компромиссные варианты, и если одна из сторон не пойдёт на откровенно провокационные действия, то договорённости возможны.

В частности, турецкая сторона призывает к созыву многосторонней конференции для обсуждения проблемы делимитации морских пространств в Восточном Средиземноморье⁴⁶. Что касается греческого подхода к вопросу Восточного Средиземноморья, то, вопреки распространённому в Турции скептицизму, Афины готовы к диалогу по этой проблеме. Разработанная профессором Х. де Виверо «Севильская карта», в соответствии с которой ИЭЗ Греции и Республики Кипр соприкасаются друг с другом, в результате чего Турция оказывается изолированной от ИЭЗ африканских стран, не служила основой для греческих притязаний в регионе. В действительности официальные Афины не исключают для себя возможности уступок, но настаивают, что до урегулирования спора

Турция не имеет права проводить разведку полезных ископаемых в греческой ИЭЗ, временной границей которой в отсутствие демаркации является средняя линия⁴⁷.

Иными словами, вариант, при котором, как предлагает турецкий эксперт Р. Тюрмен⁴⁸, греческие власти откажутся от КШ и ИЭЗ, образуемых островом Кастелоризо, а Турция в свою очередь признает соответствующие права Греции в отношении Крита, теоретически мог бы стать основой для компромисса. Тем не менее согласие на такой вариант, скорее всего, будет обставлено греческими переговорщиками рядом условий, таких как, например, отказ Турции от нелегитимных (с точки зрения Афин) требований, отмена турецким меджлисом закона о *casus belli*, а также присоединение Турции к Конвенции ООН по морскому праву.

Если смотреть на ситуацию более широко, то можно ожидать, что в краткосрочной перспективе при условии отсутствия резонансных инцидентов напряжённость в Восточном Средиземноморье должна несколько снизиться, поскольку для строительства газопровода EastMed нет ни экономических, ни политических условий. Для реализации этого проекта требуются существенные финансовые ресурсы, найти которые в условиях пандемии COVID-19 будет затруднительно. Кроме того, уже имеется альтернативный маршрут экспорта кипрского и израильского газа в Европу: крупные компании, в частности итальянская «Эни», делают ставку на Египет как на

⁴⁴ Hellenic Republic. Ministry of Foreign Relations. Foreign Policy Issues, Issues of Greek, Turkish Relations. URL: <https://www.mfa.gr/en/issues-of-greek-turkish-relations/relevant-documents/> (accessed: 28.02.2021).

⁴⁵ Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Turkish-Greek Relations, The Aegean Status-Quo-Historical Perspective URL: <http://www.mfa.gov.tr/the-aegean-status-quo-historical-perspective.en.mfa> (accessed: 28.02.2021).

⁴⁶ Turkey proposes regional conference on East Med disputes, Erdoğan says. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkey-proposes-regional-conference-on-east-med-disputes-erdogan-says> (accessed: 10.03.2021).

⁴⁷ Τι είναι ο «Χάρτης της Σεβίλλης» για την ελληνική ΑΟΖ, που πολεμάνε λυσάλλεα οι Τούρκοι [Что собой представляет «Севильская карта греческой ИЭЗ, с которой турки так яростно борются] // Proto Thema. 27.09.2020. URL: <https://www.protothema.gr/greece/article/1048860/ti-einai-o-hartis-tis-sevillias-gia-tin-elliniki-aoz-pou-polemane-me-lussa-oi-tourkoi> (accessed: 11.03.2021).

⁴⁸ Türmen R. Whose Sea? A Turkish International Law Perspective on the Greek-Turkish Disputes. Institut Montaigne, 2020. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/whose-sea-turkish-international-law-perspective-greek-turkish-disputes> (accessed: 12.03.2021).

транзитный хаб⁴⁹. Также по ряду причин снизился интерес к месторождениям на кипрском шельфе. Отраслевые эксперты не ожидают резкого роста добычи⁵⁰, а для предполагаемых объёмов экспорта будет вполне достаточно египетских мощностей по сжижению⁵¹.

С политической точки зрения Турция успешно выступила в роли спойлера: ей удалось сорвать или, как минимум, существенно отсрочить строительство газопровода EastMed. Тем не менее в среднесрочной перспективе такая политика чревата проблемами для Анкары. Страны региона стали воспринимать Турцию как потенциального гегемона, которому необходимо противопоставить коалицию, чтобы восстановить баланс силы. В частности, Греция делает ставку на коалиционные механизмы и военное сотрудничество с арабскими государствами – Египтом и ОАЭ.

В регионе складывается антитурецкий квазиальянс, поскольку, например, у Греции уже есть ряд двусторонних соглашений о военном сотрудничестве с другими странами Восточного Средиземноморья. В долгосрочной перспективе напряжённость может снова возрасти.

Нельзя исключать и более оптимистичного сценария развития событий, который предполагает, что страны региона пойдут на «большую сделку» с Турцией. Сторонники подобного курса есть и в Израиле, и в арабских странах. Осторожный оптимизм внушает и тот факт, что в 2020 г. Афины уже пошли на некоторые уступки Италии в рамках переговоров о делимитации морских пространств⁵². Есть вероятность, что ради нормализации отношений с Анкарой Афины согласятся учитывать при определении границ КШ и ИЭЗ только крупные острова.

Список литературы

- Горбунова Н.М. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2(12). С. 64–79. DOI 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79.
- Ирхин А.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91–107. DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.
- Мелконян С.Г. Внешнеполитическая стратегия Государства Израиль в Восточном Средиземноморье На примере Греции и Кипра // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2020. № 9(368). С. 71–82.
- Прозорова Г.К. «Периферийная стратегия» Израиля: современное видение // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1(23). С. 161–176.
- Bahcheli T., Couloumbis T., Carley P. Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Washington: United States Institute of Peace, 1997. 57 p.
- Başlar K. Two Facets of the Aegean Sea Dispute: 'de lege lata' and 'de lege ferenda' // Turkey and international law / ed. by K. Başlar. Ankara: Özen Publ., 2001. URL: https://web.archive.org/web/20060822022924/http://www.turkishweekly.net/pdf/aegean_sea.pdf (accessed: 28.02.2021).
- Chrysochou G., Siousiouras P. The Aegean Dispute in the Context of Contemporary Judicial Decisions on Maritime Delimitation // Laws. 2014. Vol. 3. No. 1. P. 12–49.
- Dentice G., Talbot V. A Geopolitical Sea: The New Scramble for the Mediterranean. ISPI Dossier. 2020. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/isp_i_dossier_a_geopolitical_sea_july_2020.pdf (accessed: 12.03.2021).

⁴⁹ Tanchum M. Egypt's Prospects as an Energy Export Hub Across Three Continents, ISPI, 24 September 2020, URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/egypts-prospects-energy-export-hub-across-three-continents-27408> (accessed: 27.08.2021).

⁵⁰ John V. Bowlus, Eastern Mediterranean gas: Testing the field. ECFR. May 2020. URL: https://ecfr.eu/special/eastern_med/gas_fields (accessed: 27.08.2021).

⁵¹ Factbox: Egypt's push to be east Mediterranean gas hub, Reuters. 15 January 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-israel-gas-factbox-idUSKBN1ZE10N> (accessed: 27.08.2021).

⁵² Greece, Italy sign accord on maritime zones in Ionian Sea. Reuters. 9 June 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-greece-italy-foreign-idUSKBN23GOX5> (accessed: 27.08.2021).

- Dyke Jon M. van.* The Aegean Sea dispute: options and avenues // *Marine Policy*. 1996. Vol. 20. No. 5. P. 397–404.
- Georgiades E.* The Imia Islets: A Beginning to the Maritime Delimitation of the Aegean Sea Dispute // *Ocean and Coastal Law Journal*. 2011. Vol. 17. No. 1. P. 103–126.
- Gürdeniz Cem.* Mavi Vatan'ın Güney Cephesi: Doğu Akdeniz. Pankus Yayınları, 2020. 192 p.
- Gürdeniz Cem.* Mavi Vatan Yazıları. Kırmızı Kedi Yayınevi, 2018. 528 p.
- Heracleides A.* Imagined Enemies: The Aegean Conflict // *Mediterranean Politics*. 2011. Vol. 16. No. 2. P. 221–239. DOI: 10.1080/13629395.2011.583740.
- Inan Y., Gözen M.* Turkey's Maritime Boundary Relations // *Eastern Mediterranean. Countries and Issues* / ed. by M. Kibaroglu. Ankara Foreign Policy Institute, 2009. P. 154–164.
- İnat K.* Türkiye'nin Doğu Akdeniz Politikası: Hedefler, Araçlar, Yöntemler // *Kriter Dergisi*, September 2020. P. 26–28.
- Karbuç S.* Geostrategic importance of East Mediterranean gas resources // *Energy Economy, Finance and Geostrategy*. Springer, Cham, 2018. P. 237–255.
- Papadakis K.* The Greece-Turkey dispute in the Aegean and the ICJ sea border delimitation case of Ukraine/Romania: similarities and differences in a comparative perspective // *European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities*. 2018. Vol. 7. No. 3. P. 36–46.
- Papastavridis E.* Enforcement Jurisdiction in the Mediterranean Sea: Illicit Activities and the Rule of Law on the High Seas. *International Journal of Marine and Coastal Law*. 2010. Vol. 25. No. 4. P. 569–600.
- Shama N.* Between Alliance and Entente: The Egyptian-Greek-Cypriot Partnership // *The New Geopolitics of the Eastern Mediterranean: Trilateral Partnerships and Regional Security, Re-imagining the Eastern Mediterranean Series* / ed. by Z. Tziarras. PCC Report, 3. Nicosia: PRIO Cyprus Centre, 2019. P. 95–111.
- Yaycı C.* Libya Türkiye'nin Denizden Komşusudur: Doğu Akdeniz'de Deniz Alanlarının Sınırlandırılmasında Libya'nın Rolü. İstanbul: Avrasya Stratejik Araştırmalar Merkezi Yayınları, 2019. 150 p.
- Yılmaz E.* The Past and Today of Turkish Foreign Policy within the Framework of Developments in the East Mediterranean // *Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi*. 2020. Vol. 48. Winter. P. 27–48. DOI: 10.17498/kdeniz.791715.

EASTERN MEDITERRANEAN IN A SEARCH OF A NEW BALANCE OF INTERESTS*

PAVEL GUDEV
IBRAGIM IBRAGIMOV
YURI KVASHNIN
LYUDMILA SAMARSKAYA
IRINA SVISTUNOVA
NIKOLAY SURKOV
PAVEL TIMOFEEV

Primakov's Institute of World Economy and Politics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

The Eastern Mediterranean has become an arena of fierce competition for an access to sea spaces and their resources, including hydrocarbons. Coastal states and a number of non-regional players are deeply involved in this rivalry. Currently the region is witnessing a confrontation between Turkey and a

* The article was prepared within the project «Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation» supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development. (Agreement № 075-15-2020-783).

"balancing coalition", which consists of Greece, Cyprus, Israel and Egypt. The article deals with the problem of maritime spaces delimitation in the Aegean Sea and the Eastern Mediterranean. It also studies the policies of the main actors. The primary goal is to make an assessment of the risks and to analyze possible ways to reduce tension by balancing the interests of major players. The analysis shows that Turkey intends to consistently defend its claims on the continental shelf based on the so-called "principle of justice", thus challenging the Greek claims. Ankara managed to prevent the construction of the EastMed gas pipeline, thus hurting the interests of other countries of the region. In turn, Greece appeals to the norms of international maritime law. It is actively looking now for allies that could help it contain Turkey. There is a potential "anti-Turkey" coalition comprising France, Israel and Egypt. The authors conclude that, despite the extreme complexity of the situation, especially from the legal point of view, tension in the Eastern Mediterranean can be reduced because the countries of the region are reluctant to engage in a military confrontation with Turkey and alternative routes for energy transportation exist. In addition, there are signs that Greece might be open to a reasonable compromise with Turkey.

Keywords:

Turkey; Greece; Israel; Egypt; France; EU; Eastern Mediterranean; gas; conflict.

References

- Bahcheli T., Couloumbis T., Carley P. (1997). *Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy*. Washington: United States Institute of Peace. 57 p.
- Başlar K. (2001). Two Facets of the Aegean Sea Dispute: 'de lege lata' and 'de lege ferenda'. In: Başlar K. (ed.). *Turkey and international law*. Ankara: Özen Publ. URL: https://web.archive.org/web/20060822022924/http://www.turkishweekly.net/pdf/aegean_sea.pdf (accessed: 28.02.2021).
- Chrysochou G., Siousiouras P. (2014). The Aegean Dispute in the Context of Contemporary Judicial Decisions on Maritime Delimitation. *Laws*. Vol. 3. No. 1. P. 12–49.
- Dentice G., Talbot V. (2020). *A Geopolitical Sea: The New Scramble for the Mediterranean*. ISPI Dossier. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/isp_i_dossier_a_geopolitical_sea_july_2020.pdf (accessed: 12.03.2021).
- Dyke Jon M. van. (1996). The Aegean Sea dispute: options and avenues. *Marine Policy*. Vol. 20. No. 5. P. 397–404.
- Georgiades E. (2011). The Imia Islets: A Beginning to the Maritime Delimitation of the Aegean Sea Dispute. *Ocean and Coastal Law Journal*. Vol. 17. No. 1. P. 103–126.
- Gorbunova N. (2020). Bor'ba za shelf Vostochnogo Sredizemnomorya: itogi i perspektivy [The Struggle for Eastern Mediterranean shelf: outcomes and prospects. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. Vol. 12. No. 2. P. 64–79. DOI 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79.
- Gürdeniz Cem. (2018). *Mavi Vatan Yazıları* [Blue Homeland Writings]. Kirmizi Kedi Yayınevi. 528 p.
- Gürdeniz Cem. (2020). *Mavi Vatan'ın Güney Cephesi: Dogu Akdeniz* [The Southern Front of the Blue Homeland: Eastern Mediterranean]. Pankus Yayınları. 192 p.
- Heraclides A. (2011). Imagined Enemies: The Aegean Conflict. *Mediterranean Politics*. Vol. 16. No. 2. P. 221–239. DOI: 10.1080/13629395.2011.583740.
- İnan Y., Gözen M. *Turkey's Maritime Boundary Relations // Kibaroglu M. (ed.) Eastern Mediterranean. Countries and Issues*. Ankara Foreign Policy Institute, 2009. P. 154–164.
- İnat K. (2020). Türkiye'nin Doğu Akdeniz Politikası: Hedefler, Araçlar, Yöntemler. *Kriter Dergisi*. September. P. 26–28.
- Irkhin A. (2021). "Mir bol'she pyati". Stanovleniye Turtsii v global'noy aktora mirovoy politiki: perspektivy i vyzovy dlya Rossii ["The world is more than five." Turkey's Becoming a Global Actor of World Politics: Prospects and Challenges for Russia]. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 21. No. 1. P. 91–107. DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.
- Karbuž S. (2018). Geostrategic importance of East Mediterranean gas resources. In: *Energy Economy, Finance and Geostrategy*. Cham: Springer. P. 237–255.
- Melkonyan S.G. (2020). Vneshnepoliticheskaya strategiya Gosudarstva Izrail' v Vostochnom Sredizemnomor'ye na primere Gretsii i Kipra [Foreign Policy Strategy of the State of Israel in the Eastern Mediterranean: The Example of Greece and Cyprus]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal «Obozrevatel'—Observer»*. No. 9. (368). P. 71–82.

- Papadakis K. (2018). The Greece-Turkey dispute in the Aegean and the ICJ sea border delimitation case of UkraineRomania: similarities and differences in a comparative perspective. *European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities*. Vol. 7. No. 3. P. 36–46.
- Papastavridis E. (2010). Enforcement Jurisdiction in the Mediterranean Sea: Illicit Activities and the Rule of Law on the High Seas. *International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 25. No. 4. P. 569–600.
- Prozorova G. (2020). "Periferiy naya strategiya" Izrailiya: sovremennoye videniye [Peripheral strategy of Israel: Modern Vision]. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. No. 1(23). P. 161–176.
- Shama N. (2019). Between Alliance and Entente: The Egyptian-Greek-Cypriot Partnership. In: Tziarras Z. (ed.) *The New Geopolitics of the Eastern Mediterranean: Trilateral Partnerships and Regional Security, Re-imagining the Eastern Mediterranean Series*. PCC Report, 3. Nicosia: PRIO Cyprus Centre. P. 95–111.
- Yaycı C. (2019). *Libya Türkiye'nin Denizden Komşusudur: Doğu Akdeniz'de Deniz Alanlarının Sınırlandırılmasında Libya'nın Rolü*. İstanbul: Avrasya Stratejik Araştırmalar Merkezi Yayınları. 150 p.
- Yılmaz E. (2020). The Past and Today of Turkish Foreign Policy within the Framework of Developments in the East Mediterranean. *Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi*. Vol. 48. Winter. P. 27–48. <https://doi.org/10.17498/kdeniz.791715>.

ВЛИЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ

ЕВГЕНИЯ ЗАХАРОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается реформа административно-территориального устройства Франции 2015 года, которая повлекла за собой ревизию компетенций центра и регионов. Автор пытается выяснить, каким образом она изменила влияние пространственного фактора на электоральное поведение граждан в ходе первого тура президентских выборов, а также какие паттерны голосования регионов Франции можно выделить до и после реформы. Для ответа на поставленные вопросы посредством индекса пространственной автокорреляции Морана был проанализирован такой феномен, как «эффект соседства», а также посредством метода многофакторного районирования на основе диаграммы параллельных координат были выявлены паттерны голосования во время первого тура президентских выборов 2012 и 2017 годов. При определении паттернов голосования автор рассмотрел социально-экономические и демографические переменные, объясняющие поддержку кандидатов на выборах, а также количество преступлений против мигрантов-мусульман в контексте миграционного кризиса 2015 года. Результаты исследования показывают, что административно-территориальная реформа Франции нивелировала влияние «эффекта соседства» на электоральное поведение граждан в регионах, что указывает на тенденцию к их децентрализации. Что касается паттернов голосования, то Марин Ле Пен получает электоральную поддержку преимущественно в восточных регионах, в которых отмечается высокий уровень миграции и безработицы. В западных регионах, в которых отмечается низкий уровень миграции и низкий уровень безработицы, избиратели голосуют за других кандидатов, которые не выстраивают свою повестку только вокруг миграционного вопроса. За победителя президентской гонки голосует столичный регион, в котором отмечался высокий уровень миграции, низкий уровень безработицы и низкий уровень бедности, а также было зафиксировано большое количество преступлений против мигрантов-мусульман. Реформа не изменила паттерны голосования регионов, что отражает тенденцию на рецентрализацию власти и сохраняет за столичным регионом главенствующую роль при принятии решений.

Ключевые слова:

выборы во Франции; электоральное поведение; административно-территориальная реформа; пространственный анализ; миграционные процессы; индекс пространственной автокорреляции Морана; многофакторное районирование.

Статья подготовлена в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 19-311-90035 Аспиранты «Политическая культура как фактор влияния на электоральное поведение граждан на субнациональном уровне политики во Франции и Германии».

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2021

Дата принятия к публикации: 01.06.2021

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: e.zakharova@inno.mgimo.ru

С 1980-х годов во Франции наблюдалось несколько раундов перераспределения полномочий между национальным и региональными уровнями власти. Реформы зачастую носили непоследовательный характер, приводя к маятниковым движениям то к децентрализации, то к рецентрализации. При этом даже после принятия законов 1982–1983 годов, расширивших компетенции регионов, власти на национальном уровне сохранили за собой широкий набор полномочий [Thoenig, Duran 1996]. Тем не менее после этой реформы граждане стали принимать больше участия в принятии решений на местном уровне, а не ожидать их из центра, что способствовало консолидации нации не сверху вниз, а снизу вверх, одновременно работая на укрепление региональных идентичностей [Dumont 2018b]. После возвратного движения к рецентрализации в 1990-х 2000-е годы были отмечены очередном поворотом к децентрализации, когда в 2015 г. была завершена территориальная реформа во Франции. Несмотря на то что после неё 22 региона были преобразованы в 13, а также были названы новые столицы этих регионов, регионы получили более широкие полномочия, в частности в экономической и социальной сферах¹. Реформа была проведена накануне президентской кампании 2017 года. Автор ставит вопрос о том, как реформа административно-территориального устройства Франции изменила влияние пространственного расположения административно-территориальной единицы на электоральное поведение граждан в ходе последующего электорального цикла. Для этого результаты 2017 г. сравниваются с опытом предшествующих выборов 2012 года. Кроме того, исследование призвано определить, какие территориальные особенности голосования можно выделить до и после территориальной реформы.

Изучение электорального поведения начиналось с демографических исследова-

ний, осуществлявшихся в рамках исследований политической демографии [Visser 1998]. А. Зигфрид предложил аналитическую модель, целью которой было объяснение результатов голосования. Он сопоставил совокупность географических, экономических и социокультурных процессов с результатами выборов и пришёл к выводу, что электоральное поведение определяют три взаимосвязанные переменные: характер ландшафта, тип поселения и отношения собственности. Они, в свою очередь, оказывают влияние на социальную структуру и религиозный климат, которые также определяют электоральное поведение граждан [Siegfried 2010]. С развитием электоральной географии исследователи [Prescott 1972; Taylor, Johnston 1979] стали больше внимания уделять влиянию пространственного фактора на электоральные процессы. В рамках этой субдисциплины изучаются паттерны голосования в законодательные органы власти через призму взаимодействия электоральной и пространственной систем, а также влияние географического расположения на формирование электорального поведения граждан. Отметим, что развитие концепции пространственного эконометрического анализа связано с обоснованием реорганизации регионального пространства. В данном случае речь идёт о пространственно распределённых явлениях и процессах. Политическое пространство в данном случае – насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними [Макар 2012]. Например, при разработке экономической политики региона органы местного самоуправления основываются на данных, имеющих привязку к определённому пространству, которое территориально может преодолевать границы одного и даже нескольких субнациональных административных регионов, а установление региональных налоговых ставок соотносят с аналогичными ставками в соседних регионах [Балаш 2012].

¹ La loi No 2015-991 du 7 août 2015 portant sur la nouvelle organisation territoriale de la République (NOTRe). 2019. 03 juillet. Sénat. URL: <https://www.senat.fr/dossier-legislatif/pjl13-636.html> (дата обращения: 09.04.2020).

Существует, как минимум, три подхода в изучении влияния пространства на электоральное поведение граждан: картографический подход, подход «друзья и соседи», а также подход «национализация» [Woolstencroft 1980]. Первый из них подразумевает картографирование результатов голосования и различных социально-экономических характеристик, а также выявление и сопоставление связей между ними. Такой подход применяется по большей части при исследовании систем, в которых имеется этнический, лингвистический, религиозный или экономический раскол с тем, чтобы выделить политические регионы, в которых существуют устойчивые паттерны голосования [Prescott 1972]. В рамках второго подхода внимание уделяется «эффекту соседства» [Cox 1972], который воздействует на электоральные стратегии кандидатов на выборах [Gimpel et al. 2008].

Согласно концепции Б. Берельсона, электоральное поведение граждан отражает влияние локальной политической среды. В случае, если отдельный гражданин имеет взгляды, отличные от своего окружения, в момент выборов он, вероятнее всего, проголосует так же, как и большинство его соседей, и подчинится доминирующему в его районе мнению (срабатывает «эффект толпы», никто не желает выделяться из массы, чтобы не подвергнуться остракизму) [Voting 1954]. Наконец, третий подход заключается в рассмотрении того, насколько голосование на местном уровне совпадает с тенденциями голосования на общенациональном уровне [Mughan 1978]. Чем более «национализированным» является голосование в стране, тем выше степень унификации электоральной поддержки политических партий на субнациональном уровне политики [Голосов, Григорьев 2015: 128].

В рамках данного исследования важным является второй подход, который как раз затрагивает вопрос влияния «эффекта соседства» на голосование граждан в регио-

нах. Иными словами, как голосование в регионе А влияет на голосование в регионе Б.

Методологические основания исследования

Автор выдвигает предположение о том, что после проведения административно-территориальной реформы и объединения регионов Франции «эффект соседства» снизится, при этом схожие по голосованию регионы будут объединены. Для того чтобы определить влияние положения административно-территориальной единицы в пространстве на формирование электоральных предпочтений её жителей во Франции, а также ответить на вопросы исследования, автор использует пространственный эконометрический анализ [Окунев 2020]. В его основе лежит предположение, согласно которому расположение в пространстве² влияет на свойства объектов. Пространственные связи между объектами становятся объяснением явлений. Пространство создаёт вероятные сценарии для формирования свойств объектов [Anselin 1995].

Пространственный эконометрический анализ представляет собой набор алгоритмов, обеспечивающих выявление местоположения и пространственных связей изучаемых объектов, включая анализ соседства, сетей и др. [Mayhew 2004]. Одной из базовых задач этого метода исследования является выяснение того, насколько сходны соседние явления, для чего используется автокорреляционный анализ [Anselin 1995]. Напомним, что автокорреляционная функция показывает зависимость между функцией и её сдвинутой копией в зависимости от величины сдвига (во времени — при анализе временных рядов и в пространстве — в пространственном эконометрическом анализе).

В рамках пространственных моделей пространственного эконометрического анализа рассматривается пространственная корреляция, или «эффект соседства», которая способна выявлять ситуации, ког-

² Здесь и далее под пространством понимается одна из форм существования бесконечно развивающейся материи, характеризующейся протяжённостью и объёмом.

да ближе расположенные регионы оказываются сильнее подвержены действию какой-либо переменной, чем более дальние. Для определения «эффекта соседства», то есть того, как голосование в одном регионе взаимосвязано с голосованием за ту или иную партию в соседнем регионе, были рассчитаны значения индекса пространственной автокорреляции Морана, который отражает, как голосование за партию (кандидата) в одном регионе коррелирует с голосованием за эту же партию (этого же кандидата) в соседних регионах. Инструмент пространственной автокорреляции оценивает, имеется ли кластеризация объектов или они распределены случайно.

Индекс рассчитывается по формуле

$$M = \frac{N}{W} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2},$$

где i, j – наблюдения (в данном случае регионы), x_i и x_j – значения изучаемых переменных в i -й и j -й наблюдениях, \bar{x} – выборочное среднее значение по всем наблюдениям, w_{ij} – вес пространственной связи между i -й и j -й наблюдениями, N – количество наблюдений, W – сумма пространственных весов [Cliff, Ord 1973].

Кроме того, для выявления пространственных паттернов голосования автор использовал непространственную модель пространственного эконометрического анализа – многофакторное районирование на основе диаграммы параллельных координат. Его суть заключается в нанесении на график количественных данных с множественными переменными, что позволяет сравнивать значения большого количества переменных и анализировать их взаимос-

вязи. При этом эти переменные распределены в пространстве, что позволяет визуально выделить кластеры территориальных единиц, которые повторяют одну и ту же траекторию, то есть у которых совпадает набор характеристик и которые следуют одному и тому же паттерну [Wegman, Dorfman 2003].

Для выявления паттернов голосования автор проанализировал влияние нескольких переменных на формирование электоральных предпочтений граждан. Отметим, что как при расчёте значений индекса пространственной автокорреляции Морана, так и в ходе многофакторного районирования были рассмотрены одни и те же переменные. Все данные, использованные в исследовании, были взяты из официальных открытых источников.

Первая группа переменных отражает уровень социально-экономического развития административно-территориальной единицы. Он влияет на выбор той или иной партии, при этом чем ниже уровень дохода гражданина, тем он больше склонен голосовать за правопопулистские партии [Norris 2005]. Недовольные своим экономическим положением граждане склонны «наказывать» правящие силы посредством голосования за альтернативного кандидата [Norpoth et al. 1991]. Социально-экономическое положение автор операционализирует через долю бедных в населении страны (за 2011 год³ и 2015 год⁴, данные Национального института статистики и экономических исследований Франции *INSEE*) и уровень безработицы (за 2014 год⁵, данные Национального института статистики и экономических исследований

³ Taux de pauvreté de 2006 à 2011, Revenus disponibles localisés // INSEE. – 2013. – 28 Novembre. – URL : <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1895072?sommaire=2390213&q=Taux+de+pauvrete%202011> (дата обращения: 10.05.2020).

⁴ Revenus, pauvreté et niveau de vie en 2015 // INSEE. URL : <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4200153?sommaire=2500477&q=pauvrete%20en+2015#consulter> (дата обращения: 27.04.2020).

⁵ L'emploi départemental et sectoriel 2013 – Le chômage départemental 2014 // INSEE. URL : <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2108239?sommaire=1409948#consulter-sommaire> (дата обращения: 01.05.2020). Несмотря на то что данные за 2014 год, они уже представлены в рамках новых регионов, поскольку реформа не делалась одним годом. В данном случае автор не смотрит динамику данных показателей, поскольку не это является задачей автора, а то, как они в совокупности в данный момент времени влияют на выборы.

Франции *INSEE*). Выбор данных за указанные годы обусловлен тем, что автор считает 2015 год, когда произошёл миграционный кризис в Европе, водоразделом, который изменил жизнь Франции в целом и избирательную повестку и электоральное поведение граждан в частности. В этой же связи внимание уделено миграции и во втором наборе показателей, о чём речь пойдёт далее. По этой же причине автор далее в статье рассмотрит миграционную повестку участников президентской гонки 2017 г. во Франции.

Вторая группа переменных отражает демографическую ситуацию в регионах Франции. В настоящем исследовании использована такая переменная, как доля мигрантов в населении регионов Франции (в 2011⁶ и 2015 годах⁷, данные министерства внутренних дел Франции). Она включена в анализ в связи с тем, что в 2015 г. Франция была третьей страной ЕС по количеству поданных заявлений о предоставлении убежища (80 075 заявлений) после Германии (441 800) и Швеции (156 100)⁸. Партия «Национальный фронт» (ныне – «Национальное объединение») пыталась привлечь на свою сторону электорат, выступая против приёма мигрантов во Францию и за борьбу с мигрантами-мусульманами⁹. Кроме того, автор выделяет количество

преступлений против мигрантов-мусульман в 2015 г. как отдельную переменную¹⁰, предполагая, что факт совершения таких преступлений является реакцией граждан Франции на прибытие мигрантов-мусульман в страну.

Электоральные переменные операционализированы через голосование за кандидата в президенты в 2012¹¹ и 2017¹² годах в первом туре, поскольку он отражает электоральные предпочтения граждан без договорённостей между кандидатами, которые имеют место накануне второго тура голосования, а также демонстрируют изначальные политические предпочтения граждан в регионах Франции. Для рассматриваемых переменных были взяты значения за два периода времени в связи с тем, что они относятся к двум разным электоральным циклам и являются индикаторами того, как работала администрация того или иного президента, почему граждане выбрали того или иного кандидата на выборах. Эти показатели не являются фиксированными. Более того, автор учитывает, что данные в первом рассматриваемом электоральном цикле представлены по 22 регионам (то есть до реформы), а во втором рассматриваемом электоральном цикле по 13 регионам (то есть после проведения административно-территориальной реформы)¹³.

⁶ L'essentiel de l'immigration données de cadrage. Immigration dans les régions en 2011 // Ministère de l'intérieur. L'essentiel de l'immigration. 2017. Paris.

⁷ Ibid.

⁸ Accueil des réfugiés: la France est très loin du modèle allemand // L'OBS. 2016. 17 сентября. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/migrants/20160914.OBS8030/accueil-des-refugies-la-france-est-tres-loin-du-modele-allemand.html> (дата обращения: 05.05.2017).

⁹ Отметим, что после ребрендинга партии ислам и джихадизм стали разводиться, что отмечалось отдельно и в обновлённой программе партии. См. подробнее: *Захарова Е.А.* От «Национального Фронта» к «Национальному Объединению» во Франции: элементы ребрендинга партии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 475–486. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-475-486.

¹⁰ Breakdown of the number of anti-Muslim criminal acts in France in 2015, by region // Statista. 2016. URL: <https://www.statista.com/statistics/782190/offenses-anti-muslim-by-region-la-france/> (дата обращения: 03.05.2020).

¹¹ April 22, 2012 Presidential Election Results // Election Resources on the Internet: Presidential and Legislative Elections in France — Results Lookup. URL: <http://electionresources.org/fr/president.php?election=2012®ion=FR> (дата обращения: 17.05.2020).

¹² April 23, 2017 Presidential Election Results // Election Resources on the Internet: Presidential and Legislative Elections in France — Results Lookup. URL: <http://electionresources.org/fr/president.php?election=2017®ion=FR> (дата обращения: 17.05.2020).

¹³ См. приложение.

Автор не рассматривает идеологическую составляющую партий — традиционное идеологическое разделение на правых и левых (или консерваторов и либералов) оказывается менее ярко выраженным, чем в прошлом, по той причине, что политические партии формируют коалиции и поддерживают политические программы, которые мало чем отличаются друг от друга в содержательном плане [Caprara 2007]. Вместе с тем в статье приводятся основные положения предвыборных повесток кандидатов в президенты в 2017 году.

Не рассматривается такая переменная, как количество беженцев. Автор не включает в анализ и религиозный состав регионов Франции в связи с тем, что в 2007 г. Конституционный совет Франции признал, что рассмотрение общества с точки зрения расово-этнической принадлежности будет противоречить основному закону¹⁴. С тех пор этническая и религиозная статистика, которая, с одной стороны, должна способствовать преодолению дискриминации отдельных групп населения, а с другой — может ей способствовать, была запрещена к публикации в открытых источниках¹⁵. Соответственно, исходя из отсутствия таковых данных в открытом доступе, они были исключены из анализа.

Административно-территориальная реформа NOTRe

Решение о сокращении числа регионов Франции обсуждалось на протяжении двадцати пяти лет в связи с тем, что существовавшие до этого разные территориальные уровни могли дублировать функции друг друга, что делало процесс распределения бюджетных средств запутанным и непрозрачным. Административно-территориальная реформа была, в первую очередь, призвана сделать государственный сектор

Франции более динамичным, быстрореагирующим на общественно-политические запросы и более адаптированным к особенностям географии экономических отношений. Сокращение регионов с 22 до 13, а также передача полномочий по повседневным вопросам (например, торговля между приграничными регионами или установление трамвайного сообщения между регионами и т.д.) на локальный уровень должна была позволить перефокусировать внимание регионов на проблемы экономического развития¹⁶. Среди целей проведения реформы можно выделить и стремление укрупнить регионы до уровня, сравнимого с характерным для других государств—членов ЕС.

Реформа 2015 г. была предпринята президентом-социалистом Ф. Олландом для ликвидации путаницы в компетенциях коммун, департаментов и регионов. Она была закреплена тремя нормативными актами: законом «О модернизации территориальной деятельности государства и подтверждении статуса метрополии», законом «Об определении границ регионов» и законом «О новом территориальном устройстве Республики» [Семекко 2017].

Указанные нормативные акты объединяются в законе № 2015-991 от 7 августа 2015 года (NOTRe), регулирующем новые основы территориального устройства V Республики, где были прописаны сферы ведения регионов, департаментов и коммун. По новому закону регионы ответственны за экономическое развитие, планирование пространства, вопросы трудоустройства, управление средними школами, транспортные вопросы и вопросы управления портами, что ранее решалось на национальном уровне. В ведение департаментов были включены такие вопросы, как обеспечение социальной защиты, управление

¹⁴ Statistiques et fichiers ethniques: ce qui dit la loi // AFP. 2015. 05 mai. URL: <https://www.la-croix.com/Actualite/France/Statistiques-et-fichiers-ethniques-ce-que-dit-la-loi-2015-05-05-1309472> (дата обращения: 27.04.2020).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *McNally K.* Why did France change its regions? // Complete France. 2016. 26 May. URL: <https://www.completefrance.com/home/news/why-did-france-change-its-regions-1-4530942> (accessed: 13.01.2021).

колледжами, соблюдение надлежащего качества дорог. В совместном ведении регионов и департаментов находятся вопросы культуры, спорта и туризма, вопросы защиты региональных языков и общего образования¹⁷.

Проведенная реформа способствует регионализации и децентрализации власти, что укладывается в общеевропейскую стратегию открытых границ и способствует свободному потоку инвестиций. Реформа сняла проблему взаимодействия между приграничными территориями, которые существовали, например, в случае со строительством трамвайной линии между Страсбургом (Франция) и Келем (ФРГ) – со стороны Германии вопрос о строительстве и его финансировании решался на уровне земли Баден-Вюртемберг, тогда как во Франции регион Гранд-Эст не мог принимать подобных решений, поскольку он лежал в юрисдикции центрального правительства. Это, в свою очередь, замедляло процесс согласования строительства и запуска международного трамвая и противоречило политике открытых границ [Mouchet 2018].

Кроме того, вопросы землепользования и строительства ранее нередко политизировались, когда при принятии решения сталкивались интересы региона и Франции в целом. Так было в случае со строительством нового аэропорта в Нанте, вопрос о котором в итоге решался на референдуме [Subra 2018]. Напомним, что жители Нанта выступали против ещё одного аэропорта при поддержке Зелёных и Красных, тогда как премьер-министр Жан-Марк Эро (партия Социалистов) выступал за его строительство. При этом Ж.-М. Эро был главой коалиционного правительства, в которое входили Зелёные, что и обуславливало столкновение не только региональных интересов, но и национальных.

Между тем децентрализация ведёт к повышению политического участия граждан [Dumont 2018b]. Это связано с тем, что местные выборные должностные лица в этом случае не назначаются из Парижа, а выбираются населением. Будучи избранными гражданами напрямую, местные должностные лица при децентрализованной системе управления несут ответственность непосредственно на местах [Dumont 2018a]. В результате административно-территориальная реформа Франции может способствовать повышению конкурентоспособности её регионов в рамках ЕС, а также сокращению бюрократических издержек. Более того, несмотря на децентрализацию, центральное правительство остаётся основным субъектом в вопросах политической организации территории.

Рассмотрение таких трансформаций в пространстве важно для проведения пространственного эконометрического анализа, поскольку в рамках пространственной модели, когда речь идёт о влиянии «эффекта соседства», при пространственных изменениях меняются и параметры анализа, например такие, как определение центроида, принцип определения соседства, а также пространственные веса.

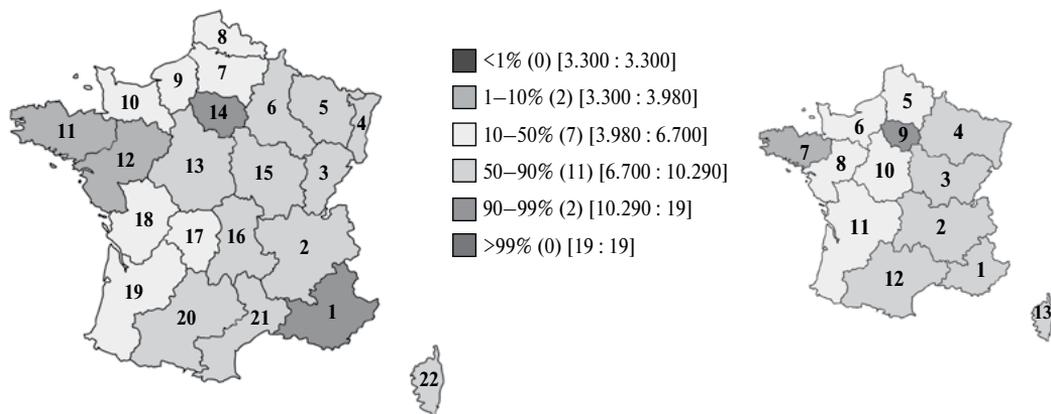
Миграционная повестка кандидатов на президентских выборах 2017 г.

Одной из центральных тем программ партий на выборах в 2017 г. стал вопрос миграции, а также вопрос радикализации мигрантов-мусульман. Согласно исследованиям *Pew Research*¹⁸, процент мусульман во Франции самый высокий в Европе (8,8%), а значит, вопрос о том, какую политику необходимо проводить в отношении мигрантов-мусульман, мог привлечь на голоса электората за того или иного кандидата. Забегая вперед, отметим, что

¹⁷ La loi No 2015-991 du 7 août 2015 portant sur la nouvelle organisation territoriale de la République (NOTRe). 2019. 03 juillet // Sénat. URL: <https://www.senat.fr/dossier-legislatif/pjl13-636.html> (дата обращения: 09.04.2020).

¹⁸ 5 facts about the Muslim population in Europe. Pew research. 2017. 29 November. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/29/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/> (accessed: 16.06.2021).

Рисунок 1
 Распределение мигрантов-мусульман по регионам Франции
 (регионы до реформы слева, регионы после реформы – справа)

Список регионов

1. Прованс–Альпы–Лазурный Берег	12. Земли Луары
2. Рона–Альпы	13. Центр–Долина Луары
3. Франш-Конте	14. Иль-де-Франс
4. Эльзас	15. Бургундия
5. Лотарингия	16. Овернь
6. Шампань–Арденны	17. Лимузен
7. Пикардия	18. Пуату–Шаранта
8. Нор–Па-де-Кале	19. Аквитания
9. Верхняя Нормандия	20. Юг–Пиренеи
10. Нижняя Нормандия	21. Лангедок–Русийон
11. Бретань	22. Корсика

Список регионов

1. Прованс–Альпы–Лазурный Берег
2. Овернь–Рона–Альпы
3. Бургундия–Франш-Конте
4. Гранд-Эст
5. О-де-Франс
6. Нормандия
7. Бретань
8. Земли Луары
9. Иль-де-Франс
10. Центр–Долина Луары
11. Новая Аквитания
12. Окситания
13. Корсика

Источник: составлено автором.

в 2020 г. на заседании Сената Франции от 9 июля¹⁹ указывалось, что этот вопрос затрагивает все регионы, хотя западные регионы в меньшей степени, что связано с меньшим количеством мигрантов-мусульман в этих регионах по сравнению с остальной Францией. В связи с этим представляется важным рассмотрение миграционной повестки программ кандидатов на президентских выборах 2017 года.

Рассмотрим предвыборную программу в отношении мигрантов тех партий, чьи лидеры набрали больше всего голосов на

президентских выборах 2017 г. в первом туре («Вперёд, Республика!», кандидат Эмманюэль Макрон, (24,01%), «Национальный фронт» (21,30%) (подробнее про ребрендинг партии см.: [Захарова 2020], кандидат Марин Ле Пен, ныне – «Национальное объединение»), «Республиканцы» (20,01%), кандидат Франсуа Фийон и «Непокорённая Франция» (19,58%), кандидат Жан-Люк Меланшон). В частности, Эмманюэль Макрон в сравнении с программой Марин Ле Пен уделял меньше внимания вопросам миграции. Он обещал упростить про-

¹⁹ Chevalier J. «Toute les régions sont touchées»: le Sénat alerte sur la radicalisation islamiste en France. AFP-BMFTV. 2020. 07 juillet. URL: https://www.bfmtv.com/politique/toutes-les-regions-sont-touchees-le-senat-alerte-sur-la-radicalisation-islamiste-en-france_AN-202007090188.html (дата обращения: 03.07.2021).

цедуру предоставления убежища, сократив срок ожидания с 11 до 6 месяцев. Он поддерживал политику Ангелы Меркель по дальнейшему приёму беженцев, подчёркивая, что «Европа не должна отворачиваться от тех, кто ищет убежища». При этом он подчёркивал, что «необходимо различать террористов и лиц, требующих убежища и беженцев, разграничивать разные виды мигрантов»²⁰.

В программе Марин Ле Пен были подробно представлены меры для регулирования миграционной политики и борьбы с терроризмом, а также для противодействия распространению радикального ислама. Она, в частности, предлагала:

1) восстановить национальные границы и выйти из Шенгенской зоны;

2) сделать невозможной официальную регистрацию или натурализацию нелегальных мигрантов;

3) сократить легальную миграцию до 10 000 человек в год;

4) упразднить «право земли»²¹ и право на двойное гражданство;

5) запретить и ликвидировать любые связанные с исламистами организации;

6) закрыть все мечети, в которых звучит призыв к фундаменталистскому исламу;

7) бороться с джихадистскими ячейками; лишать права на гражданство лиц, уличённых в подобного рода деятельности [см. подробнее: Захарова 2020].

Франсуа Фийон в программу Республиканской партии включил разделы как по миграции, так и по борьбе с исламизмом. В части первой темы он отмечал, что ранее правительство не предпринимало меры по сокращению миграционных потоков. В решении этого вопроса «Республиканцы» выделяли пять больших целей: остано-

вить приток нелегальной миграции; ограничить количество легальных мигрантов до такого числа, которое Франция может интегрировать в своё общество (при этом закрепить на уровне Конституции ежегодный потолок миграции, который утверждался бы парламентом); высылать нелегальных и криминализованных мигрантов, в том числе исламистов; усложнить доступ мигрантов к социальным выплатам; наконец, усложнить процесс получения французского гражданства²².

Таким образом, некоторые из положений сходны с теми, которые предлагала Марин Ле Пен. Вместе с тем существенное отличие состоит в том, что Ф. Фийон разграничивает вопросы миграции и вопросы борьбы с исламизмом, чего не было у М. Ле Пен. При этом кандидат от партии «Республиканцы» более предметно указывал в своей программе, какие именно меры стоит предпринять в отношении второй проблемы, как-то: необходимость: высылать лиц, подозреваемых в связях с исламистскими организациями; закрывать места отправления культа; задерживать в административном порядке подозрительных лиц; заключать в одиночные камеры радикально настроенных мусульман; проводить административные расследования лиц, поступающих на госслужбу или в социальные учреждения; и, наконец, запрещать возвращать во Францию тех, кто, отказавшись от гражданства, занялся террористической деятельностью²³.

Существенно отличается от двух предыдущих программа партии «Непокорённая Франция», возглавляемой Жан-Люком Меланшоном, поскольку в ней не было раздела «исламизм», а вместо него присутствовал раздел «светскость». Кроме того,

²⁰ Programme de Macron: employ, immigration, retraite... L'inverse du FN // lintern@ute. URL: <http://www.linternaute.com/actualite/politique/1343676-programme-de-macron-emploi-immigration-retraite-l-inverse-du-fn/#programme-macron-immigration> (дата обращения: 28.04.2017).

²¹ Принцип приобретения гражданства, согласно которому гражданство обусловлено местом рождения и не связано с гражданством родителей.

²² Immigration. Les republicains. Nos propositions. URL: <https://republicains.fr/nos-propositions/immigration/> (дата обращения: 31.08.2020).

²³ Lutte contre l'islamisme. Les Republicains. Nos propositions. URL: <https://republicains.fr/nos-propositions/lutte-contre-islamisme/> (дата обращения: 31.08.2020).

раздел, посвящённый миграции, обозначался как «Уважение к мигрантам». В нём выражена идея, что необходимо достойно принимать мигрантов, а прежде чем говорить о сокращении миграционных потоков, следует сделать так, чтобы граждане других стран не хотели их покидать. Иными словами, нужно в первую очередь прекращать войны; не заключать невыгодные для партнёров экономические сделки; решать экологические проблемы так, чтобы людям не приходилось бежать из своих государств.

Шесть пунктов программы этой партии включают в себя следующий набор действий: выполнение долга перед человечеством и предоставление убежище тем, кто его просит (что соотносится с республиканскими принципами), обеспечение мигрантов работой и заработком; достижение мира и осуществление политики совместного развития, а именно: помощь менее развитым странам; гарантирование убежища с одновременным оказанием помощи беженцам в их возвращении в страну рождения; социальная защита несовершеннолетних мигрантов, создание условий для их доступа к школьному образованию; интеграция мигрантов через восстановление права почвы, упрощение механизма получения мигрантами французского гражданства²⁴.

Как видно из представленной в начале раздела карты (рис. 1), основной миграционный поток коснулся столичного, а также восточных регионов страны. Автор предполагает, что эти регионы отдавали предпочтение лидеру правопопулистской партии «Национальный фронт»/«Национальное объединение» Марин Ле Пен, что будет рассмотрено в рамках проведения многофакторного районирования. Однако перед этим рассмотрим вопрос о том, влиял ли «эффект соседства» на голосование за того или иного кандидата на выборах 2012 и 2017 годов.

Пространственная модель и электоральное поведение граждан в регионах Франции

После рассмотрения содержания и результатов административно-территориальной реформы Франции автор переходит к анализу того, как она повлияла на пространственную обусловленность голосования регионов.

Рассмотрим, каково было распределение голосования за кандидатов в регионах в 2012 и 2017 годах и выясним, влияет ли «эффект соседства» на электоральные предпочтения французов. Для выборов 2012 г. характерно, что индекс Морана опускался до нуля и тем более не показывал отрицательных значений, а значит, пространство влияло на формирование электоральных предпочтений граждан. Этого нельзя сказать о выборах 2017 года, где большинство значений индекса было либо крайне малыми, либо отрицательными (табл. 1). В результате, с точки зрения автора, региональная реформа была проведена для снижения «эффекта соседства» на выборах, то есть чтобы регионы голосовали независимо от того, каковы были электоральные предпочтения в соседних территориальных образованиях. С их укрупнением пространство перестало влиять на результаты голосования, что будет показано далее. Что же касается пространственных кластеров, которые можно было выделить в 2012 году, то наибольшие значения индекса Морана наблюдались при голосовании за Марин Ле Пен (0,394) и Франсуа Олланда (0,367).

С помощью локальных индикаторов пространственной автокорреляции можно выделить следующие кластеры регионов. За Марин Ле Пен меньше всего голосовали жители регионов Аквитания и Пуату-Шаранта, равно как и соседних с ними регионов. Она получила высокий уровень поддержки в регионах Франш-Конте и Лотарингия, а также в соседних регионах. Два региона не имеют соседей со схожими ре-

²⁴ *Mélanchon J.-L.* Respecter les migrants, régler les causes des migrations. L'avenir en commun. 2017. URL: <https://avenirencommun.fr/livrets-thematiques/le-livret-migrations/> (дата обращения: 04.09.2020).

Таблица 1

Показатели индекса пространственной ассоциации для результатов голосования каждого из кандидатов

№	Год	Кандидат	Партия	Индекс Морана
1	2012	Николя Саркози	Союз за народное движение	0,190
2	2012	Марин Ле Пен	Национальный фронт	0,394
3	2012	Франсуа Олланд	Социалистическая партия	0,367
4	2012	Франсуа Байру	Демократическое движение	0,279
5	2012	Жан-Люк Меланшон	Левый фронт	0,278
6	2012	Ева Жоли	Европа Экология. – «Зелёные»	0,139
7	2012	Николя Дюпон-Эньян	Вставай, Республика	0,254
8	2012	Филипп Путу	Новая антикапиталистическая партия	0,190
9	2012	Натали Арто	Рабочая борьба	0,298
10	2012	Жак Шеминад	Солидарность и прогресс	0,117
11	2017	Эммануэль Макрон	Вперёд, Республика!	-0,055
12	2017	Марин Ле Пен	Национальный фронт	-0,077
13	2017	Франсуа Фийон	Республиканцы	-0,221
14	2017	Бенуа Амон	Социалисты	-0,054
15	2017	Жан-Люк Меланшон	Непокорная Франция	-0,127
16	2017	Натали Арто	Рабочая борьба	0,093
17	2017	Филипп Путу	Антикапиталисты	0,064
18	2017	Николя Дюпон-Эньян	Вставай, Республика	-0,038
19	2017	Жак Шеминад	Солидарность и прогресс	0
20	2017	Франсуа Асселино	Национальный республиканский союз	0,271
21	2017	Жан Лассаль	Будем сопротивляться!	0,336

Источник: составлено автором.

зультатами голосования за М. Ле Пен. *Во-первых*, это Иль-де-Франс, в котором были низкие показатели голосования за неё на фоне высоких показателей в соседних регионах. *Во-вторых*, это Центр, в котором были высокие показатели голосования за рассматриваемого кандидата на фоне низких показателей в соседних регионах (рис. 1).

В противовес показателям Марин Ле Пен, за Франсуа Олланда меньше всего голосовали в Лотарингии и Франш-Конте, что соответствует уровню поддержки, которую он получил в соседних регионах, а больше всего за него голосовали в Аквитании, Лимузене и Юг-Пиренеи (рис. 2). Выбивается регион Центр, в котором были низкие показатели голосования за Франсуа Олланда на фоне высоких показателей в соседних регионах. Можно сказать, что в пространственном отношении Франция условно разделилась на юго-западные регионы,

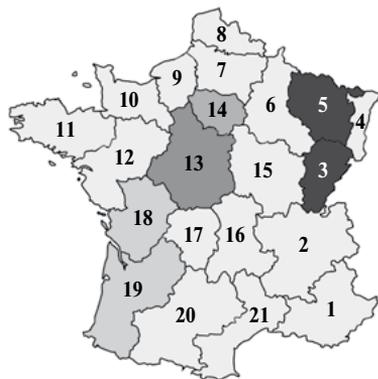
где голосовали за Франсуа Олланда, и на северо-восточные регионы, где предпочтение в первом туре отдавали Марин Ле Пен.

Таким образом, расположение административно-территориальной единицы в пространстве имеет значение при голосовании в 2012 году, но несущественными для выборов 2017 года, поскольку в 2017-м значения индекса Морана были не только низкими, но и принимали отрицательное значение, чего не наблюдалось в 2012 году (см. табл. 1). При этом отметим, что были объединены, например, Аквитания и Пуату-Шаранта, которые по локальным индикаторам пространственной автокорреляции голосования за М. Ле Пен (см. рис. 2) объединялись в кластер низких значений, а значит, которые оказывали малую поддержку данному кандидату. Одновременно с этим два региона, поддерживавшие Ле Пен в 2012 г. и выделившиеся в кластер с высокими значениями, – Франш-Конте и Лотарингия – были «рас-

Рисунок 2

Локальные индикаторы пространственной автокорреляции голосования за Марин Ле Пен в 2012 году (1-й тур)

Карта кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции во Франции

- незначимо (15)
- высокие-высокие (2)
- низкие-низкие (2)
- низкие-высокие (1)
- высокие-низкие (1)
- без соседства (1)

Список регионов

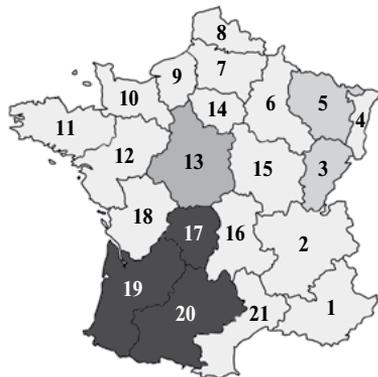
1. Прованс—Альпы—Лазурный Берег	12. Земли Луары
2. Рона—Альпы	13. Центр—Долина Луары
3. Франш-Конте	14. Иль-де-Франс
4. Эльзас	15. Бургундия
5. Лотарингия	16. Овернь
6. Шампань—Арденны	17. Лимузен
7. Пикардия	18. Пуату—Шаранта
8. Нор—Па-де-Кале	19. Аквитания
9. Верхняя Нормандия	20. Юг—Пиренеи
10. Нижняя Нормандия	21. Лангедок—Русийон
11. Бретань	22. Корсика

Источник: составлено автором.

Рисунок 3

Локальные индикаторы пространственной автокорреляции голосования за Франсуа Олланда в 2012 году (1-й тур)

Карта кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции во Франции

- незначимо (15)
- высокие-высокие (3)
- низкие-низкие (2)
- низкие-высокие (1)
- высокие-низкие (0)
- без соседства (1)

Список регионов

1. Прованс—Альпы—Лазурный Берег	12. Земли Луары
2. Рона—Альпы	13. Центр—Долина Луары
3. Франш-Конте	14. Иль-де-Франс
4. Эльзас	15. Бургундия
5. Лотарингия	16. Овернь
6. Шампань—Арденны	17. Лимузен
7. Пикардия	18. Пуату—Шаранта
8. Нор—Па-де-Кале	19. Аквитания
9. Верхняя Нормандия	20. Юг—Пиренеи
10. Нижняя Нормандия	21. Лангедок—Русийон
11. Бретань	22. Корсика

Источник: составлено автором.

Таблица 2
Описательная статистика показателей

Переменная	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение	Число наблюдений
Выборы 2012 г.						
Уровень бедности	16,70	21,80	18,95	19,05	1,32	22
% миграции	2,80	17,90	6,05	6,84	3,41	22
% за Марин Ле Пен	12,30	25,00	19,75	19,40	4,00	22
% за Франсуа Олланда	19,30	38,00	27,70	27,88	3,96	22
Выборы 2017 г.						
Уровень бедности	11,20	40,40	14,60	17,60	7,96	13
% миграции	3,20	18,70	6,50	7,70	4,11	13
% безработицы	8,70	12,10	9,40	9,89	1,25	13
Кол-во преступлений против мигрантов-мусульман	9	56	18	21,19	12,9	13
% за Эмманюэля Макрона	18,50	30,20	22,35	22,93	3,83	13
% за Марин Ле Пен	10,90	31,00	23,30	21,86	5,97	13
% за Жана-Люка Меланшона	8,40	27,40	19,25	19,66	4,35	13

Источник: составлено автором.

творены» в тех регионах, которые оказывали ей меньшую поддержку и стали составными частями новых регионов – Гранд-Эст и Бургундия – Франш-Конте соответственно. Далее рассмотрим более предметно, какие регионы отдавали предпочтение какому кандидату, а также какой набор факторов, в числе прочего, этому способствовал.

Непространственная модель и электоральное поведение граждан в регионах Франции

Перейдём к рассмотрению совокупности факторов, выделенных автором, которые формировали электоральные предпочтения граждан в регионах Франции, с применением метода многофакторного районирования, который позволит выделить кластеры регионов с похожими характеристиками, определявшими голосование граждан, а также выделить паттерны электорального поведения.

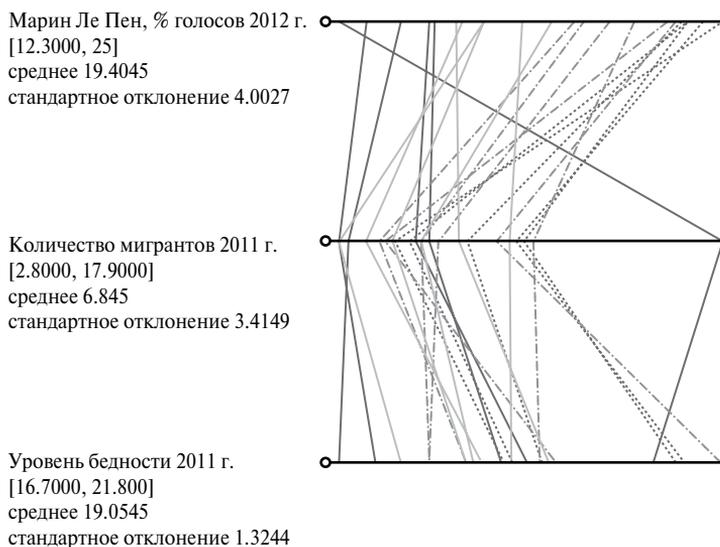
Для начала приведём таблицу описательной статистики для рассматриваемых показателей.

При голосовании в 2012 г. за Ле Пен регионы разделились на восточный и западный кластеры (рис. 3). Для восточного кластера

характерен высокий уровень поддержки этого кандидата при высоком уровне миграции и высоком уровне безработицы. Западные же регионы имеют низкие значения рассматриваемых переменных. На этом фоне выделяется Иль-де-Франс, в котором были высоки доля мигрантов и уровень бедности, при этом Марин Ле Пен не пользовалась поддержкой местного населения.

Что касается голосования за Франсуа Олланда, то регионы Франции также распределились в два кластера, которые тем не менее отличаются от описанных выше, а именно: восточные регионы отдавали небольшое количество голосов за Ф. Олланда при высоком уровне бедности и миграции, а юго-западные регионы (Аквитания, Бретань, Лимузен, Юг-Пиренеи и Пуату-Шаранта) предпочитали отдавать голоса за рассматриваемого кандидата (рис. 4). Можно констатировать, что Ф. Олланда поддерживали более богатые французы, тогда как за Ле Пен были те регионы, которые приняли большее количество мигрантов, что стимулировало волну общественного недовольства. Отметим, что при голосовании за Николя Саркози чётких кластеров голосования не было выделено.

Рисунок 4
**Многофакторное районирование голосования за Марин Ле Пен (2012),
 уровня бедности и доли мигрантов в населении региона**

Процент голосования за Марин Ле Пен, 2012 г.

- Нижняя граница диаграммы размаха (0) [-inf : 5.250]
- <25% (5) [5.250 : 16.200]
- 25–50% (6) [16.200 : 19.750]
- 50–75% (6) [19.750 : 23.500]
- >75% (5) [23.500 : 34.450]
- Верхняя граница диаграммы размаха (0) [34.450 : -inf]

Список регионов

1. Прованс–Альпы–Лазурный Берег	12. Земли Луары
2. Рона–Альпы	13. Центр–Долина Луары
3. Франш-Конте	14. Иль-де-Франс
4. Эльзас	15. Бургундия
5. Лотарингия	16. Овернь
6. Шампань–Арденны	17. Лимузен
7. Пикардия	18. Пуату–Шаранта
8. Нор–Па-де-Кале	19. Аквитания
9. Верхняя Нормандия	20. Юг–Пиренеи
10. Нижняя Нормандия	21. Лангедок–Русийон
11. Бретань	22. Корсика

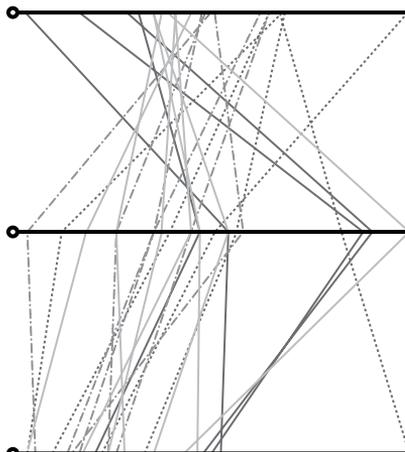
Источник: составлено автором.

Рисунок 5
**Многофакторное районирование голосования за Франсуа Олланда (2012),
 уровня бедности и доли мигрантов в населении региона**

Франсуа Олланд, % голосов 2012 г.
 [19.3000, 38]
 среднее 27.8864
 стандартное отклонение 3.9642

Уровень бедности 2011 г.
 [16.7000, 21.8000]
 среднее 19.0545
 стандартное отклонение 1.3244

Количество мигрантов 2011 г.
 [2.8000, 17.9000]
 среднее 6.8455
 стандартное отклонение 3.4149

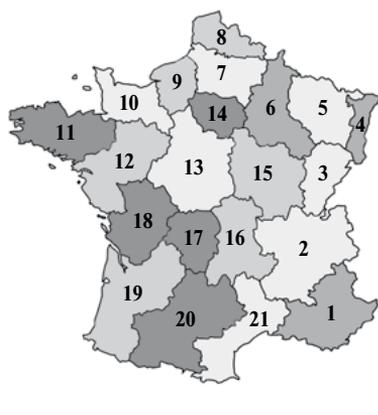

Процент голосования за Франсуа Олланда, 2012 г.

- Нижняя граница диаграммы размаха (0) [-inf : 17.100]
- <25% (4) [17.100 : 25.500]
- 25–50% (7) [25.500 : 27.700]
- - - 50–75% (6) [27.700 : 31.100]
- >75% (5) [31.100 : 39.500]
- Верхняя граница диаграммы размаха (0) [39.500 : inf]

Список регионов

1. Прованс–Альпы–Лазурный Берег	12. Земли Луары
2. Рона–Альпы	13. Центр–Долина Луары
3. Франш-Конте	14. Иль-де-Франс
4. Эльзас	15. Бургундия
5. Лотарингия	16. Овернь
6. Шампань–Арденны	17. Лимузен
7. Пикардия	18. Пуату–Шаранта
8. Нор–Па-де-Кале	19. Аквитания
9. Верхняя Нормандия	20. Юг–Пиренеи
10. Нижняя Нормандия	21. Лангедок–Русийон
11. Бретань	22. Корсика

Источник: составлено автором.

Рассмотрим результаты многофакторного районирования для выборов 2017 года. Для голосования за Э. Макрона в первом туре выделился один кластер регионов, включивший в себя Новую Аквитанию, Нормандию и Центр – Земли Луары (западные регионы Франции) (рис. 5). В этих регионах голосование за Э. Макрона было на уровне среднего по стране в целом, при этом в них наблюдалось низкое количество нападений на мигрантов-мусульман, низкий уровень бедности, относительно низкий уровень безработицы и низкая доля мигрантов. Таким образом, местный электорат привлекла его избирательная программа, которая не фокусировалась на вопросах миграции, при этом он выступал за снижение безработицы до 7%, поддержку молодых специалистов и помощь им в трудоустройстве и обеспечение предоставления компенсаций за увольнение без реальной или серьёзной причины. Единственный нетипичный пример – это голосование в Иль-де-Франс, поскольку показатели этого региона заметно отличаются от значений остальных регионов. В частности, в нём наблюдался высокий уровень голосования за Э. Макрона, при этом здесь же было зафиксировано самое большое количество преступлений против мигрантов-мусульман и самое большое количество мигрантов, при этом уровень безработицы был одним из самых низких среди остальных регионов.

При голосовании за Марин Ле Пен многофакторный анализ выявил группу регионов, которая объединяет Корсику, О-де-Франс, Гранд-Эст и Прованс–Альпы–Лазурный берег (восточные регионы), то есть те регионы, куда сначала прибывали беженцы, а к основным странам происхождения мигрантов относятся Алжир и Марокко (рис. 6). Эти регионы характеризуются высоким процентом голосования за Марин Ле Пен в первом туре президентских выборов, высоким уровнем безработицы, высокой долей мигрантов, высокими уров-

нями бедности и преступлений против мигрантов-мусульман. Снова выделяется Иль-де-Франс, где наблюдался низкий уровень голосования за Ле Пен, низкий уровень безработицы и бедности, а также при этом высокая доля мигрантов и высокий уровень преступлений против мигрантов-мусульман. Таким образом, выделяется кластер восточных регионов, которые в силу сочетания упомянутых обстоятельств склонны отдавать голоса за Марин Ле Пен и поддерживать её электоральную программу.

При многофакторном анализе голосования за Франсуа Фийона автор не выявил кластеров регионов с похожими характеристиками, а значит, можно выдвинуть предположение, согласно которому голосование за указанного кандидата не было обусловлено набором рассматриваемых факторов формирования электоральных предпочтений граждан, а его электоральная база не обладает едиными характеристиками: данный кандидат старался привлечь на свою сторону людей с высоким мобилизационным потенциалом, о чём писал, например, Д. Гуар в своём исследовании [Gouard et al. 2017].

Между тем анализ электоральной поддержки Жан-Люка Меланшона (рис. 7) позволил выделить группу регионов (Корсика, Центр – Земли Луары, Гранд-Эст и Бургундия – Франш-Конте). В них граждане отдавали малое число голосов данному кандидату. Здесь наблюдалось низкое количество преступлений против мигрантов-мусульман, средний уровень безработицы и бедности и высокая доля мигрантов. Учитывая, что в своей программе²⁵ он предлагал облегчить получение французского гражданства для мигрантов, смягчение миграционной политики Франции и уравнение трудовых мигрантов без документов с остальными легальными рабочими, можно сделать вывод, что это повлияло на электоральный выбор граждан и подтверждается приведёнными выше данными многофакторного анализа.

²⁵ Élection présidentielle, Jean-Luc Mélenchon. Présidentielle 2017. Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/personnalite/jean-luc-melenchon/programme/> (дата обращения: 03.06.2021).

Рисунок 6

Многофакторное районирование голосования за Эмманюэля Макрона (2017), количества преступлений против мигрантов-мусульман, уровня бедности, безработицы и доли мигрантов в населении региона

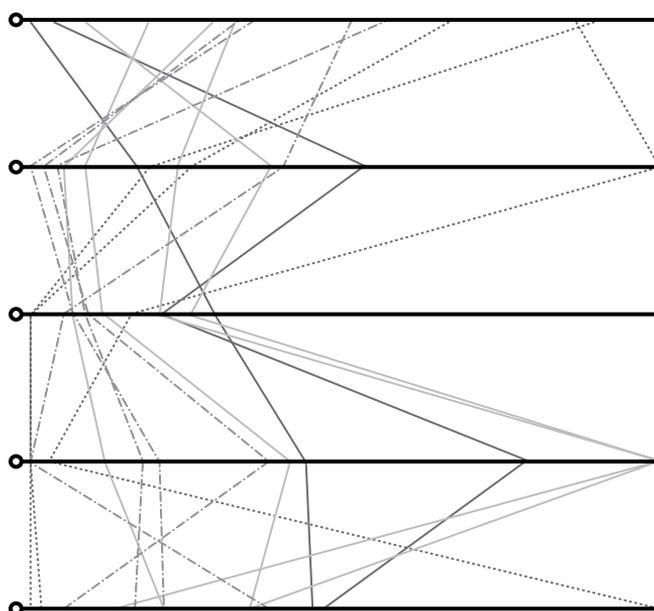
Эмманюэль Макрон,
% голосов 2017 г.
[18.5000, 39]
среднее 23.1077
стандартное отклонение 3.4340

Количество преступлений против
мигрантов-мусульман 2015 г.
[9, 56]
среднее 21.1923
стандартное отклонение 12.9864

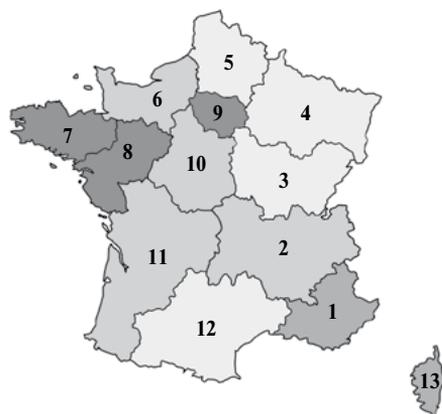
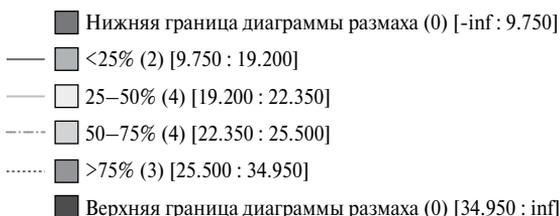
Уровень бедности 2015 г.
[11.2000, 19.8000]
среднее 14.8231
стандартное отклонение 2.7426

Уровень безработицы 2014 г.
[8.7000, 12.1000]
среднее 9.8923
стандартное отклонение 1.2533

Количество мигрантов 2015 г.
[3.2000, 18.7000]
среднее 7.7000
стандартное отклонение 4.1108

Процент голосования за Эмманюэля Макрона, 2017 г.

Список регионов

1. Прованс–Альпы–Лазурный Берег
2. Овернь–Рона–Альпы
3. Бургундия–Франш-Конте
4. Гранд-Эст
5. О-де-Франс
6. Нормандия
7. Бретань
8. Земли Луары
9. Иль-де-Франс
10. Центр–Долина Луары
11. Новая Аквитания
12. Окситания
13. Корсика

Источник: составлено автором.

Рисунок 7

Многофакторное районирование голосования за Марин Ле Пен (2017), количества преступлений против мигрантов-мусульман, уровня бедности, безработицы и доли мигрантов в населении региона

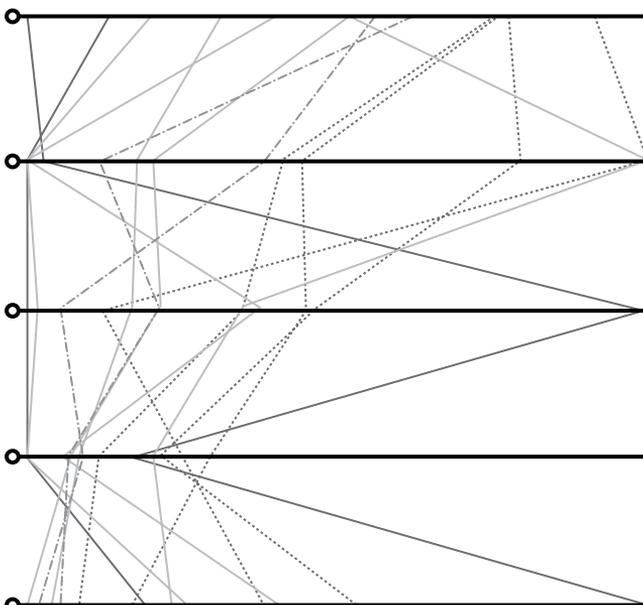
Марин Ле Пен,
% голосов 2017 г.
[12.6000, 31]
среднее 22.6231
стандартное отклонение 5.5676

Уровень безработицы 2014 г.
[8.7000, 12.1000]
среднее 9.8923
стандартное отклонение 1.2533

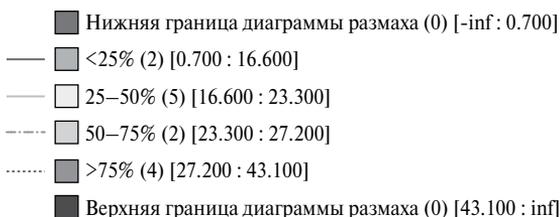
Количество мигрантов 2015 г.
[3.2000, 18.7000]
среднее 7.7000
стандартное отклонение 4.1108

Уровень бедности 2015 г.
[11.2000, 19.8000]
среднее 14.8231
стандартное отклонение 2.7426

Количество преступлений против мигрантов-мусульман 2015 г.
[9, 56]
среднее 21.1923
стандартное отклонение 12.9864

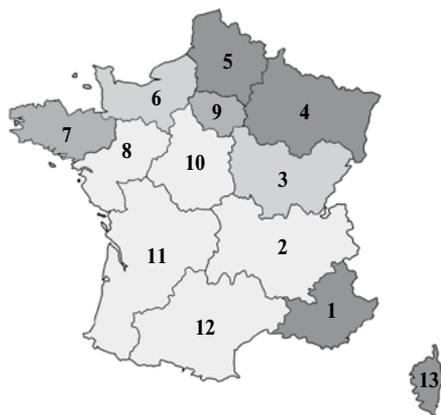

Процент голосования за Марин Ле Пен, 2017 г.

Список регионов

1. Прованс–Альпы–Лазурный Берег
2. Овернь–Рона–Альпы
3. Бургундия–Франш-Конте
4. Гранд-Эст
5. О-де-Франс
6. Нормандия
7. Бретань
8. Земли Луары
9. Иль-де-Франс
10. Центр–Долина Луары
11. Новая Аквитания
12. Окситания
13. Корсика

Источник: составлено автором.

Рисунок 8

Многофакторное районирование голосования за Жан-Люка Меланшона (2017), количества преступлений против мигрантов-мусульман, уровня бедности, безработицы и доли мигрантов в населении региона

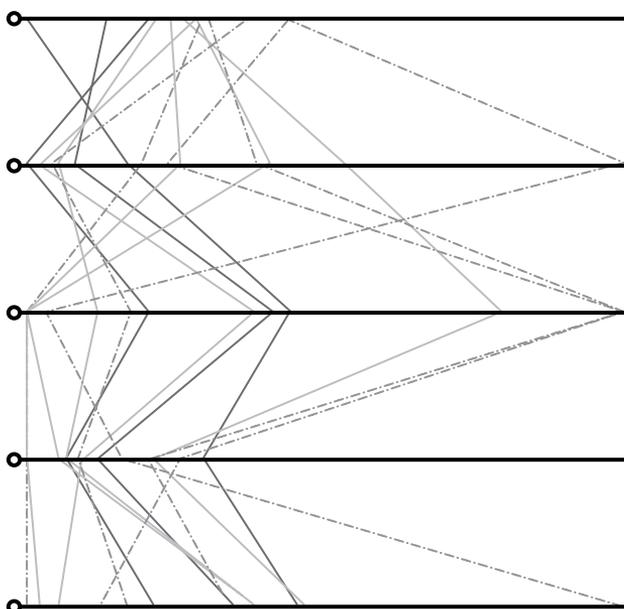
Жан-Люк Меланшон,
% голосов 2017 г.
[13.8000, 22.1000]
среднее 18.8308
стандартное отклонение 2.2085

Количество преступлений против
мигрантов-мусульман 2015 г.
[9, 56]
среднее 21.1923
стандартное отклонение 12.9864

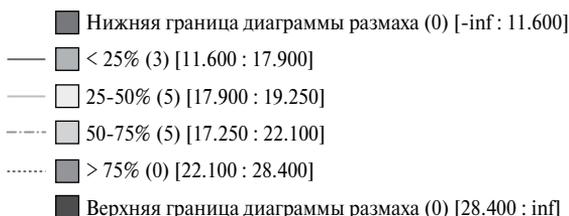
Уровень безработицы 2014 г.
[8.7000, 12.1000]
среднее 9.8923
стандартное отклонение 1.2533

Уровень бедности 2015 г.
[11.2000, 19.8000]
среднее 14.8231
стандартное отклонение 2.7426

Количество мигрантов 2015 г.
[3.2000, 18.7000]
среднее 7.7000
стандартное отклонение 4.1108

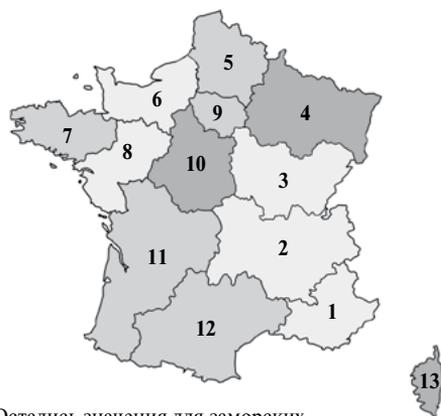

Процент голосования за Жан-Люка Меланшона 2017 г.

Список регионов

1. Прованс–Альпы–Лазурный Берег
2. Овернь–Рона–Альпы
3. Бургундия–Франш-Конте
4. Гранд-Эст
5. О-де-Франс
6. Нормандия
7. Бретань
8. Земли Луары
9. Иль-де-Франс
10. Центр–Долина Луары
11. Новая Аквитания
12. Окситания
13. Корсика

Остались значения для заморских департаментов, которые оказывали широкую поддержку Меланшона, однако для целей исследования мы их исключили из описания (прим. авт.).

Источник: составлено автором.

Таким образом, из приведённого анализа можно сделать вывод, что при голосовании за М. Ле Пен в 2012 и в 2017 годах сохранился примерно одинаковый паттерн, который влиял на формирование электоральных предпочтений граждан. При этом использование миграционной повестки находило отклик у электората. Отметим и тот факт, что паттерн голосования за Э. Макрона в 2017 г. в Иль-де-Франс отличался от всех остальных регионов. В столичном регионе наблюдалась высокая доля мигрантов, низкий уровень безработицы и бедности, а также большое количество преступлений против мигрантов-мусульман. В других регионах подобное сочетание значений переменных приводило к голосованию за Ле Пен. Такая ситуация отличает электоральное поведение столичного региона в рамках унитарного государства [Kovalcsik, Nzimande 2019].

* * *

Реформа административно-территориального устройства Франции 2015 г. стала одним из шагов по сокращению бюрократического аппарата, повышению транспарентности процесса принятия решений, децентрализации власти во Франции и передаче части полномочий регионам при сохранении главенствующей роли за центральными органами власти. Столичный регион Иль-де-Франс (Париж) остался центром принятия политических решений. При этом в контексте ЕС эта реформа была нацелена на повышение конкурентоспособности регионов Франции.

Реформа оказала воздействие на электоральное поведение граждан, снизив влияние пространственного расположения административно-территориальной единицы на электоральное поведение граждан в 2017 г. по сравнению с 2012-м. В 2017 г. на голосование на президентских выборах перестал влиять «эффект соседства», характерный для выборов 2012 г. (напомним, что «эффект соседства» относится к пространственной модели пространственного эконометрического анализа). В частности, в 2012 г. выделялись кластеры голосования за Марин

Ле Пен и Франсуа Олланда в первом туре президентской гонки: за первую больше голосов отдавали северо-восточные регионы, за второго – юго-западные регионы. При этом соседние регионы голосовали примерно одинаково, что согласуется с влиянием «эффекта соседства». В результатах выборов 2017 г. заметна тенденция на децентрализацию во всём государстве, так как жители регионов голосовали исходя из собственных предпочтений и пространственной зависимости не наблюдалось.

Несмотря на проведённую административно-территориальную реформу, территориальные паттерны голосования граждан в регионах в 2012 и 2017 годах, определённые многофакторным анализом на основе параллельных координат (что является непространственной моделью пространственного эконометрического анализа), сохранили общую форму. В частности, за Ле Пен голосовали преимущественно восточные регионы, в которых отмечалась высокая доля мигрантов и высокий уровень безработицы. Примечательно, что предвыборная программа Ле Пен строилась, в частности, против приёма мигрантов-мусульман, которые, по её мнению, могут забрать рабочие места «синих воротничков» Франции и ещё более повысить уровень безработицы в том или ином регионе. Западные же регионы, в которых отмечался низкий уровень миграции и низкий уровень безработицы, отдали электоральные предпочтения другим кандидатам, не выстраивавшим свою повестку вокруг миграционного вопроса.

За победителя президентских выборов – Э. Макрона – голосовал тот регион, в котором отмечалась высокая доля мигрантов, низкий уровень безработицы и низкий уровень бедности, а также было зафиксировано большое количество преступлений против мигрантов-мусульман. Таким образом, с одной стороны, тенденция голосования за правопопулистскую партию «Национальное объединение» формируется на основании реакции регионов на миграционную повестку. С другой – в силу особенностей территориального устрой-

ства V Республики, выделяется столичный регион, в котором паттерны голосования отличаются от провинциальных регионов: здесь миграционная повестка не является решающей при формировании электоральных предпочтений граждан. При этом к власти приходит тот кандидат, который набрал наибольшую поддержку в первом туре в столичном регионе. Такой паттерн голосования подтверждает наличие второй тенденции в территориальном устройстве Франции – децентрализации, при которой решение вопросов общенационального масштаба продолжает происходить на уровне столичного региона, что соотносится с унитарным принципом государственного устройства.

Отметим, что пространственная и непространственная модели пространственного эконометрического анализа не противоречат друг другу, а демонстрируют разные аспекты влияния и «участия» пространства в электоральных процессах. Сопоставляя карты голосования 2012 года, когда построение пространственной модели было релевантным в силу высоких значений индекса Морана, можно заметить, что картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции показывает те регионы,

в которых значения голосования, например, за М. Ле Пен были наиболее высокими, как и в соседних регионах, что отражается и на картограмме непространственной модели – многофакторного районирования голосования, а именно, за этого политика голосуют восточные регионы Франции. Это же правомерно и при сопоставлении картограмм голосования за Франсуа Олланда в 2012 году – кластеры двух моделей совпали, его поддерживали западные регионы Франции. Непространственная модель в данном случае позволяет учесть не только влияние пространства как такового, но и набор других показателей, которые, с точки зрения автора, также влияют на формирование электоральных предпочтений граждан. Следовательно, реформа административно-территориального устройства снизила влияние пространства («эффекта соседства») при голосовании, и кластеры по локальным индикаторам пространственной автокорреляции не выделяются, но не повлияла на общие тенденции, или паттерны голосования регионов, что подтвердилось при построении непространственной модели пространственного эконометрического анализа – многофакторного районирования.

Список литературы

- Балаш О.С.* Эконометрическое моделирование пространственных взаимодействий // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12. № 3. С. 30–35.
- Голосов Г.В., Григорьев В.С.* Национализация партийной системы: российская специфика // Политическая наука. 2015. № 1. С. 128–156.
- Захарова Е.А.* От «Национального Фронта» к «Национальному Объединению» во Франции: элементы ребрендинга партии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 475–486. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-475-486.
- Макар С.В.* Пространственный анализ: развитие концепции и возможности применения // Финансы: теория и практика. 2012. № 2. С. 61–72.
- Окунев И.Ю.* Основы пространственного анализа: Монография. М.: Аспект Пресс, 2020. 255 с.
- Семеко Г.В.* Территориальная реформа 2014–2015 гг. во Франции // Федерализм. 2017. № 3. С. 19–32.
- Anselin L.* Local Indicators of Spatial Association – LISA // Geographical Analysis. 1995. No. 27. P. 93–115.
- Caprara G.V.* The personalization of modern politics // European Review. 2007. No. 15. P. 151–164.
- Cliff A., Ord J.K.* Spatial Autocorrelation. L.: Pion, 1973. 178 p.
- Cox K.R.* The neighborhood effect in voting response surfaces. / ed.by D.C.Sweet. Lexington, MA: D.C. Heath, 1972. P. 159–176.
- Dumont G.-F.* Devoluzione addio! Lo Stati Francese riaccentra. Limes – rivista italiana di geopolitica. Gruppo editoriale l'espresso, 2018a. P. 217–228. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01795094> (дата обращения: 18.01.2021).

- Dumont G.-F.* Géopolitique des territoires français : décentralisation versus recentralisation. Diploweb.com: la revue géopolitique. 2018b. URL: <https://www.diploweb.com/Geopolitique-des-territoires-francais-decentralisation-versus-recentralisation.html> (дата обращения: 18.01.2021).
- Gimpel J. G., Karnes K. A., McTague J., Pearson-Merkowitz S.* Distance-decay in the political geography of friends-and-neighbors voting // *Political Geography*. 2008. No. 27. P. 231–252.
- Gouard D. et al.* Les trois électors de la primaire de la droite et du centre. Mobilisation et production des votes aux limites de l'entre-soi. // *Revue française de science politique*. 2017. Vol. 67. No. 6. P. 1113–1130.
- Kovalcsik T., Nzimande N.* Theories of the voting behaviour in the context of electoral and urban geography // *Belvedere Meridionale*. 2019. Vol. 4. No. 31. P. 207–220.
- Mayhew S.* A Dictionary of Geography. Oxford University Press, 2004. 543 p.
- Mouchet N.* Culture Générale 2019–2020. Paris: Ellipses édition Marketing S.A., 2018. 224 p.
- Mughan A.* On measuring national integration in regionally divided societies // *Quality and Quantity*. 1978. Vol. 12. No. 1. P. 91–98.
- Norpoth H., Lewis-Beck M.S., Lafay J.-D.* Economics and politics: the calculus of support. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. 293 p.
- Norris P.* The “New Cleavage” Thesis: The Social Basis of Right-Wing Support // *Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 129–148.
- Prescott J.R.V.* Political geography. London: Methuen, 1972. 124 p.
- Siegfried A.* Tableau politique de la France de l'ouest sous la troisième république. 102 maps and sketches, 1 map without text, Paris: Armand Colin, 1913; rpt. Brussels: Éditions de l'Université de Bruxelles, 2010. 683 p.
- Subra P.* Géopolitique de l'aménagement du territoire. Paris: A. Colin, 2018. 352 p.
- Taylor P.J., Johnston R.J.* Geography of elections. Harmondsworth: Penguin Books, 1979. 528 p.
- Thoenig J.-C., Duran P.* L'État et la gestion publique territoriale // *Revue française de science politique*. 1996. No. 46. P. 580–623.
- Visser M.* Five theories of voting action: strategy and structure of psychological explanation. Enschede: Universiteit Twente, 1998. 120 p.
- Voting / ed. by Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Chicago: University of Chicago Press, 1954. 146 p.
- Wegman E.J., Dorfman A.* Visualizing cereal world // *Computational Statistics and Data Analysis*. 2003. Vol. 4. No. 43. P. 633–649.
- Woolstencroft R.P.* Electoral geography: retrospect and prospect // *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*. 1980. Vol. 1. No. 4. P. 540–560.

REGIONAL REFORM AND ITS IMPACT ON THE ELECTORAL BEHAVIOR DURING 2012 AND 2017 PRESIDENTIAL ELECTIONS IN FRANCE*

EVGENIYA ZKHAROVA

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

The article deals with the 2015 territorial reform in France which reduced the number of regions and changed jurisdiction of the center and regions. In the paper the authors try to learn whether and how this reform affected electoral behavior in the regions during the first round of 2012 and 2017 presidential

* The article was prepared within the framework of the project “Political culture as the factor of electoral behavior at subnational politics in France and Germany”, RFBR grant No. 19-311-90035.

elections, whether there is a difference between them, and what are the voting patterns in French regions. The author used Moran's index of spatial autocorrelation in order to answer the questions and analyze "neighborhood effect". Besides the researcher employed multivariate explanatory data analysis to uncover the electoral patterns. Among the variables underlying the patterns the author selected socio-economic and demographic ones, as well as the number of criminal acts against Muslim-migrants in the context of the 2015 migrant crisis in Europe. The scholar concludes that territorial reform mitigated the neighborhood effect in regional electoral behavior which indicates the process of decentralization. As for electoral patterns, it is in the Eastern regions where the citizens vote for Marin Le Pen given high levels of migration and unemployment there. In the West where migration and unemployment are low people tend to choose a candidate whose agenda is not centered around migrants. The winner usually gets support from the capital region where migration and unemployment are low but many criminal acts against Muslim-migrants were reported. Consequently, the reform itself did not change electoral patterns in the regions which indicates the tendency towards recentralization and leaves the capital region in the center of political process.

Keywords:

French elections; electoral behavior; regional reform; spatial analysis; migration; Moran's Index; multivariate exploratory data analysis.

References

- Anselin L. (1995). Local Indicators of Spatial Association – LISA. *Geographical Analysis*. No. 27. P. 93–115.
- Balash O.S. (2012). Ekonometricheskoye modelirovaniye prostranstvennykh vzaimodeystvij [Econometric Modeling of Spatial Interaction]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Ekonomika. Upravleniye*. Pravo. No. 3. P. 30–35.
- Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. (1954). *Voting*. Chicago: University of Chicago Press.
- Caprara G.V. (2007). The personalization of modern politics. *European Review*. No. 15. P. 151–164.
- Cliff A., Ord J. K. (1973). *Spatial Autocorrelation*. L.: Pion. 178 p.
- Cox K.R. (1972) The neighborhood effect in voting response surfaces. In: Sweet D.C. (ed.) *Models of urban structure*. Lexington, MA: D.C. Heath. P. 159–176.
- Dumont G.-F. (2018a). Devoluzione addio! Lo Stati Francese riaccetra. [Farewell devolution! The French state recentralizes]. *Limes – rivista italiana di geopolitica. Gruppo editoriale l'espresso*. P. 217–228. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01795094> (accessed: 18.01.2021).
- Dumont G.-F. (2018b). Géopolitique des territoires français: décentralisation versus recentralisation [Geopolitics of French territories: decentralization against recentralization]. *Diploweb.com: la revue géopolitique*. URL: <https://www.diploweb.com/Geopolitique-des-territoires-francais-decentralisation-versus-recentralisation.html> (accessed: 18.01.2021).
- Gimpel J. G., Karnes K. A., McTague J., Pearson-Merkowitz S. (2008). Distance-decay in the political geography of friends-and-neighbors voting. *Political Geography*. No. 27. P. 231–252.
- Golosov G.V., Grigoriev V.S. (2015). Natsionalizatsiya partijnoj systemy: rossijskaya spetsifika [Party System Nationalization: The Case of Russia]. *Politicheskaya Nauka*. No. 1. P. 128–156.
- Gouard D. et al. (2017). Les trois électorats de la primaire de la droite et du centre. Mobilisation et production des votes aux limites de l'entre-soi. *Revue française de science politique*. Vol. 67. No. 6. P. 1113–1130.
- Kovalcsik T., Nzimande N. (2019). Theories of the voting behaviour in the context of electoral and urban geography. *Belvedere Meridionale*. Vol. 4. No. 31. P. 207–220.
- Makar S.V. (2012). Prostranstvennyy analiz: razvitiye kontseptsii i vozmozhnosti primeneniya [Spatial analysis: concept and application possibilities development]. *Finansy: teoriya i praktika*. No. 2. P. 61–72.
- Mayhew S. (2004). *A Dictionary of Geography*. Oxford University Press, 2004. 543 p.
- Mouchet N. (2018). *Culture Générale 2019–2020* [General Culture 2019–2020]. Paris: Ellipses édition Marketing S.A. 224 p.
- Mughan A. (1978). On measuring national integration in regionally divided societies. *Quality and Quantity*. Vol. 12. No. 1. P. 91–98.
- Norpoth H., Lewis-Beck M.S., Lafay J.-D. (1991). *Economics and politics: the calculus of support*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 293 p.
- Norris P. (2005). The "New Cleavage" Thesis: The Social Basis of Right-Wing Support. In: Norris P. *Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 129–148.

- Okunev I. Yu. (2020). *Osnovy prostranstvennogo analiza: Monographiya* [Basics of spatial analysis: Monography]. Moscow: Aspect-Press. 255 p.
- Prescott J.R.V. (1972). *Political geography*. London: Methuen. 124 p.
- Semeko G.V. (2017). Territorial'naya reforma 2014–2015 gg. vo Frantsii [2014–2015 territorial reform in France]. *Federalism*. No. 3. P. 19–32.
- Siegfried A. (2010). Tableau politique de la France de l'ouest sous la troisième république. 102 maps and sketches, 1 map without text, Paris: Armand Colin, 1913; rpt. Brussels: Éditions de l'Université de Bruxelles. 683 p.
- Subra P. (2018). *Géopolitique de l'aménagement du territoire* [Geopolitics of spatial planning]. Paris: A. Colin. 352 p.
- Taylor P.J., Johnston R.J. (1979). *Geography of elections*. Harmondsworth: Penguin Books. 528 p.
- Thoenig J.-C., Duran P. (1996). L'État et la gestion publique territoriale [The State and territorial public administration]. *Revue française de science politique*. 1996. No. 46(4). P. 580–623.
- Visser M. (1998). Five theories of voting action: strategy and structure of psychological explanation. Enschede: Universiteit Twente. 120 p.
- Wegman E.J., Dorfman A. (2003). Visualizing cereal world. *Computational Statistics and Data Analysis*. No. 43. Vol. 4. P. 633–649.
- Woolstencroft R.P. (1980). Electoral geography: retrospect and prospect. *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*. Vol. 1. No. 4. P. 540–560.
- Zakharova E.A. (2020). Ot "Natsional'nogo Fronta" k "Natsional'nomu Obyedineniyu" vo Frantsii: elementy rebrendinga partii [From Front National to Ressemblment National in France: Rebranding the Party Image]. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 22. No. 3. P. 475–486.

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE MUSIC INDUSTRY

EVIDENCE FROM KAZAKHSTAN

YELENA KALYUZHNOVA

OLENA KHLYSTOVA

Henley Business School, University of Reading, Reading, RG6 6UD, United Kingdom

ASSEL IMAYO

Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Almaty, 050000, Kazakhstan

Abstract

The COVID-19 pandemic has had an overwhelmingly negative effect on the music industry in Kazakhstan. Music events had to close or cancel their performances, rendered unable to operate as usual. This sector has been struggling to cope with the pandemic because of the lack of the government support, digital skills, and difficulties in accessing software to record concerts or perform online. Given the need in the literature for surveys of music industry representatives on the impact of the COVID-19 pandemic in different geographic areas, this study utilised the survey approach. During the period of February-June 2021, we approached 102 representatives of the music industry across Kazakhstan. We have collected data on what impact the COVID-19 pandemic has had on the music industry in Kazakhstan. The results of the survey demonstrate that the music industry stakeholders have lost a significant amount of income due to the COVID-19 pandemic. Our study has several policy implications that could be considered when developing the recovery strategy for the music industry in Kazakhstan. The policy makers need to consider the development of financial schemes to support artists in the time of the pandemic. It would be helpful to create grants to support the creative artists who are particularly struggling from the negative consequences of the COVID-19 pandemic. Our results have demonstrated that it would be necessary to unite academics and musicians in associations that could advise them on the possibilities of obtaining grants and special support from state and independent foundations.

Keywords:

Music Industry; Covid-19 Pandemic; Kazakhstan.

The creative industries have continued their growth during the recent decade and could grow significantly more as technology advances and incomes increase in transition economies. The creative industries are particularly

important for culture and creativity to generate economic growth (Casson and Godley, 2000; Bosma and Sternberg, 2014). With minimal production and distribution costs, creative sectors help people escape poverty and also bolster

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.06.2021

Дата принятия к публикации: 14.07.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: y.kalyuzhnova@henley.ac.uk

cross-cultural exchange (World Economic Forum, 2015). The year 2021 has been declared the “International year of the creative economy for sustainable development”¹. Firms, regions, and countries will join efforts to promote sustained and inclusive economic growth, foster innovation, and create entrepreneurial opportunities.

Prior research has emphasized a need to support developing countries and countries with economies in transition (Kalyuzhnova, 2008; Kalyuzhnova and Nygaard, 2008) in diversifying production and exports, thus reducing poverty and unemployment by creating new sustainable growth areas: in particular, creative industries. For example, UNCTAD’s international trade and commodities director, Pamela Coke-Hamilton, mentioned: “The creative economy and its industries are strategic sectors that if nurtured can boost competitiveness, productivity, sustainable growth, employment and export potential”².

However, over the last decade, the creative industries have been ignored in the transition economies, even though they contribute vastly to economic growth and reduce inequality in developed countries like UK or Germany. Moreover, Cooke and De Propriis (2011) revealed that the development of creative industries on the regional and local levels can significantly promote sustainable growth and resetting the economy. Essentially, all creative sectors are inclusive, because everybody potentially can participate and contribute to it compared with other sectors. Despite this, though, it cannot guarantee that income inequality will decrease as well as provide economic growth. For example, Florida (2012) highlighted how the cities that have the most innovative and creative economies are often associated with the worst social and economic inequality. He demonstrated a strong correlation between the presence of the creative class in metropolitan areas and income inequality; this is

because the creative industry generally employs skilled workers which leads to a rise in the relative wages of more educated workers (United Nations, 2019).

This study is guided by the following research question: *What impact has the COVID-19 pandemic had on the music industry in Kazakhstan?*

2. Background

Creative sectors taxonomy and their role in transition economies

The creative industries comprise the cycles of creation, production, and distribution of goods and services with creative content, cultural and economic value, and market objectives. In this regard, UNCTAD classified the creative industries as creative services, design, publishing and printed media, visual arts, cultural sites, traditional cultural expressions, performing arts, audio-visuals, and new media (UNCTAD, 2011: 18). Meanwhile, a wide definition of the creative industries has been suggested by the UK Department for Digital, Culture, Media and Sport (DCMS) as “those activities which have their origin in individual creativity, skill and talent and which have a potential for wealth and job creation through the generation and exploitation of intellectual property” (DCMS, 2019: 7). DCMS categorizes creative industries as advertising, architecture, art and antique markets, craft, design, designer fashion, film and video, interactive leisure software, music, performing arts, publishing, software and computer services, television, and radio. A completely different approach to creative industries classification was proposed by WIPO and is known as the “copyright model”; this divides the creative industries up into three categories: core, interdependent, and partial copyright industries. This model seeks to include all the industries involved in the creation, manufacture, production, broadcast and distribution, and con-

¹ United Nations. International Year of Creative Economy for Sustainable Development. – 2021. 2019. URL: <https://unctad.org/topic/trade-analysis/creative-economy-programme/2021-year-of-the-creative-economy> (accessed: 27.05.2021).

² European Creative Business Network. 2021: UNCTAD declares International Year of Creative Economy for Sustainable. 2019. URL: <http://ecbnetwork.eu/2021-unctad-declares-international-year-of-creative-economy-for-sustainable-development/> (accessed: 06.08.2021).

sumption of copyrighted works, and thus results in a rather different list from that of the DCMS (British Council, 2010).

Several studies have attempted to explore regional determinants, the effects of the presence of creative industries, and the emergence of a 'creative class'. The city as collectors of human capital, generating new ideas and economic growth, building on Jacobs' study (1969), was firstly formalized by Lucas (1988). In addition, Desrochers (2001) argued that cultural and economic diversities in cities are a key factor for regional economic performance, accommodated by existing variations in new creative people from varied backgrounds who come to work together in a city, as well by the increasing share of a new X-class – or, as Florida (2005) posited it, a 'new creative class' – that spurs in the modern agglomerations. Moreover, Godley and Casson (2000) demonstrated that culture really matters in performing rapid economic growth, which Audretsch et al. (2019) have tested more currently for European regions.

It is argued that regions with a higher share of creative class tend to have more vibrant and diverse ideas, making it easier for business to find nontrivial solutions to everyday tasks, enabling simpler pathways for individuals to start a business in the region and stay within it. Diversity and the availability of well-functioning institutions will naturally attract creative human capital to a region. Hence, regions with better institutions and higher diversity have a competitive advantage in attracting creative class. Creativity is defined as 'the ability to produce work that is both novel and appropriate' (Sternberg, 1999). Creative industries are considered a boost for economic growth and innovation, but developing economies do not have enough capacity to take competitive advantages of it. The lack of financial resources and creative capital are one of the main issues.

In this study, creativity or creative capital is defined as an outcome associated with any new idea generated by any component of three distinct creative classes whose economic value is more uncertain than would be associated with the traditional capital for firms, such as physical or human capital. Creative capital – which

is an intangible property of creative class – stems from their creative capacity, city diversity, and openness to new ideas, and is a key source of entrepreneurial opportunities. It does not per se add economic value to a region, but creates an opportunity for creativity commercialization by various entrepreneurship types.

In this regard, developed countries could be one of the main sources in supporting the development of creative industries. For instance, last year, UK researchers investigated the value of the UK's support for creative industries in emerging economies (Vietnam, Indonesia, Nigeria, and Colombia). The study found that the UK has played – and is continuing to play – a pivotal role in shaping the strategic and policy agenda for the creative economies of these countries. The research looked at how the UK's relevant creative and cultural organizations can act as valued facilitators and enablers across the creative economy. They can support partners such as municipalities, civil society organisations, or creative networks to recognise the value of clusters and hubs as critical drivers of the creative economy: essential 'safe spaces' for cultural dialogue, collaboration, and innovation. For example, it found that the British Council has significantly contributed to the development of 'Bandung Creative City': a grassroots and sector-led movement which has mobilised multiple creative activities in this major Indonesian city, with a commitment to inclusivity, gender equality, and environmental sustainability (British Council, 2019).

Actor network and the creative industries

The creative industries have been considered as an important sector for the development of international relations (Braun, Schindler, and Wille, 2019). The creative industries concept has been developing since the 1990s, with governments introducing policies to systematically develop and promote culture, the technology-intensive sectors, entertainment, and so on (Caves, 2000; Lampel and Germain, 2016). The creative industries are of particular interest to international relations and business scholars because of their inclusiveness and post-industrial characteris-

tics, such as their flexible organisation, extensive use of technologies, and the employment of creative and technical talents (Lampel and Germain, 2016; Lampel, Lant, and Shamsie, 2000). In addition, the creative industries cover a full range of organisational characteristics and activities, from large multinationals to micro-businesses and cultural entrepreneurs (Li, 2020).

The role of key national and international actors in the development of creative industries plays a crucial role in international relations and cooperation. These actors help maintain the sector's strategies, support the network, and develop cooperation between countries

(OECD, 2018; Mangifera, 2019). The cooperation between key actors in the creative industries can enhance the skills of workers who are involved in the creative industries. The well-organized actor networks can help the creative industries facilitate international cooperation between countries and international organisations and promote the sustainability and inclusiveness of the creative industries (Bazalgette, 2017). Our analysis of the literature (Daniel, 2017; Pauget, Tobelem, and Bootz, 2021; Kidd and McAvoy, 2019; Bazalgette, 2017; Mangifera, 2019; OECD, 2018) enabled us to articulate the key stakeholders within each sub-sector of the creative industries (Table 1).

Table 1
Examples of key stakeholders of the creative industries

The key area	Relevant industry body or association
General	e.g., Ministry of Culture, Ministry of the Arts, Department for Digital, Culture, Media and Sport, Ministry of IT, Ministry of Creative Economy, Ministry of Information and Broadcasting media, Ministry of Digital Transformation, National Council of Arts, Federal Trade Commission, Chambers of Commerce, Trade Unions, Nesta, European Commission
Advertising and Marketing	e.g., The Advertising Standards Authority, Advertising Industry Council, The Committee of Advertising Practice, Federal Trade Commission, Broadcast Committee of Advertising Practice, Associations of Advertising and Marketing Agencies, Advertising and Marketing Federations, Association of National Advertisers
Architecture	e.g., Architects Board, The National Council of Architecture, Institute of Architects, Society of Architects, National Organisation of Architects
Crafts	e.g., Art Pottery Associations, Craft Directory, Heritage Crafts Association, Association of International Ceramics, Ceramic Society, Society of Silversmiths
Design and Fashion	e.g., Design Centres, Design Institute, Fashion Council, The Council of Fashion Designers, Fashion Association, Federation of Fashion
Film, TV, Video, Radio, Photography	e.g., Board of Film Classification, Office for Communication, Academy of Film and Television Arts, Commercial Radio Companies Association, Communications and Media Authority, Record Industry Association, Broadcasting Authority, Radio-television and Telecommunications Commission, Society of Media Photographers, National Photographic Society, Professional Photographers Association
IT, Software, Computer Services	e.g., Association for Interactive Entertainment, Independent Game Developers' Association, Computer Services Association, Computer Society, Association of Independent Information Professionals, Association of Information Technology Professionals, Computing Technology Industry Association
Museums, Galleries, Libraries	e.g., Museums Association, International Council of Museums, National Museum Directors' Council, British Council, Heritage Without Borders, Federation of Arts Councils and Culture Agencies, Alliance of Museums, Association of Academic Museums and Galleries, Library Trustee Association, Association of College & Research Libraries, Independent Libraries Association
Music, Performing and Visual Arts	e.g., Music Retailers' Association, Music Council, Association of Independent Music, Association of Professional Recording Services, Academy of Songwriters, Composers and Authors, National Association for the Visual Arts, Society for the Performing Arts, Association of Performing Arts, Performing Arts Alliance
Publishing	e.g., Publishers Associations, Federations of Publishers, Independent Press Standards Organisation

Source: Authors.

The creative industries have been one of the most fast-growing sectors over the past 20 years, driven by technology, intensive international cooperation, content, skills, and talents. In addition, the creative industries have also contributed to international cooperation between countries towards the exchange of cultures, experiences, international projects, and programmes. In order to successfully grow and thrive, the creative industries need strong and supportive actor networks to embrace international opportunities and explore new markets.

3. Method

Given the need in the literature for surveys of music industry representatives to the impact of the COVID-19 pandemic in different geographic areas, this study utilised the survey approach (Harris, 2021). We developed a questionnaire with a range of questions on how the COVID-19 pandemic affected cultural organisations, cultural entrepreneurs, and other stakeholders (Nesta, 2020). The list of the questions is presented in Table 1 in the Appendix. We collected data from 102 music industry representative across Kazakhstan. Academic musicians from all regions of Kazakhstan took part in the survey. The data has been collected during the second and third waves of the COVID-19 pandemic between February-June 2021. The web link to the invitation to participate in the survey has been sent by email 10,000 music industry representatives (entrepreneurs, workers in theatres, operas, ballets, independent musicians, etc.). We collected the emails using the database on the workers and entrepreneurs registered in the creative industries in Kazakhstan, personal contacts and Facebook invitations, and the personal data of project participants (creative workers and individual entrepreneurs) collected within the Creative Spark Higher Education Enterprise Programme in Kazakhstan sponsored by the British Council. In order to disseminate the survey, we have also used a Facebook to approach some of the stakeholders. We targeted people with a Bachelor's Degree, a Master's Degree, and PhD students or holders. The geographical

distribution of the respondents covered capital city (19%), city (79%), and village (2%). The questionnaire was designed to include open and closed questions that were duplicated in both Russian and English. In order to ensure the confidentiality of responses, the personal data of respondents was removed and replaced with "participant no.". In addition, the respondents were able to leave open-ended comments after the questionnaire, which helped when analysing the responses.

The local context of Kazakhstan's music industry and the impact of the COVID-19 pandemic

The professional art market is actively developing in Kazakhstan, in particular the performing arts and the music industry. The music industry in Kazakhstan is supported by the government and public organisations. Philharmonics, opera and ballet theatres, drama theatres – indeed, wherever a soloist or orchestral artist, choral artist, vocal and dance performer, or any such performer exhibits their work – is in demand. The music industry in Kazakhstan (academic sector) has shown high growth rates over the past 30 years. The high level of modern cultural potential resting on the rich cultural heritage of the Kazakhs has become one of the leading factors in the formation of Kazakhstan's positive image as a country with a distinctive culture and spiritual traditions that go deep into history (Zhaikenova, 2014).

During the period of independence, the culture of Kazakhstan adapted to the new socio-economic conditions, which led to the renewal of national art. The changes that have taken place over the past three decades have affected all spheres of Kazakhstan's art and cultural life. Within the framework of the popularization of Kazakh culture abroad, events in the format of 'days of culture' over the past few years have covered almost all Commonwealth of Independent States (CIS) countries, the leading states of Europe and Asia, and the Middle East. Music, visual art, film, and theatrical arts are worthily represented at various international art festivals, exhibitions, forums, biennials, and competi-

tions. The market economy has provided its own paths for realizing the creative potential of artists. Young performers belonging to the pop music industry, having managed to preserve their national identity, are developing their creativity not only in Kazakhstan but also beyond its borders.

Academic performing arts are developing both internally and globally. Kazakh music only began to be performed in far-flung international concert halls from the end of 20th century – this can be attributed to the achievements during the formation of the culture of independent Kazakhstan. An important role in organizing foreign tours of Kazakhstan's musicians was played by the activities of international organizations: UNESCO, the British Council, Soros Foundation, USAID, and others.

The COVID-19 pandemic has affected culture all over the world. For example, the CEO of the Metropolitan Opera, Peter Gelb, notified the musicians of the orchestra and choir that their work has been suspended without payment at least until 2021³. As another example, in Russia, musicians attached to state orchestras had received full salaries, but there are a lot of those who work independently, as freelancers, from concert to concert. The pandemic affected such performers most significantly: many of them had to look for work outside the profile, for example, become a taxi driver or a courier.

The period of the pandemic in Kazakhstan also saw restrictions implemented. It was impossible to hold events with any number of people. Concerts were cancelled. The staff in the public or private cultural organizations went into quarantine and were forced to rehearse at home so as not to lose shape. Nevertheless, budget-funded organizations also retained the wages of their employees. Freelance musicians, who were left without income, also lost their jobs and were forced to go online. At the same time, many budget organizations also involved the Internet with both archival programs and new projects in

order to maintain their existing audiences' interest in their work whilst attracting new ones. Total digitalization modernized the communication processes of musicians and listeners, bringing qualities such as creativity of thinking and a tendency to creative adventurousism to a new level. For many musicians, both individually and as part of a group, the first experience of going on the air happened during one of the lockdowns.

The music industry has been negatively affected due to the Covid-19 pandemic. The crisis has particularly affected the incomes of middle-income performers. Many professional musicians in Kazakhstan are officially employed in collectives of budgetary cultural organizations of the republic, which gives a certain stability in income. However, it should be noted here that one of the equally significant sources of income for a certain number of musicians is paid performances at municipal and corporate events. Thus, the quarantine measures applied to concert activities implies the complete absence of such a source of income for these musicians during the pandemic.

4. Results

The participants of the survey have been mainly involved in concerts (61%), performing arts (38.2%), private concerts and events (36.3%), and media (10.8%). More than 30% of those who participated in the survey have an academic degree. More than 80% have over 10 years of work experience, of which about 50% have 20 years of work experience.

The results of the survey demonstrate that the music industry stakeholders have lost a significant amount of income due to the COVID-19 pandemic. The reason for this was a considerable decline in their performing activity (50%) or a delay of the concerts and other events (74.5%). Due to the pandemic, many musicians were forced to reduce their income; some were left without any income. Those respondents who are employed in budgetary organizations remained at the same

³ *Stepanyan D.* Music industry after the pandemic: losses, fees and new formats. RBC Style. 2020. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/5f23015a9a79477bd6ac3ae4> (access: 27.05.2021).

income level, despite the fact that the organizations were forced to close during the quarantine period. For example, in 2019, the monthly income of the respondents varied from 500\$ to 1,000\$; however, during the first and the second waves of the COVID-19 pandemic, the monthly income dropped to less than 200\$. In terms of the estimations regarding future income projections, 39% of the respondents claimed that they would earn the same amount of money as during the first and the second waves of the pandemic, 22% believed that their income would be 50% less than in 2020, and 20% were convinced that they would earn 25% less money.

More than 50% of respondents noted a lack of skills in using digital tools to carry on their activities online, and 20% of respondents stressed the problems with the access to musical equipment and software. Therefore, the digitalization of activities did not bring any income for more than 60% of the respondents. Only 20% of the respondents have earned some money from online activities. It is important to note that the decline in income triggered a search for new sources of income in the profession, as well as creating concerns among artists about their profession overall. In this regard, 40% of the respondents have thought about changing their profession.

According to the survey, more than 80% of the respondents were not aware of the government support programmes in Kazakhstan for handling the negative consequences of the COVID-19 pandemic on the music industry and workers. In addition, freelance musicians could not cope with the pandemic as they were excluded from all possible kinds of private or government support during the pandemic. Even if the artists could apply for the support scheme, they had some doubts about the funding or the terms and conditions.

* * *

The COVID-19 pandemic has had an overwhelmingly negative effect on the music industry in Kazakhstan. Music events had to close or cancel performances and could not operate as usual. This sector has been struggling to cope

with the pandemic because of the lack of government support, insufficient digital skills, or difficulties in accessing software to record the concerts or perform online. In addition, the cultural workers have had significant income losses due to the COVID-19 restrictions and social distancing rules. The current policy agenda should consider how to organize the cultural economy, in particular the music industry, in order to help this sector recover from the pandemic. As O'Connor (2020) highlighted: "It is also important to reset the relationship to the 'audience', to establish a different language, a new way of talking, that can re-centralize culture's role in our public life, and articulate how these relate to our collective conception of 'the good life'."

This study has several policy implications. Firstly, the policy makers could consider the development of financial schemes to support artists as the COVID-19 pandemic continues. It is evident from the results that artists require help, and the music industry will not operate as usual without government support. It would be helpful to create grants and other incentives to support those artists who are particularly struggling from the negative consequences of the COVID-19 pandemic. Secondly, our results demonstrate that it is necessary to unite academic musicians in associations that could advise them on the possibilities of obtaining grants, scholarships, and special support from state and independent foundations. For example, joining the recently created 'association of creative entrepreneurship' will allow musicians left without income to receive support and advice on legal issues, to interact with government agencies or international and public organizations, or to conduct seminars, round tables, and conferences on various issues, which can include presentation performance. Thirdly, as freelancers were at a high risk of not coping with the COVID-19 pandemic, the creation of a database of freelance musicians would make it easier for potential customers to find their services, whilst allowing musicians to navigate the pricing of their services, thus supporting their businesses.

References

- Audretsch D.B., Belitski M., Korosteleva, J. (2021). Cultural diversity and knowledge in explaining entrepreneurship in European cities. *Small Business Economics*. Vol. 56. No. 2. P. 593–611.
- Bazalgette P. (2017). *Independent Review of the Creative Industries*. UK Government. URL: <https://present.brighton-hove.gov.uk/documents/s143285/Independent%20Review%20of%20the%20Creative%20Industries.pdf>. (accessed: 27.05.2021).
- Bosma N., Sternberg R. (2014). Entrepreneurship as an urban event? Empirical evidence from European cities. *Regional studies*. Vol. 48. No. 6. P. 1016–1033.
- Braun B., Schindler S., Wille T. (2019). Rethinking agency in International Relations: performativity, performances and actor-networks. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 22. P. 787–807. <https://doi.org/10.1057/s41268-018-0147-z>
- British Council. (2010). *Mapping the Creative Industries: A Toolkit*. URL: https://creativeeconomy.britishcouncil.org/media/uploads/files/English_mapping_the_creative_industries_a_toolkit_2-2.pdf
- British Council. (2019). *Developing Creative Economies in ODA Countries. Overview Report*. URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/british_council_creative_economy_development_in_four_countries_summary_report_tfcc.docx_.pdf (accessed: 27.05.2021).
- Casson M., Godley A. (2000). Cultural factors in economic growth. In: Casson M., Godley A. (eds) *Cultural factors in economic growth*. Berlin, Heidelberg: Springer. P. 1–43.
- Caves R.E. (2000). *Creative industries: Contracts between art and commerce*. Harvard University Press. 454 p.
- Cooke P., De Propriis L. (2011). A policy agenda for EU smart growth: the role of creative and cultural industries. *Policy Study*. Vol. 32. No. 4. P. 365–375.
- Daniel R. (2017). The creative industries concept: stakeholder reflections on its relevance and potential in Australia. *Journal of Australian Studies*. Vol. 41. No. 2. P. 252–266.
- Desrochers P. (2001). Local diversity, human creativity, and technological innovation. *Growth and Change*. Vol. 32. No. 3. P. 369–394. <https://doi.org/10.1111/0017-4815.00164>
- Florida R. (2005). *The flight of the creative class*. New York: Harper Business. 326 p.
- Florida R. (2012). *The rise of the creative class, updated and revised edition*. New York: Basic Books. 326 p.
- Kalyuzhnova Y. (2008). *Economics of the Caspian oil and gas wealth: Companies, governments, policies*. Springer. 257 p.
- Kalyuzhnova Y., Nygaard C. (2008). State governance evolution in resource-rich transition economies: An application to Russia and Kazakhstan. *Energy Policy*. Vol. 36. No. 6. P. 1829–1842.
- Kidd J., McAvoey E.N. (2019). *Immersive experiences in museums, galleries and heritage sites: a review of research findings and issues*. Nesta, United Kingdom. URL: <https://pec.ac.uk/assets/publications/PEC-Discussion-Paper-Immersive-experiences-Cardiff-University-November-2019.pdf> (accessed: 27.05.2021).
- Lampel J., Germain O. (2016). Creative industries as hubs of new organizational and business practices. *Journal of Business Research*. Vol. 69. No. 7. P. 2327–2333.
- Lampel J., Lant T., Shamsie J. (2000). Balancing act: Learning from organizing practices in cultural industries. *Organization science*. Vol. 11. No. 3. P. 263–269.
- Li F. (2020). The digital transformation of business models in the creative industries: A holistic framework and emerging trends. *Technovation*. Vol. 92. 102012. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2017.12.004>
- Mangifera L. (2019). Stakeholders Analysis for Creative Industry Development. *Jurnal Ekonomi Pembangunan: Kajian Masalah Ekonomi dan Pembangunan*. Vol. 19. No. 2. P. 156–162.
- Nesta. (2020). *What is the impact of COVID-19 on the creative industries?* URL: <https://www.pec.ac.uk/news/how-can-the-creative-industries-come-together-to-share-how-covid-19-is-impacting-the-sector> (accessed: 27.05.2021).
- O'Connor J. (2010). *Art and culture after Covid-19*. URL: <https://wakeinalarm.blog/2020/04/09/art-and-culture-after-covid-19/>. (accessed: 27.05.2021).
- OECD. (2018). *The Value of Culture and the Creative Industries in Local Development, Italy*. URL: <https://www.oecd.org/cfe/leed/2018-SACCI-Handbook.pdf>. (accessed: 27.05.2021).
- Pauget B., Tobelem J.M., Bootz J.P. (2021). The future of French museums in 2030. *Technological forecasting and social change*. Vol. 162. No. 2. 120384. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120384>
- Sternberg R. J., Lubart T. (1999). The concept of creativity: Prospects and paradigms. In: *Handbook of creativity*. Vol. 1. No. 2. P. 3–15.
- United Nations. (2019). *How cultural and creative industries can power human development in the 21st Century*. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/how-cultural-and-creative-industries-can-power-human-development-21st-century> (accessed: 27.05.2021).

- UNCTAD. (2011). *Strengthening the Creative industries for development in Mozambique*. URL: https://unctad.org/en/Docs/ditctab20092_en.pdf (accessed: 27.05.2021).
- World Economic Forum. (2015). *Why is the creative economy growing so strongly?* URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/01/why-is-the-creative-economy-growing-so-strongly/> (accessed: 27.05.2021).
- Zhakenova K. (2014). *The role of culture in the formation of the country brand. "Kazakhstan"*. Vestnik KazEU. URL: <https://articlekz.com/article/13805> (accessed: 27.05.2021).

Appendix

Table 1
The list of the questions asked in the survey

No	Question
1	What is your average income per month from composing/performing?
2	To what extent have local and national restrictions affected you or your organisation's income?
3	Compared to 2019, has your compositional/performing work decreased and if so by what percentage?
4	Has a significant proportion of your work commitments been delayed, postponed or cancelled due to COVID-19?
5	If you are an organisation, since COVID-19, what percentage of your services or events (if applicable) have you had to terminate?
6	How much less than this (as a percentage) do you estimate you will earn in 2021 directly as a result of the COVID-19 pandemic?
7	If the pandemic ended tomorrow, with all social distancing measures dropped, how long would it take for you/your organisation's turnover to reach pre pandemic levels?
8	During the pandemic, what barriers to work or opportunities have you experienced?
9	To what extent have you been able to move activities online?
10	To what extent have new digital activities been able to deliver income?
11	Which of the following best describes the impact of COVID-19 pandemic on your business/ activity/ job)? <ul style="list-style-type: none"> • Made me adapt or change products and services I offer to meet changing consumer demands • Made me more optimistic about the future of my business • Made me more focused on long term goals • Not affected my approach to digital tools • Made me think more about how to grow my business • Made me lose my existing customer base • Decreased our investments in technology and digital tools • Made me feel technologically prepared • Increased customer demand • Increased marketing budget • Made me adjust my business model • Not affected my business's clients/audience • Not affected the types of products and services I offer • Made me more pessimistic about the future of my business • Made me more focused on short term goals • Made me reassess my approach to digital tools • Made me think more about how to save my business • Allowed me to retain or even grow my customer base • Increased our investments in technology and digital tools • Made me feel technologically unprepared • Reduced customer demand • Reduced marketing budget • Not affected to my business model • Disrupted my clients/audience
12	Did you face any socio-economic problems during the COVID-19 pandemic and did you have any government support?

13	If you are eligible for government support scheme but have not yet applied, please list your main reason why below:
14	What government support programs do you know?
15	What further measures do you think the government should introduce to support you and/or your organisation?
16	Please select your gender
17	Please select your age
18	Please select the place you live?
19	Please specify your working experience
20	What is the highest degree or level of education you have completed?

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ

ПРИМЕР КАЗАХСТАНА

ЕЛЕНА КАЛЮЖНОВА

ЕЛЕНА ХЛЫСТОВА

Бизнес-школа Хенли, Университет Рединга, Великобритания

АССЕЛЬ ИМАЙО

Казахская национальная консерватория имени Курмангазы, Алматы, Казахстан

Резюме

Пандемия COVID-19 оказала чрезвычайно негативное влияние на музыкальную индустрию в Казахстане. Её представители были вынуждены закрыть площадки или отменить выступления и не могли работать в обычном режиме. Этот сектор вынужден был искать собственные способы борьбы с последствиями пандемии в отсутствие государственной поддержки. При этом сказывался недостаток навыков работы в цифровой среде, трудности с доступом к программному обеспечению для записи концертов или онлайн-выступления. Учитывая потребность в исследовании влияния пандемии COVID-19 на представителей музыкальной индустрии в различных географических регионах, настоящая работа опирается на результаты проведенного опроса. В период с февраля по июнь 2021 г. мы обратились к 102 представителям музыкальной индустрии по всему Казахстану. Мы собрали данные о том, какое влияние пандемия оказала на музыкальную индустрию страны. Результаты опроса показывают, что участники музыкальной индустрии потеряли значительную часть дохода из-за COVID-19. Наше исследование выводит несколько следствий для политики, которые можно учесть при разработке стратегии восстановления музыкальной индустрии в Казахстане. Лица, определяющие политику, должны рассмотреть вопрос о разработке финансовых схем для поддержки представителей креативных профессий во время пандемии. Было бы полезно предоставить гранты для поддержки специалистов творческих профессий, которые особенно остро сталкиваются с негативными последствиями пандемии. Результаты проведенного исследования демонстрируют необходимость объединять исследователей и музыкантов в ассоциации, которые могли бы проконсультировать их о возможных путях получения грантов и специальной поддержки от государственных и независимых фондов.

Ключевые слова:

музыкальная индустрия; пандемия COVID-19; Казахстан.

Наши авторы

- Вертяев Кирилл Валентинович** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН
- Голуб Юрий Григорьевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
- Гудев Павел Андреевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Захарова Евгения Александровна** – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра пространственного анализа; преподаватель Кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России
- Ибрагимов Ибрагим Эминович** – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Имайо Ассель** – докторант Казахской национальной консерватории имени Курмангазы (Казахстан)
- Калужнова Елена** – Ph.D., профессор, директор Центра евразийских исследований Бизнес-школы Хенли Университета Рединга (Великобритания)
- Квашнин Юрий Дмитриевич** – кандидат исторических наук, руководитель Центра европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Коцур Глеб Владиславович** – аспирант Кафедры европейских исследований Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
- Мачитидзе Георгий Григорьевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Самарская Людмила Максимовна** – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Свистунова Ирина Александровна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Сурков Николай Юрьевич** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Тимофеев Павел Петрович** – кандидат политических наук, заведующий Сектором региональных проблем и конфликтов Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Хлыстова Елена** – докторант Бизнес-школы Хенли Университета Рединга (Великобритания)
- Шаклеина Татьяна Алексеевна** – доктор политических наук, профессор, заведующая Кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
- Шенин Сергей Юрьевич** – доктор исторических наук, профессор Кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Our authors

- Prof. Dr Yuri Golub** – Chair, Department of International Relations and the Foreign Policy of Russia, Chernyshevskiy Saratov National Research State University
- Dr Pavel Gudev** – Senior Research Fellow, Center for North American Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Mr Ibragim Ibragimov** – Junior Research Fellow, Center for Middle Eastern Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Mrs Assel Imayo** – PhD Researcher, Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Kazakhstan
- Prof. Dr Yelena Kalyuzhnova** – Head of Department “Leadership, Organisations, and Behaviour”; Director, Centre for Euro-Asian Studies; Vice-Dean (International), Henley Business School, University of Reading, UK
- Mrs Olena Khlystova** – PhD Candidate, Henley Business School, University of Reading, UK
- Mr Gleb Kotsur** – Ph.D. Candidate, Department for European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University
- Dr Yuri Kvashnin** – Head, Center for European Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Dr Georgy Machitidze** – Senior Research Fellow, Center for Middle Eastern Studies, Institute of International Studies, MGIMO University
- Mrs Lyudmila Samarskaya** – Junior Research Fellow, Center for Middle Eastern Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Prof. Dr Tatyana Shakleina** – Chair, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University
- Prof. Dr Sergey Shenin** – Professor, Department of International Relations and the Foreign Policy of Russia, Chernyshevskiy Saratov National Research State University
- Dr Irina Svistunova** – Senior Research Fellow, Center for Middle Eastern Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Dr Nikolay Surkov** – Senior Research Fellow, Center for Middle Eastern Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Dr Pavel Timofeev** – Head, Section for Regional Issues and Conflicts, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Dr Kirill Vertyaev** – Senior Researcher, Department of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
- Dr Evgeniya Zakharova** – Research Fellow, Center for Spatial Analysis; Lecturer, Department of Comparative Politics, MGIMO University

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

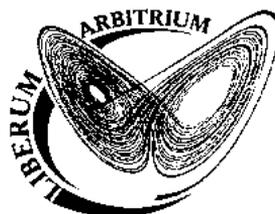
Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, поглощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

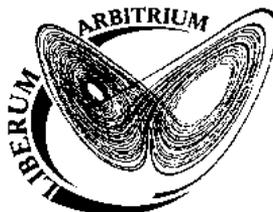
Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том восемнадцатый. 2021	No 1	Внешнеполитические ресурсы и образы действия
	No 2	Глобальные вызовы и национальные приоритеты
Том восемнадцатый. 2020	No 1	Национальные задачи и международный опыт
	No 2	Нормы и конструкты в поведении государств
	No 3	Сценарии соперничества и издержки конфликта
	No 4	Дилеммы мультилатерализма в мировой политике
Том семнадцатый. 2019	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. К столетию дисциплины
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию АСЕАН
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности
Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования
Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности
Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в мироточной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контурсы мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля – только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу **submissions@intertrends.ru** в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подготавливаемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы – должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-дних русскоязычных конструкций и идиом.

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / *IFRI. Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).

Издательство
АСПЕКТ ПРЕСС

Учебная литература для вузов

**Новый
интернет-магазин**

shop.aspectpress.ru

Издательство «Аспект Пресс»
представляет

Торкунов А.В., Рязанцев С.В., Левашов В.К. (Под ред.). Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: Научное издание. 2021. 248 с.

Печатнов В.О., Стрельцов Д.В. (Под ред.). Страны и регионы мира в мировой политике: В 2 т.: Учебник. Гриф ФУМО. 2021.

Том 1: Европа и Америка. 416 с.

Том 2: Азия и Африка. 368 с.

Кавешников Н. Ю. Европейский союз: история, институты, деятельность: Учебник. Гриф ФУМО. 2021. 368 с.

Мартынов Б. Ф., Борзова А. Ю. История внешней политики и дипломатии Бразилии: Учебник. Гриф ФУМО. 2021. 288 с.

